

А. Морской.

ЗУБАТОВЩИНА.

Страничка изъ исторіи рабочаго
вопроса въ Россіи.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА. — 1913.

Рабочій классъ въ исторіи новѣйшаго времени болѣе или менѣе вездѣ играетъ роль бродила и наиболѣе безпокойнаго элемента обществѣнности. Частыя стачечныя движенія, которыя наблюдались въ Россіи за послѣдніе годы минувшаго и на зарѣ новаго вѣка, предвѣщали, что при благопріятныхъ условіяхъ, особенно въ виду соціалистической пропаганды, дѣятельно работавшей въ рабочей средѣ, пролетаріатъ, пожалуй, и у насъ выступитъ на общественную арену по заповѣданнымъ западнымъ образцамъ.

При такихъ условіяхъ рабочій или соціальныи вопросъ, конечно, требовалъ отъ правительства особеннаго вниманія. Между тѣмъ у насъ правящія сферы долго успокаивались на пагубномъ заблужденіи, будто условія фабричной жизни у насъ и на Западѣ существенно различны. Число рабочихъ, занятыхъ въ нашихъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, весьма-де незначительно, а, благодаря счастливымъ условіямъ крестьянскаго землепользованія, большая часть русскихъ рабочихъ настолько-де тѣсно связана съ землею и деревенскимъ бытомъ, что на фабричныя работы пускается только какъ на отхожіе промыслы, ради подсобнаго заработка, сохраняя органическую живую связь съ родиною. Отсюда дѣлался произвольный выводъ, что ни глубокой розни, ни систематической борьбы между рабочими и предпринимателями въ Россіи не существуетъ, какъ не существуетъ въ нашемъ отечествѣ и самаго рабочаго вопроса.

Хотя, по настояніямъ Н. Хр. Бунге, въ 80-хъ годахъ и было положено начало фабричному законода-

тельству для урегулированія взаимоотношеній между фабрикантами и рабочими, законопроектъ по этой части, исходившіе изъ почина Министерства Финансовъ, нерѣдко наталкивались на враждебное отношеніе со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по охранительно-полицейскимъ соображеніямъ, а, благодаря этому, объемъ положительнаго закона все болѣе и болѣе расходился съ запросами, выдвигаемыми самою жизнью. Исторія фабричнаго законодательства, напри- мѣръ, Германіи поучаетъ, что государственные люди этой консервативной, по существу, страны своевре- менно взвѣсивъ значеніе рабочаго вопроса, захватили до нѣкоторой степени рабочее движеніе въ свои руки, соорганизовавъ и упорядочивъ въ духѣ, отвѣчавшемъ интересамъ общественности, государственное страхо- ваніе рабочихъ, рабочіе союзы, стачки и т. д. Благо- даря разумнымъ попечительнымъ мѣрамъ, происхо- дившая, напримѣръ, въ 1905 г. — одновременно съ нашею общею забастовкою—горнозаводская стачка въ бассейнѣ р. Руръ, весьма значительная по числу ба- стовавшихъ, протекла мирно, не нарушая ни обще- ственнаго, ни государственнаго порядка. У насъ же въ эпоху общественной сумятицы рабочее движеніе, не сдерживаемое въ своемъ теченіи опредѣленными рам- ками положительнаго закона, сошло съ естественнаго экономическаго пути и очутилось подъ вліяніемъ по- литической агитаціи и полицейскихъ воздѣйствій.

О послѣднихъ мы и хотимъ здѣсь рассказать, поль- зуясь отчасти мало извѣстными источниками.

* * *

Весьма вѣроятно, самая Зубатовщина не возникла бы вовсе, если бы не была порождена между-вѣдомственными пререканіями—вообще составлявшими язву дореформеннаго строя—по частному вопросу о томъ, кому должно принадлежать право воздѣйствія на рабочихъ.

Сущность этихъ недоразумѣній вполне ясно намѣчаетъ г. В. Д. Бѣловъ въ своемъ докладѣ, представленномъ 9 марта 1905 г. Общему Собранію Общества для содѣйствія русской промышленности.

Мы позволимъ себѣ привести здѣсь соответствующій отрывокъ изъ этого доклада, такъ какъ онъ представитъ собою какъ бы *увертюру*, воспроизводящую главные лейтмотивы сложной перипетіи столкновеній между Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ.

Развитіе нашей промышленности особенно усилилось въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., благодаря, главнымъ образомъ, подъему металлургической и горнозаводской промышленности. Горные заводы и каменноугольные копи разомъ возникли по всему югу тамъ, гдѣ большею частью ранѣе не было даже и поселеній и гдѣ теперь при быстромъ разрастаніи населенія сразу возникъ вопросъ о скученности пришлыхъ рабочихъ и о послѣдствіяхъ ея въ глуши, при отсутствіи законодательныхъ нормъ, которыя бы, способствуя къ огражденію рабочихъ отъ грубаго произвола промышленниковъ, въ то же время парализовали броженіе уже народившагося въ 70-хъ гг. фермента, въ лицѣ революціонной пропаганды.

Въ началѣ 80-хъ гг. правительство кладетъ первыя основанія институту фабричной инспекціи; въ 1882 г.

появляется законъ о малолѣтнихъ рабочихъ; въ 1886 г. обнародывается законъ объ отношеніяхъ между рабочими и фабрикантами. Несомнѣнно, Министерство Финансовъ съ первыхъ же шаговъ фабричнаго инспектората внесло въ это дѣло много сердечной попечительности, а умѣло подобранный личный составъ честнымъ направлениемъ своей дѣятельности напомнилъ давнишнія традиціи мировыхъ посредниковъ ¹⁾.

Въ свою очередь, С. Ю. Витте съ самаго вступленія своего въ Министерство съ 1894 г. принимаетъ рядъ мѣръ къ расширенію дѣятельности фабричной инспекціи.

За всѣмъ тѣмъ въ этомъ дѣлѣ правительство допустило крупную ошибку, которая и испортила всѣ его благія начинанія.

Законоположенія по рабочему вопросу вырабатывались съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, объяснявшеюся тѣмъ, что инициаторы того или иного проекта поспѣшали использовать благопріятную въ данный моментъ административную конъюнктуру, чтобы избѣжать риска провала проекта въ случаѣ наступленія иныхъ условій. О серьезномъ и обстоятельномъ изученіи рабочаго вопроса на мѣстахъ ни за границею, ни у насъ, въ Россіи, не могло быть и рѣчи — поэтому правильнаго и точнаго представленія о дѣйствительныхъ нуждахъ рабочихъ не могло и составить. Сами рабочіе, какъ не способные трактовать такую высокую матерію, конечно, къ подобной работѣ и привлекаемы не были. Ни теоретическаго, ни практическаго серьезнаго обслѣдованія рабочаго вопроса предпринято не было, а безъ него остались не выясненными и тѣ основныя положенія во взаимоотношеніяхъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи не безынтересны свидѣтельства «Стараго Земца» и «Голосъ Фабриканта» А. Ѳ. Морокина, напечатанныя Шарповымъ въ 1905 г.

между работодателями и рабочими, на которыхъ, строго говоря, и слѣдовало, какъ на прочномъ фундаментѣ, построить рациональную организацію дѣятельности фабричной инспекціи. Во всѣхъ этихъ вопросахъ фабричной инспекціи пришлось разбираться *post festum*, приступивъ уже къ отправленію своей дѣятельности.

Благодаря блужданію ощупью, конечно, нечего было и думать о такой постановкѣ дѣла, которая бы въ будущемъ обезпечила правильное и законмѣрное его развитіе. По свидѣтельству добросовѣстнаго и объективнаго изслѣдователя фабричнаго строя ¹⁾, наше фабричное законодательство далеко отъ совершенства, содержитъ массу неопредѣленнаго, недоговореннаго, отсталаго отъ жизни и нуждается въ коррективахъ. Созданное едва ли не исключительно *въ цѣляхъ охраненія порядка*, оно съ положительною помощью рабочимъ выступаетъ лишь тамъ, гдѣ это совпадаетъ съ полицейскими цѣлями, или гдѣ самая жизнь особенно настойчиво выставляетъ свои властныя требованія. Такъ, долгое время законъ не вводился въ дѣйствіе изъ-за отсутствія инструкцій; въ иныхъ фабричныхъ округахъ по нѣскольку лѣтъ отсутствовали обязательныя постановленія объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ, а дѣятельность инспекторовъ парализовалась тѣмъ, что на засѣданіяхъ губернскихъ фабричныхъ присутствій почти всегда принимались рѣшенія, угодныя губернатору, ибо всѣ члены присутствія, за исключеніемъ фабричнаго инспектора, считались только съ желаніями начальниковъ губерній.

Отрицательное, а порою и враждебное отношеніе иныхъ губернаторовъ къ инспекціи не могло, конечно, встрѣчать одобренія со стороны Министерства Финан-

¹⁾ С. Гвоздевъ, «Записки фабричнаго инспектора — изъ наблюденій практики». Москва. 1911. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

совѣ, но послѣднее избѣгало рѣшительной защиты отъ враждебныхъ нападеній черезчуръ рьяныхъ чиновъ всесильнаго Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Что касается отношеній фабрикантовъ-предпринимателей къ инспекціи, то порою они слагались неблагопріятно. Иные мелкіе предприниматели рабочихъ эксплуатировали, относились къ нимъ, какъ къ кабальнымъ, и всемѣрно старались сохранить за собою и впредь право на прежній произволъ, не пренебрегая для этого ничѣмъ; констатированы, напримѣръ, такіе случаи, что въ захолустьи, слыша ямской колокольчикъ и заподозрѣвъ, что ѣдетъ начальство, заводо-владѣльцы-кулаки попросту выгоняли рабочихъ изъ заведенія, послѣднее запирали на замокъ, а сами скрывались. Но гораздо чаще и обычнѣе сказывались попытки со стороны фабрикантовъ задабривать инспекцію любезностями и стараніями сдѣлать инспектора своимъ человѣкомъ, подобно тому, какъ у фабрикантовъ бывали свои становые, исправники и т. д. Отъ *captatio benevolentiae* инспекторовъ съ помощью взятокъ иные предприниматели то же бывали не прочь, но институтъ инспекторовъ былъ подобранъ тщательно, и репутація ихъ въ отношеніи мздоимства всегда оставалась внѣ подозрѣнія.

Въ своемъ обращеніи къ чинамъ фабричной инспекціи, при введеніи закона 14 марта 1894 года, тогдашній министръ финансовъ С. Ю. Витте, разъясняя имъ содержаніе ихъ обязанностей, возлагалъ всѣ свои надежды на *нравственный авторитетъ* инспекторовъ, предлагая прибѣгать не столько къ примѣненію каръ за нарушеніе закона, сколько къ разумнымъ совѣтамъ и толковымъ указаніямъ, и озабочиваться въ одинаковой мѣрѣ объ интересахъ какъ рабочихъ, такъ и фабрикантовъ (инструкція чинамъ фабричной инспекціи отъ 11 іюня 1894 г.).

Отсюда видно, что фабричное наше законодательство и вся совокупность социально-политических условий русской жизни складывались своеобразно и центр тяжести дѣятельности фабричных инспекторовъ, какъ защитниковъ интересовъ рабочихъ, за безсиліемъ закона, переносился на самую личность инспекторовъ, ихъ добрую волю и умѣніе,— словомъ, только на нравственный ихъ авторитетъ.

Чтобы не раздражить гусей, Министерство Финансовъ обречено было на нерѣшительность выступленій въ области рабочаго вопроса, а въ конечномъ результатѣ получились такія послѣдствія:

1) Всѣ законоположенія и правительственныя распоряженія получили частичный, какъ бы случайный характеръ внѣ руководящаго вліянія одной общей цѣли.

2) Рабочій вопросъ очутился въ рукахъ двухъ вѣдомствъ, изъ коихъ каждое руководилось своею особою точкою зрѣнія.

3) На почвѣ различія взглядовъ народились между вѣдомственныя тренія, которыя вызывали компромиссы, мѣшавшіе фабричной инспекціи встать на правильный и нормальный путь.

4) Борьба между Министерствами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ выродилась въ абсурдъ «Зубатовщины», которая во многомъ подготовила и облегчила рабочія выступленія 9—10 января 1905 г.

Старая истина: *все, что просто, труднѣе всего понимается*, нашла себѣ подтвержденіе и въ этомъ случаѣ.

Неоспоримо, что институтъ взаимоотношеній промышленника и рабочихъ опирается на двухсторонній договоръ, не поддающійся узкой регламентации. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы правительственная власть должна была оставаться только безучастною зрительницею част-

ныхъ сдѣлокъ, но участіе ея допустимо не въ смыслѣ ограниченія свободы договаривающихся сторонъ, а лишь, во-первыхъ, въ смыслѣ законмѣрнаго охраненія такихъ соглашеній, уже добровольно состоявшихся между обѣими сторонами, а, во-вторыхъ, въ смыслѣ охраненія неприкосновенности за принципиальными условіями, диктуемыми государственною пользою и справедливостью, безъ наличности коихъ не подлежитъ совершенію и самый договоръ.

Само собою разумѣется, что власть можетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать, лишь точно сообразуясь съ общеизвѣстными нормами закона, но отнюдь не въ порядкѣ административныхъ усмотрѣній.

Таковы и были руководящія основанія при учрежденіи установленій, имѣвшихъ вѣдать отношенія между промышленниками и рабочими.

Такъ понимало по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ Министерство Финансовъ, стараясь проводить именно такой взглядъ въ жизни фабричной инспекціи и совершенно справедливо полагая, что, за отсутствіемъ спеціальнаго Министерства Труда, Промышленности и Торговли, единственно только Министерство Финансовъ по существу своей дѣятельности, и можетъ отправлять функціи фабричнаго надзора.

Иначе взглянуло на вопросъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Дѣло въ томъ, что если исходить изъ начала свободы соглашенія фабрикантовъ съ рабочими, то логика вещей требовала признать и необходимый при этомъ коррективъ, въ смыслѣ санкціонированія закономъ правъ на стачки какъ за рабочими, такъ и за фабрикантами.

Но нашъ законъ въ то время не допускалъ оправданія стачекъ какъ экономическаго явленія, вполне естественнаго на извѣстной ступени эволюціи про-

мышленности и трактовалъ стачки рабочихъ какъ уголовное преступленіе, почти равносильное бунту.

Этого одного для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ оказалось уже достаточнымъ для вмѣшательства въ рабочее дѣло не въ смыслѣ пресѣченія безпорядковъ, которые легко могутъ возникать на почвѣ стачекъ, но въ смыслѣ вторженія полиціи въ области разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ изъ договорныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими.

Этотъ первый, безспорно, ложный шагъ въ сущности извратилъ и весь дальнѣйшій вопросъ — все дальнѣйшее было лишь развитіемъ первоначальной ошибки, которую, прежде всего, использовала революціонная пропаганда, нашедшая для себя въ такой постановкѣ рабочаго вопроса наиболѣе благопріятную почву.

Съ конца 90-хъ годовъ полиція, вопреки точному и ясному смыслу закона, по которому посредникомъ между фабрикантомъ и рабочимъ является фабричный инспекторъ, стала принимать на себя обязанности изслѣдованія всѣхъ недоразумѣній, естественно могущихъ возникать на договорной почвѣ, а равно и обязанность устанавливать по своему произволению мѣры къ удовлетворенію требованій рабочихъ (вплоть до санкціонированія, по своему усмотрѣнію, рабочихъ стачекъ, какъ мѣры устрашенія хозяевъ, не податливыхъ на принятіе условій соглашеній, диктуемыхъ полиціей). Такимъ образомъ одно и то же дѣло упорядоченія отношеній между фабрикантомъ и рабочими очутилось въ вѣдѣніи двухъ министерствъ и притомъ въ зависимости отъ двухъ противоположныхъ началъ, парализовавшихъ примирительныя функціи фабричныхъ инспекторовъ и усваивавшихъ за административнымъ произволомъ и усмотрѣніемъ значеніе рѣшающаго момента.

Чего же больше? какихъ результатовъ можно было отсюда ожидать для пользы дѣла? — Ничего другого, кромѣ путаницы и бесплодной борьбы между вѣдомствами, отъ которой и фабриканты, и рабочіе могли только страдать.

Въ дѣйствительности такъ и случилось. Дѣло свое, домашнее, хозяйственное, спуталось съ государственнымъ и съ полицейскими толкованіями Staats-Raison; простыя договорныя отношенія, въ существѣ не выходящія изъ границъ гражданскаго права, заслонились уголовнымъ элементомъ стачки, бунта, социалистическихъ происковъ и политическаго сыска; экономическая почва уходила изъ-подъ ногъ и подъ вліяніемъ болѣе и болѣе вторгавшейся въ среду рабочей жизни революціонной пропаганды смѣнялась политическимъ настроеніемъ.

Правительство не могло всего этого не видѣть, но полицейскіе его органы вмѣсто обращенія къ тому, съ чего слѣдовало начать, т.-е. къ установленію основныхъ принциповъ урегулированія рабочаго вопроса, размѣнивались на бесплодныя препирательства съ Министерствомъ Финансовъ о томъ, кому вѣдать дѣломъ фабричной инспекціи и какъ согласовать требованія обоихъ вѣдомствъ.

Эта сказка про бѣлаго бычка пережевывается на протяженіи чуть ли не двадцати лѣтъ и завершается опытами Зубатовщины, явившимися квинтъ-эссенціею мудрости полицейскаго произвола.

Переходимъ къ изложенію инцидентовъ этой борьбы, явившейся характернымъ показаніемъ бесплодной волокиты бюрократическаго уклада.

Государственный Совѣтъ еще въ 1886 г., при разсмотрѣніи правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной

промышленности, останавливался на заявленномъ нѣкоторыми членами сомнѣніи относительно пользы и необходимости учрежденія особыхъ органовъ для надзора за фабриками и заводами, въ лицѣ фабричной инспекціи и губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій.

Сомнѣніе это возникло изъ-за того, что проектируваннныя, ради водворенія должнаго благоустройства и порядка на фабрикахъ, правила касаются предметовъ, относящихся къ кругу вѣдѣнія полиціи. Поэтому полиція не подлежала совершенному устраненію отъ надзора за соблюденіемъ этихъ правилъ и отъ отвѣтственности за могущія происходить на фабрикахъ и заводахъ неустройства. Между тѣмъ, иные изъ членовъ Государственнаго Совѣта выражали опасенія, что при порученіи надзора за внутреннимъ порядкомъ на фабрикахъ и заводахъ особымъ инспекторамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и не подчиненнымъ непосредственно губернскому начальству, полиція будетъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что происходитъ на фабрикахъ, и не будетъ въ состояніи принимать заблаговременно потребныхъ мѣръ къ предупрежденію могущихъ возникать по разнымъ обстоятельствамъ волненій между фабричными рабочими. Если полиція, по своему составу, и не имѣетъ достаточныхъ средствъ для наблюденія за фабриками, то лучше было бы ее усилить въ томъ объемѣ, въ которомъ намѣчалась фабричная инспекція, или, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы поставить инспекцію въ ближайшую связь съ мѣстной полиціею, путемъ непосредственнаго подчиненія губернскому начальству.

Съ другой стороны, въ Государственномъ Совѣтѣ находили, что едва ли желательно прибавлять ко множеству существующихъ уже отдѣльныхъ губернскихъ

присутствій еще новое присутствіе по дѣламъ фабричнымъ. Будучи составлено, подобно прочимъ, изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ непосредственныя обязанности, подобное присутствіе не представляетъ достаточной гарантіи для правильнаго и безостановочнаго разрѣшенія серьезныхъ дѣлъ, составляющихъ предметъ его занятій. Казалось бы, что обязанности упомянутыхъ присутствій могли бы быть возложены съ большимъ успѣхомъ на губернскія правленія, какъ на центральныя губернскія мѣста, вѣдающія дѣлами общаго благоустройства. Для усиленія же обыкновеннаго состава губернскаго правленія, при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся фабрикъ и заводовъ, туда могли бы быть приглашаемы, съ правомъ голоса, нѣкоторые изъ членовъ предположеннаго губернскаго присутствія по фабричнымъ дѣламъ. Подобная мѣра представляла бы, между прочимъ, ту выгоду, что губернское начальство не было бы разъединено съ властью, на которую будетъ возложено непосредственное наблюдение за исполненіемъ правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности, а за губернаторомъ, какъ главнымъ представителемъ власти въ губерніи, останется большее вліяніе на ходъ надзора.

Выслушавъ, однако, приведенныя объясненія, Государственный Советъ замѣтилъ, что мысль о сосредоточеніи въ вѣдѣніи полиціи и губернскихъ правленій обязанностей, возлагаемыхъ на фабричную инспекцію и губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, съ самаго же начала подвергалась подробному обсужденію.

Причины, побудившія отказаться отъ означенной мысли, настолько вѣски, что принятіе ея едва ли желательно. Не слѣдуетъ, прежде всего, забывать, что полиція, особенно уѣздная, при сравнительно малочисленномъ составѣ, переобременена множествомъ за-

нятій и часто не въ силахъ своевременно выполнять всѣхъ предъявляемыхъ къ ней требованій. Съ возложеніемъ же на нее новыхъ, весьма сложныхъ, обязанностей по надзору за фабриками, положеніе ея только ухудшится. Съ другой стороны, едва ли этимъ путемъ достигнется водвореніе необходимаго благоустройства и порядка на фабрикахъ. Разсчитывать на это тѣмъ труднѣе, что надзоръ за фабриками требуетъ, между прочимъ, извѣстной технической подготовки, которою обыкновенно полицейскіе чины не обладаютъ. Поэтому весьма понятно, что подлежащія вѣдомства и не остановились на усиленіи состава полиціи, а предпочли обратиться къ другимъ органамъ, ближе отвѣчающимъ предстоящей выполненію задачѣ.

Выборъ палъ на существующую съ 1882 года фабричную инспекцію, которая хотя и состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ, но исполняетъ чисто полицейскія обязанности по наблюденію за фабричными работами малолѣтнихъ рабочихъ. Представляя собою готовый уже кадръ *спеціально фабричной полиціи*, инспекція, конечно, съ выгодой замѣнитъ общую полицію, которая, съ своей стороны, будетъ оказывать ей помощь по мѣрѣ надобности.

Что же касается подчиненія инспекціи непосредственно губернскому начальству, то столь коренное измѣненіе въ ея устройствѣ едва ли вызывается указаніями опыта. Успѣшная дѣятельность инспекціи, въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени ея учрежденія, показала, что непосредственное руководство ею со стороны центральнаго вѣдомства, нисколько ни колебля вліянія губернскаго начальства, во многомъ обезпечиваетъ спокойное и согласное съ видами правительства примѣненіе закону о работѣ малолѣтнихъ.

При такихъ условіяхъ, возлагая на инспекцію новыя, весьма трудныя и сложныя обязанности, врядъ

ли осторожно измѣнять созданное для нея закономъ положеніе.

Забота объ обеспеченіи губернскому начальству бѣльшаго, чѣмъ нынѣ, вліянія на надзоръ за фабриками выразится въ учрежденіи губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, гдѣ губернаторъ будетъ предсѣдателемъ, установитъ и ту связь, которая должна существовать между высшимъ представителемъ мѣстной власти и органами, призванными къ непосредственному наблюденію за исполненіемъ закона. Право издавать обязательныя постановленія о мѣрахъ безопасности на фабрикахъ, налагать на фабрикантовъ денежныя взысканія за неисполненіе требованій закона, отмѣнять неправильныя распоряженія инспекціи и разрѣшать встрѣчаемыя ею сомнѣнія—вполнѣ обеспечиваетъ то вліяніе на ходъ фабричной жизни, которымъ губернаторъ уже пользуется въ порядкѣ общаго надзора за благоустройствомъ и безопасностью, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ инспекціи устанавливается спеціальныи органъ наблюденія. Вникая въ существо обязанностей, кои отнесены къ вѣдомству губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, Государственный Совѣтъ признавалъ, что нельзя не убѣдиться въ томъ, что обязанности эти не подлежатъ возложенію на губернскія правленія, которыя, по своей организаціи и по установленному для нихъ порядку дѣлопроизводства, не въ состояніи были бы вовсе ихъ и выполнять. Приступать же къ соотвѣтственному переустройству губернскихъ правленій, въ виду предложеннаго общаго преобразованія мѣстнаго управленія, едва ли основательно, не говоря уже о томъ, что подобная мѣра потребовала бы значительнаго ассигнованія изъ государственнаго казначейства.

Хотя возникшее сомнѣніе въ цѣлесообразности учрежденія особыхъ органовъ надзора за фабриками

и заводами, въ лицѣ фабричной инспекціи и губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, и было признано Государственнымъ Совѣтомъ не достаточно обоснованнымъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ продолжало упорно гнуть свою линію, настаивая на томъ, будто дѣятельность фабричной инспекціи, по возложенному на нее надзору, не можетъ быть признана удовлетворительной, и что причина этого кроется въ двойственности положенія инспекціи, какъ органа Министерства Финансовъ, тогда какъ, съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 3 іюня 1886 года правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, она получила значеніе спеціальнаго полицейскаго учрежденія, обязаннаго принимать мѣры къ охраненію порядка и спокойствія на фабрикахъ и, такимъ образомъ, дѣлать распоряженія въ отрасли управленія, входящей въ кругъ вѣдомства общей администраціи.

Такъ, напр., фабричная инспекція имѣетъ наблюденіе за исполненіемъ обязательныхъ постановленій по фабричнымъ дѣламъ, принимаетъ мѣры къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній и изслѣдуетъ причины возникающихъ несогласій.

Точное соблюденіе фабричною инспекціею подобныхъ обязанностей вызываетъ необходимость постояннаго содѣйствія оной со стороны полиціи какъ по существу дѣйствій, такъ и по недостаточности личнаго состава инспекціи, лишенной возможности удовлетворять требованіямъ закона безъ сотрудничества администраціи.

Принадлежность фабричной инспекціи къ постороннему общей полиціи вѣдомству, по мнѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, служитъ нерѣдко препятствіемъ къ предупрежденію вредныхъ для государственнаго порядка проявленій въ жизни фабричнаго населенія. Хотя на чиновъ городской и уѣздной по-

лиціи правилами 3 іюня 1886 года и возложена обязанность сообщать инспекціи получаемыя свѣдѣнія о нарушеніи на фабрикахъ благоустройства и порядка, но сознаніе, что для наблюденія за происходящимъ на фабрикахъ существуетъ въ другомъ министерствѣ специальное правительственное учрежденіе, въ лицѣ фабричнаго инспектора и его помощниковъ — неминуемо уменьшаетъ въ этомъ дѣлѣ степень энергіи полиціи. Чины же инспекціи, по слабости численныхъ силъ, лишены возможности непрерывно слѣдить за отношеніями рабочихъ и хозяевъ и имѣть своевременно свѣдѣнія о возникающихъ между ними несогласіяхъ и принуждены прибѣгать къ помощи полиціи для подавленія происшедшихъ уже беспорядковъ, а не для ихъ предупрежденія. Между тѣмъ, полученіе постоянныхъ донесеній о состояніи умовъ на фабрикахъ, наблюденіе за появленіемъ въ средѣ фабричнаго населенія неблагонадежныхъ личностей, а также устраненіе причинъ незначительныхъ сначала несогласій, которыя могутъ повлечь за собой серьезныя послѣдствія, — представляются неперемѣнными условіями успѣха въ предупрежденіи волненій на фабрикахъ и заводахъ, вообще пагубно отражающихся на дѣлѣ охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Приведенныя соображенія будто бы нашли себѣ подтвержденіе въ разслѣдованіи причинъ открытыхъ беспорядковъ, происходившихъ въ концѣ 1886 г. на фабрикахъ Паля и Губбарта въ Петербургѣ, а въ январѣ 1887 г. на фабрикѣ Ярцевскаго товарищества во Владимірской губерніи, при чемъ, будто бы, выяснилось, что рабочіе фабрики Паля заявляли свои претензіи за мѣсяць до устройства стачки и въ теченіе этого времени фабричная инспекція, оставаясь въ невѣдѣніи о существующихъ на фабрикѣ несогласіяхъ, не употребила никакихъ мѣръ къ ихъ устрани-

нію, а фабричный инспекторъ, посѣтившій фабрику въ разгаръ беспорядковъ, только тогда и ознакомился съ причиною ихъ возникновенія.

На Ярцевской же мануфактурѣ волненія рабочихъ были вызваны неумѣлымъ введеніемъ въ дѣйствіе правилъ 3 іюня 1886 г., что объясняется отсутствіемъ на мѣстѣ представителя фабричной инспекціи, которая, за недостаточностью личнаго состава, сосредоточивала все свое вниманіе на болѣе крупныхъ центрахъ, какъ, напр., на Иваново-Вознесенскѣ, оставляя, такимъ образомъ, безъ должнаго наблюденія менѣе обширный, хотя и значительный по количеству фабрикъ районъ Вязниковскаго уѣзда.

Отсюда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ выводило, что дѣятельность фабричной инспекціи принесла бы несравненно болѣе благопріятные результаты, если бы ощущаемый на практикѣ недостатокъ ея личнаго состава могъ быть возмѣщенъ общностью дѣйствій съ полиціей, имѣющей всѣ средства замѣнить, въ случаѣ надобности, недостающія силы инспекціи. Условіе это представляется, однако, трудно достижимымъ, пока чины фабричной инспекціи состоятъ въ другомъ вѣдомствѣ и пока преподаваемая имъ и чинамъ полиціи указанія, относящіяся къ однородной дѣятельности, исходятъ отъ разныхъ начальствъ.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что обязанности фабричной инспекціи сводятся къ надзору за фабричными заведеніями для поддержанія въ оныхъ благоустройства и порядка; 2) что, такимъ образомъ, фабричная инспекція должна преслѣдовать одинаковыя съ полиціей, чисто административныя, цѣли; 3) что недостатокъ личнаго состава инспекціи требуетъ постояннаго содѣйствія со стороны полиціи и 4) что такое взаимное положеніе чиновъ инспекціи и полиціи вызываетъ необходимость объединенія ихъ

дѣйствій и сосредоточенія распоряженій въ одномъ вѣдомствѣ, на отвѣтственности котораго лежитъ охраненіе порядка и спокойствія во всемъ государствѣ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ полагало вполне цѣлесообразнымъ и настоящимъ сосредоточить фабричную инспекцію въ своемъ вѣдѣніи.

Къ осуществленію такого предположенія не представилось бы и неудобствъ, постановленія же правилъ о надзорѣ за работами и обученіемъ малолѣтнихъ, въ частяхъ не относящихся къ вѣдѣнію фабричной инспекціи, могли оставаться безъ вниманія.

Эти свои предположенія министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ на заключеніе управлявшаго въ то время Министерствомъ Финансовъ, тайнаго совѣтника Вышнеградскаго, при чемъ было указано: 1) что если Министерство Финансовъ извлекаетъ изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ свѣдѣнія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ, и предполагаетъ и въ будущемъ поручать инспекторамъ доставленіе сообщений, касающихся предметовъ вѣдомства сего министерства, то, при переходѣ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, существующая форма означенныхъ отчетовъ будетъ сохранена и 2) что такъ какъ самый законъ объ учрежденіи фабричной инспекціи и о ея обязанностяхъ не подлежитъ измѣненію, то представлялось бы наиболее удобнымъ испросить Высочайшее соизволеніе на подчиненіе фабричной инспекціи Министерству Внутреннихъ Дѣлъ посредствомъ особаго Именного указа Правительствующему Сенату.

И. А. Вышнеградскій, какъ homo novus въ администраціи, избѣгалъ столкновеній съ вліятельными сановниками, а потому не далъ надлежащаго отпора притязаніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и ограничился уклончивымъ отвѣтомъ.

Управляющій Министерствомъ Финансовъ призналъ осуществленіе передачи фабричной инспекціи въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ возможнымъ лишь въ общемъ законодательномъ порядкѣ и при необходимомъ условіи сдѣлать въ существующихъ постановленіяхъ о надзорѣ за фабриками нѣкоторыя измѣненія.

При возникшей по этому поводу перепискѣ Министерство Финансовъ изъяснило, что, независимо отъ вопроса о положеніи фабричной инспекціи, при примѣненіи узаконеній 3 іюня 1886 г., возникли существенныя недоразумѣнія и затрудненія въ точномъ выполненіи нѣкоторыхъ изъ установленныхъ симъ закономъ правилъ. Такъ, комитетъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, по ходатайству московскаго отдѣленія, а также московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ представили свои соображенія о необходимости пересмотра означеннаго узаконенія, указавъ на желательныя въ ономъ измѣненія. Поэтому изданныя 3 іюня 1886 года правила о наймѣ фабричныхъ рабочихъ и о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности, подлежали бы пересмотру министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, при чемъ слѣдовало бы войти въ ближайшее обсужденіе постановленій, опредѣляющихъ кругъ обязанностей чиновъ фабричной инспекціи и самой организациі этого учрежденія.

По симъ основаніямъ Министерство Финансовъ предлагало возбужденный министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о передачѣ фабричной инспекціи въ его вѣдомство подвергнуть обсужденію одновременно съ пересмотромъ дѣйствующаго фабричнаго законодательства, а затѣмъ внести въ Государственный Совѣтъ съ выработанными по сему предмету предположеніями.

Усмотрѣвъ въ этихъ затяжкахъ неблагопріятный исходъ для своихъ домогательствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ поторопился обезпечить судьбу своего проекта предварительнымъ обсужденіемъ въ особой комиссіи, и, по всеподданнѣйшему его докладу, Государь Императоръ 12 ноября 1887 г. Высочайше соизволилъ на образованіе означенной комиссіи.

Пока комиссія разрабатывала свои соображенія объ измѣненіи въ постановкѣ фабричной инспекціи, т. с. Вышнеградскаго въ управленіи Министерствомъ Финансовъ смѣнилъ въ 1888 г. С. Ю. Витте. Онъ сразу схватилъ сущность вопроса и заявилъ, что возбужденіе вопроса о передачѣ фабричной инспекціи въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ было бы несвоевременно и неудобно, такъ какъ, съ одной стороны, за недавнимъ введеніемъ въ дѣйствіе закона 3 іюня 1886 г., опытъ истекшаго времени слишкомъ еще недостаточенъ, чтобы, на основаніи имѣющихся данныхъ, можно было прійти къ окончательному заключенію относительно неудобства установленной организациі надзора за фабричными заведеніями, а съ другой — что представители мануфактурной промышленности возбудили ходатайство объ оставленіи фабричной инспекціи въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ, опасаясь, что передача ея изъ названнаго вѣдомства послужитъ поводомъ къ нежелательнымъ усложненіямъ. Встрѣтивъ отъ С. Ю. Витте столь рѣшительный отпоръ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ временно отказалось отъ мысли пріобщить инспекцію къ своему вѣдѣнію.

Между тѣмъ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 3 іюня 1886 г. правилъ о надзорѣ чиновъ фабричной инспекціи за промышленными заведеніями постепенно было распространено на 64 губерніи, при чемъ, въ виду указаній практики, видоизмѣняемы были какъ

організація інспекції, такъ и нѣкоторыя статьи правилъ.

Тѣмъ не менѣе Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при всякомъ удобномъ случаѣ продолжало настаивать на своемъ утвержденіи, будто бы за 20-лѣтній періодъ дѣйствія закона 3 іюня 1886 г. вполнѣ уже обнаружилась неудобства, обусловливаемая двойственностью надзора за фабричными заведеніями. Съ особенною же силой эти неудобства были подчеркнуты въ 1897 году, когда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, вслѣдствіе происходившихъ забастовокъ рабочихъ и въ виду выяснившейся зависимости этихъ забастовокъ отъ дѣятельности тайныхъ противоправительственныхъ обществъ, въ циркулярѣ отъ 12 августа 1897 г., за № 7587, преподало губернаторамъ указанія о мѣрахъ, которыя надлежитъ принимать къ предупрежденію и прекращенію безпорядковъ.

Въ этомъ циркулярѣ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, признавая, что укорененіе въ рабочей средѣ ложнаго представленія о цѣлесообразности всякаго рода дѣйствій скопомъ, самоуправства и насилія какъ по отношенію къ правительственной власти, такъ и въ отношеніи фабрикантовъ и товарищей, является опаснымъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, предлагало губернаторамъ предписать полиціи установить строгое наблюденіе за фабриками и мѣстами расселенія рабочихъ и своевременно доносить о проявленіи тревожнаго настроенія въ рабочей средѣ, выясняя причины волненія и устраняя, по возможности, поводы къ неудовольствіямъ тамъ, гдѣ рабочіе имѣютъ основаніе жаловаться на притѣсненія или несправедливость фабрикантовъ или фабричной администраціи (п. 2 цирк.).

Далѣе, въ пунктѣ 5 того же циркуляра, предлагалось, въ случаѣ возникновенія стачки или забастовки,

принимать мѣры, при посредствѣ чиновъ подлежащей инспекціи или соотвѣтствующаго начальства, къ немедленному разсмотрѣнію причинъ забастовки и къ миролюбивому соглашенію сторонъ; буде же соглашенія не послѣдуетъ, предписывалось назначать забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать на работу или получить расчетъ, а по истеченіи этого срока, всѣхъ не ставшихъ на работу иногороднихъ рабочихъ, прекратившихъ работы съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ найма, удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки; тѣхъ же иногороднихъ рабочихъ, которые забастуютъ съ нарушеніемъ сроковъ найма, удалять по этапу.

Наконецъ, въ п. 9 циркуляра указывалось, что о всѣхъ предпринимаемыхъ мѣрахъ надлежитъ вывѣшивать на фабрикахъ объявленія и всякую объявленную мѣру приводить къ исполненію своевременно и неуклонно.

По поводу этихъ трехъ пунктовъ циркуляра Министерство Финансовъ не замедлило выставить серьезныя возраженія.

По 2-му пункту. Согласно дѣйствующимъ законоположеніямъ наблюденіе за исполненіемъ фабрикантами и рабочими правилъ, опредѣляющихъ ихъ обязанности и взаимныя между ними отношенія, равно какъ принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ между ними путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ, возложены на чиновъ фабричной инспекціи, которые, по мнѣнію Министерства Финансовъ, по самому существу дѣла, являются въ каждой губерніи органами, наиболѣе знакомыми съ условіями промышленной жизни, а потому и наиболѣе компетентными въ выясненіи причинъ возникающихъ среди рабочихъ неудовольствій, обусловленныхъ отношеніями ихъ къ фабричной администраціи; органы же полиціи едва ли могутъ имѣть на прак-

тикѣ дѣйствительную возможность къ выясненію существа такихъ неудовольствій, причины коихъ, большею частью, лежатъ въ техническихъ условіяхъ и особенностяхъ производства, т.-е. зависятъ отъ обстоятельствъ, для правильной оцѣнки которыхъ необходимы спеціальныя техническія познанія и близкое знакомство съ бытомъ рабочихъ. Едва ли поэтому возможно ожидать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всесторонняго выясненія органами полиціи истинныхъ причинъ неудовольствій, возникающихъ среди рабочихъ на почвѣ взаимныхъ отношеній, а тѣмъ менѣе — устраненія поводовъ къ такимъ волненіямъ.

Поэтому т. с. Витте, въ интересахъ дѣла, обязанности разслѣдованія и устраненія сказанныхъ неудовольствій считалъ нужнымъ оставить на чинахъ фабричной инспекціи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, при разслѣдованіи фабричною инспекціею причинъ неудовольствій, выяснилось бы вліяніе пропаганды, отъ губернскаго начальства, которому дѣлается по сему предмету подробный докладъ чинами инспекціи, зависѣть будетъ поручать агентамъ общей или тайной полиціи раскрытіе собственно политической стороны дѣла, въ которую чины фабричной инспекціи подробно не могутъ и не должны вникать.

По 9-му пункту. По тѣмъ же соображеніямъ, министръ финансовъ полагалъ необходимымъ упоминаемая объявленія составлять при непремѣнномъ участіи чиновъ инспекціи и вывѣшивать на фабрикахъ не иначе, какъ за ихъ подписью.

По 5-му пункту. Министръ финансовъ находилъ, что наказаніе рабочихъ, прекратившихъ работы съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ (ст. 95 Уст. Пром.) и не учинившихъ проступковъ, за которые они подлежали бы карѣ безотлагательнымъ удаленіемъ въ мѣста родины или приписки, едва ли правильно, ибо законъ

предусматриваетъ, въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, право отказа отъ условій найма, которыя рабочіе признаютъ для себя невыгодными. Поэтому министръ финансовъ полагалъ, что примѣнять подобныя мѣры возможно лишь къ тѣмъ изъ рабочихъ, которые, при прекращеніи работъ, будутъ замѣчены въ противозаконномъ поступкѣ, влекущемъ за собою необходимость удаленія ихъ изъ мѣста, гдѣ они работаютъ.

Возраженія т. с. Витте дали Министерству Внутреннихъ Дѣлъ новый поводъ къ пререканіямъ.

Обратившись по поводу возраженій Министерства Финансовъ къ обсужденію вопроса о томъ, насколько въ инкриминируемомъ циркулярѣ и въ какой мѣрѣ отдѣльныя его положенія вызываютъ необходимость, во избѣжаніе недоразумѣній, въ ихъ измѣненіи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, прежде всего, остановилось на сущности своего циркуляра.

Обстоятельства, вызвавшія изданіе циркуляра, сводились къ дѣятельному участию въ происходившихъ на фабрикахъ и заводахъ весной и осенью 1897 г. въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ центральнаго фабричнаго района забастовкахъ и стачкахъ тайныхъ революціонныхъ сообществъ, именовавшихъ себя «союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и «рабочимъ союзомъ». Своевременное пресѣченіе дѣятельности этихъ сообществъ, парализованіе ея результатовъ, и, наконецъ, предупрежденіе появленія въ средѣ рабочихъ противоправительственныхъ агитаторовъ, т.-е., въ сущности, охраненіе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія,—такова задача, которую преслѣдуетъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ этомъ дѣлѣ, въ силу обязанностей, возлагаемыхъ на него положеніемъ объ охранѣ, и въ этихъ-то исключительно видахъ, преподаны были губернаторамъ изложенныя въ циркулярѣ

указанія; такимъ образомъ, по цѣли, съ которою этотъ циркуляръ изданъ, онъ никоимъ образомъ не можетъ считаться тѣми «правилами» объ обязанностяхъ полиціи по надзору за благоустройствомъ и порядкомъ на фабрикахъ и заводахъ, изданіе которыхъ, по смыслу 3 п. 60 ст. Уст. Пром., требуетъ соглашенія съ министромъ финансовъ.

Признавая, что укорененіе въ рабочей средѣ ложнаго представленія о цѣлесообразности дѣйствій скопомъ, самоуправства и насилія какъ по отношенію къ правительственной власти, такъ и въ отношеніи фабрикантовъ и товарищей, — является весьма опаснымъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ губернаторамъ войти въ ближайшее сношеніе съ мѣстными чинами фабричной и горной инспекціи, гдѣ таковыя имѣются, съ начальствами казенныхъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ прокурорскимъ надзоромъ, съ начальниками жандармскихъ управленій губернскихъ и желѣзнодорожныхъ и, ознакомивъ ихъ съ существомъ сего предположенія, установить живое общеніе этихъ лицъ между собой и съ чинами подвѣдомственной полиціи для полнаго согласованія дѣятельности правительственныхъ властей во всѣхъ случаяхъ проявленія признаковъ волненія въ рабочей средѣ.

Безспорно, причины волненій среди фабричнаго населенія полиція обязана выяснять самостоятельно, какъ и причины всякаго явленія, могущаго угрожать государственному порядку и общественному спокойствію; устраненіе же поводовъ къ неудовольствіямъ, разъ эти поводы кроются во взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, въ силу 1 и 4 пп. 54 ст. Уст. Пром. и 2 ст. Наказ. чинамъ фабричной инспекціи, лежитъ на обязанности сей послѣдней. Не оспаривая законности

и справедливости этого положенія, слѣдуетъ замѣтить, что для практическаго «устраненія поводовъ къ неудовольствіямъ», прежде всего, необходимо личное присутствіе на мѣстѣ недоразумѣнія чина подлежащей инспекціи, но при малочисленности состава фабричной и горной инспекціи, означенные чины, особенно внѣ городовъ, лишены, при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, возможности поспѣвать во-время на мѣсто происшествія. Между тѣмъ жизнь не ждетъ и психологія массъ преисполнена случайностей. Незначительное недоразумѣніе, предоставленное собственному теченію, можетъ обратиться въ самый краткій срокъ въ серьезное волненіе и подъ вліяніемъ случайнаго ничтожнаго обстоятельства принять форму всесокрушающаго, стихійнаго разгрома.

Въ этихъ видахъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, приглашая губернскія власти къ взаимодѣйствию, и предлагалъ губернаторамъ устранять поводы къ неудовольствіямъ «черезъ полицію», какъ органъ, при содѣйствіи котораго (какъ и фабричной инспекціи), по точному смыслу ст. 48 Уст. Пром., губернское начальство осуществляетъ надзоръ за фабриками и заводами.

Что же касается прочихъ замѣчаній Министра Финансовъ, касающихся пп. 5 и 9 того же циркуляра, относительно: а) составленія объявленій при непремѣнномъ участіи чиновъ фабричной инспекціи и вывѣшиванія ихъ не иначе, какъ за подписью сказанныхъ чиновъ, и б) удаленія на родину или въ мѣста приписки рабочихъ, не ставшихъ на работы, по истеченіи объявленнаго срока, но прекратившихъ таковыя съ соблюденіемъ подлежащихъ правилъ, то указываемыя въ сихъ пунктахъ мѣры, исключительно полицейскія, не относятся непосредственно къ предметамъ вѣдомства Министерства Финансовъ. Помимо сего, по самому своему существу мѣры эти представляются

вполнѣ цѣлесообразными и не требующими измѣненія, ибо: а) объявленія, о которыхъ говорится въ п. 9 циркуляра, составляются и вывѣшиваются по распоряженію губернатора въ томъ періодѣ безпорядковъ на фабрикахъ и заводахъ, когда мѣры убѣжденія со стороны чиновъ фабричной инспекціи не привели къ успѣшнымъ результатамъ и когда является необходимость въ энергическихъ дѣйствіяхъ къ возстановленію спокойствія и порядка, и б) удаленіе на родину или въ мѣсто приписки рабочихъ, хотя и не ставшихъ на работу, но имѣвшихъ право, за истеченіемъ срока найма, оставить фабрику, снабжаемыхъ въ этомъ случаѣ проходными свидѣтельствами, рекомендуются не какъ наказаніе, а въ видахъ предупрежденія скопленія въ данной мѣстности большаго числа людей, не имѣющихъ средствъ къ жизни и опредѣленныхъ занятій и потому представляющихъ опасность съ точки зрѣнія охраненія порядка и общественной безопасности.

Съ изданіемъ этого пресловутаго циркуляра правительство само какъ бы признало рабочее движеніе преступленіемъ не только политическимъ, но и государственнымъ, результаты же получились обратные тому, на что рассчитывалъ циркуляръ. Рабочіе ясно сознали, что съ лишеніемъ права на стачки, притомъ подѣ страхомъ суроваго наказанія, имъ остается одно—добиваться удовлетворенія своихъ требованій путемъ борьбы на политической почвѣ.

Само правительство своими распоряженіями какъ бы наводило рабочихъ на цѣлесообразность такихъ дѣйствій, такъ какъ проявляло уступчивость требованіямъ рабочихъ послѣ cadaго выдающагося безпорядка. Такъ, основной законъ о рабочихъ 1886 г. явился на свѣтъ, какъ результатъ серьезныхъ фабричныхъ безпорядковъ въ Центральной Россіи. Точно такъ же за

періодъ 1886—1894 гг. постепенное распространеніе примѣненія закона 1886 г. къ разнымъ мѣстностямъ Россіи являлось какъ бы уступкою, въ отвѣтъ на предъявлявшіяся рабочими требованія. Наконецъ законъ о нормировкѣ рабочаго времени 1897 г. былъ какъ бы вызванъ крупными беспорядками на петербургскихъ фабрикахъ. Возможно, что причинной связи между этими явленіями въ дѣйствительности и не было, но аргументъ *post hoc ergo propter hoc* въ глазахъ рабочихъ могъ казаться убѣдительнымъ.

Одновременно и въ непосредственной связи съ недоразумѣніями, вызванными циркуляромъ отъ 12 августа 1897 года, возникъ вопросъ и относительно надзора на фабрикахъ въ г. Москвѣ. Поводомъ къ возбужденію вопроса послужили полученныя въ министерствѣ финансовъ свѣдѣнія, указывавшія на ослабленіе самостоятельности фабричной инспекціи, которая присвоена по закону чинамъ сей инспекціи, въ цѣляхъ приданія ей надлежащаго авторитета въ глазахъ рабочаго населенія.

Произведенное на мѣстѣ чинами Министерства Финансовъ изслѣдованіе обнаружило: 1) что принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникающихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ (п. 4 ст. 54 Уст. Пром.) производится на фабрикахъ и заводахъ столицы не только фабричными инспекторами, но и чинами полиціи, иногда безъ участія и вѣдома инспекціи; 2) что полиція принимаетъ заявленія рабочихъ, касающіяся нарушенія порядка и благоустройства на фабрикахъ и заводахъ, но не для направленія ихъ по принадлежности къ фабричной инспекціи (ст. 59 того же Устава), а для производства самостоятельныхъ дознаній, безъ участія инспекціи; 3) что московскій

оберъ-полицеймейстеръ даетъ непосредственно отъ себя указанія фабричнымъ инспекторамъ, притомъ иногда несогласныя съ закономъ и изданными въ развитіе его правилами и безъ обсужденія его распоряженій въ присутствіи по фабричнымъ дѣламъ (ст. 53 Уст. Пром.); 4) что утвержденныя 18 августа 1894 года министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ правила о порядкѣ дѣлопроизводства въ присутствіяхъ по фабричнымъ дѣламъ не соблюдаются, а старшій фабричный инспекторъ, наблюдающій по закону за дѣлопроизводствомъ присутствія, какъ бы совершенно устраняется отъ этой обязанности.

Его императорское высочество, московскій генералъ-губернаторъ, лично ознакомившись со взглядами на это дѣло командированнаго въ гор. Москву тайнаго совѣтника Коковцева, назначилъ совѣщаніе при участіи послѣдняго, московскаго губернатора, прокурора Судебной Палаты, и. д. оберъ-полицеймейстера и управляющаго канцеляріею его высочества, которое выяснило, что сущность недоразумѣній заключается, съ одной стороны, въ параллельности дознаній по пререканіямъ рабочихъ съ фабрикантами, производимыхъ чинами инспекціи и затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ чинами управленія оберъ-полицеймейстера, что, по мнѣнію тайнаго совѣтника Коковцева, несомнѣнно ведетъ къ дискредитированію инспекціи.

Всестороннее обсужденіе вопроса привело его высочество къ заключенію, что согласованіе дѣйствій чиновъ администраціи и Министерства Финансовъ должно, основываясь на законѣ, происходить въ такомъ порядкѣ, чтобы жалобы рабочихъ регулировались фабричною инспекціею, а поступающія жалобы на ея рѣшенія приносились не лично оберъ-полицеймейстеру,

а фабричному присутствію, председателемъ коего состоитъ оберъ-полицеймейстеръ.

Предполагалось, что этотъ способъ приучить рабочихъ къ порядку обжалованія, закрѣпитъ въ ихъ сознаниі законность института фабричной инспекціи, но августѣйшій генераль-губернаторъ разумѣлъ, что такой ходъ дѣлъ можетъ примѣняться только при нормальной жизни на фабрикахъ и недоразумѣніяхъ, возникающихъ на почвѣ внутренняго распорядка, но не можетъ стѣснять дѣятельности полиціи, когда ею будутъ замѣчены на фабрикахъ ненормальности характера политическаго, а тѣмъ болѣе угрожающія безпорядками.

Такимъ образомъ, казалось бы, по мнѣнію его высочества, что соблюденіе вышеизложеннаго устранить поводы къ недоразумѣніямъ.

Съ своей стороны, тайный совѣтникъ Коковцевъ, въ докладѣ министру финансовъ, отмѣчая отличные отзывы московской администраціи о безукоризненномъ исполненіи чинами московской фабричной инспекціи своихъ обязанностей и указаніе той же администраціи на недостаточную численность инспекціи и упоминая о бездѣйствіи рѣдко собиравшагося столичнаго фабричнаго присутствія,—приходилъ къ тому заключенію, что изъ всѣхъ дѣлъ о происходившихъ за послѣднее полугодіе недоразумѣніяхъ на фабрикахъ и заводахъ Москвы съ несомнѣнностью усматривается, что неудовольствія среди рабочихъ вовсе не оканчиваются разслѣдованіями фабричной инспекціи и не слѣдуютъ далѣе по тому пути, который предначертанъ закономъ для рѣшенія ихъ. Среди фабрично-заводскихъ рабочихъ Москвы укоренился такой взглядъ, будто фабричная инспекція отнюдь не составляетъ той власти, которой законъ поручилъ разборъ и окончаніе дѣлъ по неудовольствіямъ, возникающимъ въ средѣ ихъ; поэтому рабочіе, будучи почему-либо недовольны

рѣшеніемъ дѣла участковымъ фабричнымъ инспекторомъ, направляются съ прошеніями къ оберъ-полицеймейстеру или въ охранное отдѣленіе, разбирающее ихъ претензіи и препровождающее таковыя къ старшему фабричному инспектору для новаго разслѣдованія и разбора. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, жалобы и неудовольствія рабочихъ имѣютъ своимъ предметомъ такія особенности фабрично-заводской жизни, которыя требуютъ близкаго знанія техники и внимательнаго обслѣдованія подчасъ совершенно мелкихъ обстоятельствъ въ области взаимоотношеній фабрикантовъ и рабочихъ,—послѣдствіемъ чего является совершенно разная оцѣнка и пониманіе этихъ неудовольствій со стороны фабричной инспекціи, близко стоящей къ дѣлу, и учрежденій полицейскихъ, не располагающихъ возможностью выяснить свойство и значеніе заявляемыхъ имъ неудовольствій. Эта рознь въ пониманіи претензій рабочихъ, вызывающая повторное ихъ разслѣдованіе и даже полемику между инспекціею и полиціею, несомнѣнно причиняетъ ущербъ правильному отношенію этихъ двухъ властей, столь тѣсно взаимно соприкасающихся въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Такое ненормальное положеніе вещей создало особый со стороны инспекціи пріемъ приглашать отъ себя при производствѣ разслѣдованій по неудовольствіямъ рабочихъ (во избѣжаніе повтореній этихъ разслѣдованій) чиновъ полиціи,—пріемъ, могущій повести къ послѣдствіямъ крайне нежелательнаго свойства и, во всякомъ случаѣ, не клонящійся къ поддержанію власти инспекторовъ.

По личному убѣжденію тайнаго совѣтника Коковцева, причины ненормальнаго положенія вещей заключались, во-первыхъ, въ личномъ взглядѣ московскаго оберъ-полицеймейстера на обязанности его по отношенію къ фабрично-заводскому населенію и, во-вторыхъ,

въ тѣхъ указаніяхъ со стороны высшихъ органовъ административнаго вѣдомства, на которыхъ основывается этотъ взглядъ.

Исходя изъ той мысли, что рабочіе только тогда будутъ обращаться къ правительственной власти со своими пожеланіями и ждать отъ нея удовлетворенія (а не отъ противоправительственныхъ элементовъ), когда убѣдятся, что власть эта сильна и стоитъ на стражѣ ихъ интересовъ, безотлагательно возстановляя нарушенную справедливость, — московскій оберъ-полицеймейстеръ считаетъ всякое неудовольствіе, возникшее по какому бы то ни было поводу среди рабочихъ, — безпорядкомъ на фабрикѣ или заводѣ, не только дающимъ полиціи право, но даже возлагающимъ на нее обязанность вмѣшаться въ разборъ неудовольствія и принять мѣры къ его прекращенію и разрѣшенію, хотя бы для того одного, чтобы этимъ способомъ предупредить волненіе среди рабочихъ, а затѣмъ и нарушеніе общественнаго порядка и безопасности. Полиція, по этому, не уклоняется отъ принятія заявленій рабочихъ, но въ дальнѣйшемъ офиціальному ходѣ каждаго дѣла она, по отзыву московскаго оберъ-полицеймейстера, не только не устраняетъ той власти, которая на это по закону уполномочена, но даже дѣйствуетъ, напротивъ того, исключительно чрезъ посредство этой власти. Въ правильности своего взгляда московскій оберъ-полицеймейстеръ укрѣпляется циркуляромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 12 августа 1897 г., находя въ немъ, въ дѣйствительности, совершенно ясное и не дающее мѣста сомнѣнію, указаніе на то, что полиція обязана собственною властью изслѣдовать среди рабочихъ неудовольствія и принимать мѣры къ ихъ прекращенію.

Указывая на несостоятельность взгляда московскаго оберъ-полицеймейстера, тайный совѣтникъ Коковцевъ

задался вопросомъ, какъ размежевать между собою различныя власти, соприкасающіяся въ разсматриваемомъ дѣлѣ, и какому органу правительства—фабричной ли инспекціи, или полиціи ввѣрилъ законъ разслѣдованіе причинъ возникающихъ среди рабочихъ неудовольствій, пока они не вылились въ форму безпорядковъ, т.-е. не нарушили общественной тишины и безопасности.

Въ этомъ отношеніи всякій споръ празденъ: такую властью представляется по закону единственно фабричная инспекція, и несогласное съ такимъ направлениемъ дѣла циркулярное разъясненіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ можетъ только укоренить въ исполнительныхъ органахъ ту же двойственность дѣйствій, какая замѣчается въ Москвѣ.

Въ предотвращеніе этой двойственности тайный совѣтникъ Коковцевъ намѣчалъ коренныя основанія раздѣленія дѣятельности московскихъ — фабричной инспекціи и полиціи въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Чины полиціи, на общемъ основаніи, имѣютъ надзоръ за фабриками и заводами въ отношеніи охраненія общественнаго порядка и безопасности, т.-е. въ смыслѣ предупрежденія возможности проникновенія въ среду рабочихъ противоправительственныхъ ученій и своевременнаго устраненія лицъ, замѣченныхъ въ распространеніи таковыхъ ученій.

2) О дошедшихъ до свѣдѣнія полиціи всякаго рода неправильностяхъ, касающихся вѣдѣнія фабричной инспекціи (взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ), равно какъ и о всѣхъ случаяхъ нарушенія порядка и благоустройства на фабрикахъ и на заводахъ, чины полиціи незамедлительно сообщаютъ чинамъ фабричной инспекціи, по принадлежности (ст. 59 Устава о Промышленности).

3) Надзоръ за взаимными отношеніями фабрикантовъ и рабочихъ, съ соблюденіемъ всѣхъ по сему предмету установленныхъ закономъ требованій, принадлежитъ чинамъ фабричной инспекціи и осуществляется исключительно черезъ ихъ посредство.

4) Всякаго рода жалобы и неудовольствія рабочихъ, вытекающія изъ договора найма, равно какъ и заявленія по тому же предмету фабрикантовъ и заводчиковъ обращаются къ чинамъ фабричной инспекціи, по принадлежности, которые и производятъ всѣ необходимыя разслѣдованія, принимая мѣры къ устраненію возникшихъ несогласій.

5) Въ тѣхъ случаяхъ, когда по тѣмъ же предметамъ поступаютъ жалобы къ московскому оберъ-полицеймейстеру или къ чинамъ столичной полиціи, означенныя лица направляютъ помянутыя жалобы и заявленія на распоряженіе старшаго фабричнаго инспектора.

6) Чины фабричной инспекціи доводятъ до свѣдѣнія московскаго оберъ-полицеймейстера о всѣхъ случаяхъ обнаруженнаго ими серьезнаго неудовольствія рабочихъ или нарушенія порядка на фабрикахъ и заводахъ, если только, за принятыми ими мѣрами, означенныя неудовольствія или нарушенія оказались неустраненными. Независимо отъ этого, старшій фабричный инспекторъ докладываетъ фабричному столичному Присутствію, въ ближайшемъ его засѣданіи, о всѣхъ неудовольствіяхъ рабочихъ или обнаруженныхъ безпорядкахъ, вызвавшихъ вмѣшательство фабричной инспекціи; за исключеніемъ мелочныхъ неудовольствій или безпорядковъ, не представляющихъ существеннаго значенія.

7) Распоряженія чиновъ фабричной инспекціи по предметамъ, предусмотрѣннымъ въ статьяхъ 54—56 и 128 — 155 Устава о промышленности, признаваемые

оберъ-полицеймейстеромъ неправильными, вмѣстѣ съ его заключеніями, подлежатъ разсмотрѣнію московскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Тѣмъ же порядкомъ разрѣшаются жалобы на распоряженія чиновъ фабричной инспекціи. Относительно же неправильныхъ распоряженій чиновъ фабричной инспекціи во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, отъ московскаго оберъ-полицеймейстера зависитъ входить непосредственно въ департаментъ торговли и мануфактуръ.

8) Ближайшее завѣдываніе дѣлопроизводствомъ столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія принадлежитъ старшему фабричному инспектору, на обязанности коего лежитъ внесеніе на разсмотрѣніе присутствія и личный докладъ всѣхъ дѣлъ.

Чтобы положить конецъ бесплоднымъ междувѣдомственнымъ пререканіямъ, министръ финансовъ 10 апрѣля 1898 г. всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на образованіе особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и финансовъ для обсужденія вопросовъ: а) объ установленіи, на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, болѣе точнаго разграниченія власти мѣстныхъ органовъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ по отношенію къ заведеніямъ фабрично-заводской промышленности и б) о выясненіи, примѣнительно къ дѣйствующимъ законамъ, предѣловъ вмѣшательства административныхъ властей въ экономическія отношенія фабрикантовъ и рабочихъ и, въ частности, въ вопросы объ опредѣленіи заработной платы.

Въ означенномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министръ финансовъ изложилъ, что, по дѣйствующему закону (ст. 48 Уст. Пром.), ближайшій надзоръ за соблюденіемъ на фабрикахъ и заводахъ должнаго благо-

устройства и порядка возложенъ на чиновъ фабричной инспекціи и полиціи, при чемъ сфера дѣятельности этихъ органовъ правительственнаго надзора разграничена слѣдующимъ образомъ:

Чины фабричной инспекціи наблюдаютъ за исполненіемъ фабрикантами и рабочими правилъ, опредѣляющихъ ихъ обязанности и взаимныя отношенія, и вообще за исполненіемъ правилъ и постановленій о внутреннемъ порядкѣ и техническомъ благоустройствѣ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности (п. п. 1, 2 и 3 ст. 54 и п. 1 ст. 52 Уст. Пром.), принимаютъ мѣры къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникающихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ (п. 4 ст. 54) и, наконецъ, возбуждаютъ преслѣдованіе, а въ подлежащихъ случаяхъ и обвиняютъ на судѣ виновныхъ въ нарушеніи помянутыхъ выше правилъ.

Въ свою очередь, обязанности чиновъ полиціи по отношенію къ фабрикамъ и заводамъ распадаются на двѣ части: 1) въ сферѣ отношеній между фабрикантами и рабочими, возникающихъ на почвѣ договора, найма и вообще въ очерченной выше дѣятельности чиновъ фабричной инспекціи, чины городской и уѣздной полиціи сообщаютъ инспекціи о всѣхъ, дошедшихъ до свѣдѣнія ихъ, случаяхъ нарушенія порядка и благоустройства на фабрикахъ и заводахъ, и оказываютъ инспекціи должное содѣйствіе (ст. 59 Уст. Пром.); 2) внѣ этой сферы, обязанности чиновъ полиціи по отношенію къ фабрично-заводскому населенію опредѣляются общими узаконеніями о полиціи и положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и вообще ничѣмъ не отличаются отъ обязанностей по отношенію къ остальному населенію.

Несмотря на столь опредѣлительно выраженные указанія дѣйствующаго закона, примѣненіе ихъ на практикѣ начинаетъ вызывать, за послѣднее время, существенныя недоразумѣнія, проистекающія, главнымъ образомъ, отъ того, что различные органы правительственной власти, взаимно соприкасающіеся по дѣламъ фабрично-заводской промышленности, не въ достаточной степени ограничиваютъ свои дѣйствія предѣлами того участія, которое предоставлено закономъ каждому изъ нихъ. Такъ, обнаружившіеся въ недавнее время случаи неудовольствія среди рабочихъ и даже забастовки въ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеніяхъ, преимущественно центрального фабрично-заводскаго района, выяснили, между прочимъ, что успѣшность дѣйствій фабричной инспекціи, опирающейся, главнымъ образомъ, на пріобрѣтенный чинами ея нравственный авторитетъ въ средѣ рабочихъ, была въ значительной мѣрѣ ослаблена несогласованностью съ дѣйствіями ея распоряженій и мѣропріятій административныхъ установленій, направленныхъ къ устраненію неудовольствій среди рабочихъ.

Въ нѣкоторыхъ фабричныхъ центрахъ губернской администраціею и высшими представителями полицейской власти усвоено, въ качествѣ руководящаго основанія для дѣятельности чиновъ полиціи по предупрежденію и прекращенію беспорядковъ на фабрикахъ и заводахъ, что на обязанности чиновъ полиціи такъ же, какъ и на обязанности фабричной инспекціи, лежитъ всестороннее наблюденіе за фабриками, заводами и мастерскими, равно какъ и устраненіе всякихъ поводовъ къ неудовольствіямъ среди рабочихъ, когда со стороны послѣднихъ заявляются претензіи на неправильныя по отношенію къ нимъ дѣйствія или притѣсненія фабрикантовъ и фабричной администраціи.

Такая несогласованность дѣйствиій и неразрывность нею связанная пререканія властей, вредныя во всѣхъ отрасляхъ управленія, — представляются, по крайнему убѣжденію министра финансовъ, особенно нежелательными и даже опасными въ дѣлахъ, затрагивающихъ интересы рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Среда фабрично-заводскихъ рабочихъ у насъ, какъ и повсемѣстно, представляется особенно чуткою къ проявленіямъ неустойчивости въ мѣропріятіяхъ правительственной власти. Малѣйшія колебанія въ ея дѣствіяхъ и самая незначительная односторонность въ освѣщеніи отдѣльныхъ проявленій въ фабричной жизни всегда истолковываются ею въ свою пользу и служатъ источникомъ несбыточныхъ ожиданій въ однихъ случаяхъ и предъявленій неисполнимыхъ и несправедливыхъ требованій — въ другихъ.

Независимо отъ сего, за крайне рѣдкими исключеніями, волненія на фабрикахъ и заводахъ и неудовольствіе среди рабочихъ коренятся въ такихъ особенностяхъ фабрично-заводской жизни и взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ, которыя поддаются тщательному уясненію и справедливому разрѣшенію только при условіи близкаго изученія фабричной среды и всесторонняго знакомства съ технической постановкою дѣла.

Во многихъ случаяхъ истинная причина волненій рабочихъ, проистекающихъ исключительно изъ договорныхъ отношеній между ними и фабрикантами, не понятна даже самимъ рабочимъ, по технической сложности вопроса, и имѣетъ весьма мало общаго съ поводами, выставляемыми рабочими. Самые поводы эти бываютъ часто совершенно безосновательны по существу и объясняются или подстрекательствомъ постороннихъ людей, или неумѣніемъ рабочихъ ясно форму-

лизовать свои желанія и склонностью пользоваться первымъ представившимся случаемъ для заявленія неудовольствія, какъ средства къ достиженію тѣхъ или другихъ выгодъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ попытка къ устраненію неудовольствій на фабрикахъ и заводахъ какими-либо иными органами, кромѣ органовъ фабричной инспекціи, посвященныхъ во всѣ особенности технической стороны дѣла, могутъ приводить — какъ это уже и подтверждалось на опытѣ — только къ обратнымъ результатамъ. Не разрѣшая неудовольствій рабочихъ и не направляя отношеній послѣднихъ къ фабрикантамъ въ сторону необходимой справедливости, они могутъ лишь вселять въ рабочихъ убѣжденіе, старательно развиваемое и укрѣпляемое агитаторами, что ихъ желанія осуществятся не тогда, когда они законны и справедливы, а когда выразятся скопомъ. Кромѣ того, нельзя умолчать и о томъ, что среди высшей губернской администраціи отдѣльныхъ губерній придается неправильное толкованіе основнымъ положеніямъ закона, опредѣляющимъ взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ.

Такъ, бывали случаи, когда губернаторомъ предлагалось чинамъ фабричной инспекціи утверждать расцѣнки заработной платы съ вѣдома и согласія губернской и административной власти, между тѣмъ какъ по закону прямое воздѣйствіе администраціи на установленіе размѣра заработной платы отнюдь не допускается, но установленіе ея всецѣло предоставляется взаимному соглашенію рабочихъ и фабрикантовъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы расцѣнки опредѣленной такимъ образомъ платы были засвидѣтельствованы фабричною инспекціею.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго и находя, что своевременное развитіе фабрично-заводской промышленности побуждаетъ придавать исключительное значеніе

возможно полному согласованію взаимныхъ дѣйствій различныхъ органовъ правительственной власти, участвующихъ въ направленіи и разрѣшеніи дѣлъ по всѣмъ вопросамъ фабричной жизни, — министръ финансовъ полагалъ бы поручить ближайшее обсужденіе и разрѣшеніе этого вопроса особому совѣщанію, на которое возложено разсмотрѣніе дѣла объ обеспеченіи участи рабочихъ, утратившихъ способность къ труду.

Высочайше утвержденное совѣщаніе, въ засѣданіи отъ 15 іюля 1898 г., остановилось съ особеннымъ вниманіемъ на вопросѣ о предѣлахъ компетенціи мѣстныхъ органовъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ въ дѣлѣ надзора за фабрично-заводскими заведеніями.

По мнѣнію совѣщанія, правильное разрѣшеніе этого вопроса представляетъ особенную важность въ виду беспокойнаго настроенія умовъ фабричныхъ рабочихъ подъ вліяніемъ агитаціи извнѣ, распространяемой политически-неблагонадежными лицами, стремящимися поселить смуту среди рабочихъ и нарушить спокойный ходъ государственной жизни.

Борьба съ этими все болѣе и болѣе развивающимися явленіями путемъ правительственныхъ мѣропріятій, съ цѣлью огражденія рабочихъ отъ вредныхъ на нихъ воздѣйствій постороннихъ элементовъ, можетъ дать благопріятные результаты лишь при полной согласованности дѣйствій мѣстныхъ органовъ — фабричной инспекціи и полиціи — и при строгомъ раздѣленіи предметовъ вѣдѣнія cadaго изъ этихъ органовъ.

Пререканія между должностными лицами различныхъ вѣдомствъ, неопредѣленность предѣловъ власти cadaго и несогласованность дѣйствій не только подрываютъ авторитетъ правительства въ глазахъ населенія, но могутъ приводить къ послѣдствіямъ прямо

противоположнымъ тѣмъ, кои имѣется въ виду достигнуть.

Между тѣмъ случаи несогласованности дѣйствій и смѣшенія подвѣдомственности дѣлъ тому или другому органу власти повторяются вслѣдствіе неоднобразнаго пониманія закона о порядкѣ надзора за фабриками и заводами, а также по малочисленности какъ фабричной инспекціи, такъ и полиціи, приводящей на практикѣ къ смѣшенію ихъ обязанностей, по отсутствію на мѣстѣ той или другой власти. Посему скорѣйшее установленіе твердыхъ и опредѣленныхъ взглядовъ въ этомъ дѣлѣ представляется необходимымъ.

При обсужденіи этого вопроса, совѣщаніе прежде всего обратилось къ содержанію дѣйствующихъ узаконеній и признало, что *дѣйствующій законъ, въ своихъ главныхъ основаніяхъ, вполне ясенъ, достаточенъ и не требуетъ ни дополненій, ни измѣненій.*

Однакоже примѣненіе его на дѣлѣ начинаетъ вызывать, за послѣднее время, недоразумѣнія, выражающіяся въ томъ, что фабричная инспекція и полиція, какъ органы правительственной власти, взаимно соприкасающіеся по надзору за благоустройствомъ и порядкомъ на фабрикахъ и заводахъ, не соблюдаютъ въ должной степени указанныхъ въ законѣ для каждаго изъ нихъ предѣловъ правъ и обязанностей, вслѣдствіе чего не достигается необходимое для успѣха дѣла единство дѣйствій.

Останапливаясь на причинахъ столь нежелательнаго явленія, совѣщаніе нашло, что на общій строй промышленной жизни страны вліяетъ ранѣе не существовавшій элементъ—подстрекательства рабочихъ неблагонадежными лицами, — что возбуждаетъ умы рабочихъ и способствуетъ увеличенію числа случаевъ волненій и беспорядковъ. При подавленіи послѣднихъ главная роль отводится полиціи, которая, въ интере-

сахъ скорѣйшаго возстановленія нарушеннаго порядка и опираясь на Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, не всегда согласовываетъ свои дѣйствія съ требованіями Устава о промышленности.

Исходя изъ того положенія, что на почвѣ неудовольствій скорѣе всего является воспріимчивость рабочаго класса ко всякаго рода противоправительственнымъ вліяніямъ, полиція иногда склонна считать всякое проявленіе недовольнаго настроенія среди фабрично-заводскихъ рабочихъ, по какому бы поводу оно ни возникало, за начало безпорядка, дающаго ей не только право, но даже возлагающаго на нее обязанность вмѣшиваться въ разборъ причинъ неудовольствія и принимать мѣры къ его устраненію, тогда какъ по Уставу о промышленности, обязанности эти лежатъ всецѣло на фабричной инспекціи.

Дѣйствующій законъ, возлагая общій надзоръ за благоустройствомъ на фабрикахъ и заводахъ на губернскую власть и создавая для осуществленія надзора необходимые органы, въ видѣ Присутствій по фабричнымъ дѣламъ, фабричной инспекціи и полиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, въ какихъ предѣлахъ губернская власть должна пользоваться вышеперечисленными органами и для какихъ именно надобностей.

Считая весьма важнымъ устранить въ будущемъ возможность недоразумѣній вслѣдствіе неоднобразнаго пониманія закона о предметахъ вѣдѣнія различными мѣстными органами надзора за фабриками и заводами, совѣщаніе признало необходимымъ безотлагательно издать инструкціи симъ органамъ, по соглашенію между министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и обоюднымъ ихъ подписаніемъ, о разграниченіи предметовъ вѣдомства по фабричнымъ дѣламъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣщаніе нашло, что особенное вниманіе должно быть обращено на достиженіе согласованности дѣйствій и распоряженій какъ высшихъ властей, такъ и губернскихъ коллегіальныхъ учрежденій по дѣламъ промышленности. Поэтому, совѣщаніе отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ предложенію министра финансовъ войти, по возможности безъ замедленія, въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ учрежденіи при Министерствѣ Финансовъ главнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія изъ чиновъ сего вѣдомства, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, при участіи представителей промышленности. На этотъ органъ предполагается возложить высшее наблюденіе за правильнымъ примѣненіемъ законоположеній, касающихся соблюденія на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и внутренняго порядка, объединеніе дѣятельности мѣстныхъ присутствій и предварительное разсмотрѣніе инструкцій и правилъ, издаваемыхъ подлежащими вѣдомствами.

Государю Императору, въ 30 день іюля 1898 г., благоугодно было на подлинномъ журналѣ совѣщанія Собственноручно начертать: «Всецѣло раздѣляю высказанныя совѣщаніемъ соображенія и согласенъ».

Вышеизложенныя указанія о предметахъ вѣдомства мѣстныхъ установленій по дѣламъ фабрично-заводской промышленности преподаны были къ руководству и неуклонному исполненію губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ и чинамъ фабричной инспекціи въ циркулярахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, отъ 4 сентября 1898 г., за №№ 3384 и 580.

Съ изданіемъ, однако, приведеннаго выше циркулярнаго разъясненія далеко не прекратились пререканія между чинами инспекціи и полиціи относительно пред-

метовъ ихъ вѣдомства. И въ слѣдующемъ же 1899 г. возникли въ г. Москвѣ недоразумѣнія по вопросу объ участіи чиновъ фабричной инспекціи: а) въ комиссіи по осмотру фабрикъ и заводовъ въ санитарномъ отношеніи и при открытіи ихъ или при увеличеніи производства и б) въ выясненіи причинъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ.

* * *

Хотя подлежащій вопросъ былъ исчерпанъ во всей полнотѣ, московскія власти *auf eigene Faust* вздумали внести свои толкованія въ законы, регулирующие фабричный бытъ.

Въ междувѣдомственномъ совѣщаніи по рабочему вопросу, состоявшемся въ началѣ 1903 года, попутно выяснялись самобытные виды, которые Министерство Внутреннихъ Дѣлъ пыталось весьма послѣдовательно проводить въ области фабрично-экономической политики.

«Подъ вліяніемъ усиленной тайной пропаганды, разсуждало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ рабочей средѣ въ настоящее время — особенно въ промышленныхъ центрахъ — быстро и широко развиваются рабочія организациі. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ и во Владимірскомъ районѣ подпольная организациія прочно укоренилась и, вѣроятно, въ нее нынѣ входитъ до $\frac{8}{10}$ всѣхъ рабочихъ. Подпольная литература среди рабочихъ достигла не менѣе громаднаго распространенія; многіе изъ рабочихъ усвоили себѣ даже техническій языкъ этой литературы; нерѣдко встрѣчаются рабочіе, основательно освѣдомленные въ западно-европейскихъ социалистическихъ ученіяхъ, ознакомленные съ Марксомъ, Бернштейномъ, Каутскимъ и др. Существующія,

наконецъ, при организаціяхъ кассы, хотя и не велики, но все же могутъ поддерживать длительность стачекъ.

«Усиленное рабочее движеніе сказалось собственно съ 1895—96 г. и вначалѣ носило ясно выраженную политическую окраску, но, успокаивало себя Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, за послѣдніе годы направленіе движенія измѣнилось, благодаря тому, что движенія политическаго характера влекли за собою тяжелыя послѣдствія не столько для агитаторовъ, сколько для самаго объекта политической агитаціи, т.-е. для рабочихъ,—послѣдніе поэтому, будто бы, отбросили всякія политическія поползновенія, и движеніе приняло направленіе экономическаго и бытового характера. Это-то движеніе и подхвачено московскою администраціею».

Не кому другому, какъ свитскому генералу Дм. Θ. Трепову принадлежало если не изобрѣтеніе, то популяризація пресловутой «Зубатовщины».

«Умъ живой, бойкій, но поверхностный, не умудренный ни опытомъ отвѣтственной государственной дѣятельности, ни широкимъ политическимъ образованіемъ»,—такъ характеризовало «Новое Время post festum случайнаго кандидата въ «спасители отечества»¹⁾,—генераль Треповъ былъ всемогущъ въ своей сферѣ, благодаря могущественной опорѣ августѣйшаго московскаго генераль-губернатора.

Въ эпоху всеобщаго броженія и революціонной горячки, Треповъ, по пылкости темперамента и личной обаятельности, оказался въ сущности опаснѣйшимъ и вреднѣйшимъ колесомъ въ правительственномъ механизмѣ.

Для Трепова (какъ и для В. К. ф. Плеве) не существовало, повидимому, яснаго разграниченія между собственными воленіями и постулатами жизненной правды,

¹⁾ № 12.561, отъ 2 марта 1911 г., «О связи событій».

какъ не признавалось разницы между радикальнѣйшими политическими экспериментами и необузданными проявленіями грубаго произвола¹⁾.

Въ лицѣ Трепова въ 1898 г., Зубатовъ, бывшій тогда начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія, нашелъ пылкаго и воспріимчиваго проводника для своей смѣлой затѣи путемъ полицейскихъ воздѣйствій овладѣть соціалистическимъ движеніемъ.

По обычной у насъ неустойчивости принциповъ государственнаго управленія, экономическая политика внезапно и рѣшительно сошла на путь рискованныхъ опытовъ «полицейскаго соціализма».

Инициаторомъ новаго вѣянія явился, какъ ни странно это звучитъ, скромный и незамѣтный начальникъ охраннаго отдѣленія при канцеляріи московскаго оберъ-полицеймейстера С. В. Зубатовъ.

Сначала студентъ, вращавшійся въ радикальныхъ кружкахъ московской молодежи, затѣмъ негласный сотрудникъ охраны и, наконецъ, чиновникъ, ex officio, сдѣлавшійся властнымъ воротилою по дѣламъ политическаго сыска—Зубатовъ заручился большимъ вліяніемъ надъ Д. Ѡ. Треповымъ.

1) Позорный конечный провалъ Зубатовщины не образумилъ политическаго фантаста. Изящный кавалеръ и блестящій кавалеристъ, Треповъ, попавъ въ «освободительную эпоху» въ центръ политической дѣятельности, не проявилъ ни надлежащихъ способностей, ни подготовки, но по сдѣпленію случайностей едва не очутился въ роли диктатора. Хватаясь самовольно за противорѣчивѣйшіе приемы обузданія краснаго призрака, начиная съ пресловутаго приказа «патроновъ не жалѣть» и кончая предложеніемъ обязательнаго отчужденія помѣщичьихъ земель, а въ довершеніе всего затѣвая самочинные переговоры съ Милюковымъ о созданіи кадетскаго министерства и обнаруживая неизмѣнно мальчишескій задоръ и политическую наивность, Треповъ роковымъ образомъ обрекался на нелѣпѣйшіе «blunder'ы», и, конечно, только преждевременная и внезапная кончина и спасла его отъ паденія, не выносиваго для честолюбца.

Въ апрѣлѣ 1898 г. августѣйшему московскому генералъ-губернатору былъ представленъ Треповымъ докладъ, въ которомъ изъяснялось, что пока революціонеры проповѣдывали чистый социализмъ, съ ними можно было справляться репрессивными мѣрами, но разъ они начинаютъ обращать въ свою выгоду недочеты существующаго законнаго порядка, то однѣхъ репрессій для обузданія ихъ козней оказывается недостаточно, а «надлежитъ немедля вырвать изъ-подъ ихъ ногъ самую почву», для чего и «надо открыть и указать рабочему законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія».

«Чѣмъ занять революціонеръ, — развивалъ свою мысль Треповъ, — тѣмъ обязана интересоваться и полиція».

Если въ послѣднее время агитаторъ строитъ свои происки на почвѣ законности, эксплуатируя недочеты дѣятельности фабричной администраціи, то въ интересахъ неотступнаго и безустаннаго созиданія преградъ его агитаціи, полиція «принуждена зорко слѣдить за распорядками фабрично-заводскихъ заведеній и вообще за всѣмъ, имѣющимъ касательство до личности и обихода рабочаго — таково положеніе вещей и таково требованіе времени».

Считая безспорно доказаннымъ на примѣрѣ ростовскихъ беспорядковъ, что политическій элементъ въ рабочемъ движеніи слабѣетъ, а экономическій растетъ, и въ послѣднемъ направленіи рабочее движеніе приобретаетъ особую мощь, московская полиція тѣшила себя самоувѣренною надеждою «урегулировать рабочее движеніе, дифференцировать различныя его проявленія и опредѣлить, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться и что нужно только направлять».

Въ цѣляхъ этого отеческаго направленія и явился довольно-таки неожиданно фантастическій замыселъ

опутать рабочее движение сътъю полицейскихъ мѣропріятій и черезъ это обезвредить его. Инициатору этого рискованнаго предпріятія, начальнику московскаго охраннаго отдѣленія Зубатову и была предоставлена широкая свобода дѣйствій въ дѣлѣ насажденія полицейскаго социализма.

Затѣмъ Д. Θ. Треповъ сумѣлъ провести учрежденіе профессиональной организаціи московскихъ рабочихъ съ цѣлью связать ее съ полиціею, при чемъ фабричная инспекція совершенно игнорировалась.

Регулятивомъ для дѣятельности рабочихъ организацій имѣла служить инструкция, придуманная Треповымъ и Зубатовымъ, которою и долженъ былъ руководствоваться Совѣтъ рабочихъ механическаго производства.

Помощь рабочимъ оказывалась лишь мантиею, которою прикрывались полицейскія цѣли, подчеркивавшіяся въ многочисленныхъ статьяхъ инструкции.

Къ участию въ обществѣ не допускаются вовсе лица, состоящія подъ надзоромъ полиціи (примѣчаніе 2 къ § 12).

Въ члены - соревнователи общества принимаются лица, изъявившія готовность оказывать обществу и его членамъ безвозмездныя услуги, а именно: чины полиціи и фабричной инспекціи, лица медицинскаго персонала, служащіе на фабрикахъ и заводахъ механическаго производства, лица, принадлежащія къ составу администраціи фабрикъ и заводовъ, а также священно- и церковно-служители (§ 18).

Рабочій утрачиваетъ всякое право на пособіе при безработицѣ, если потерялъ заработокъ вслѣдствіе принятыхъ по отношенію къ нему административныхъ мѣръ (примѣчаніе 1 къ § 35).

Правленіе общества составляется изъ 8 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ, но каждое изби-

рающее членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ собраніе выбираетъ таковыхъ въ числѣ 12 по каждому отдѣлу, а изъ нихъ московскій оберъ-полицеймейстеръ утверждаетъ уже по своему усмотрѣнію определенное уставомъ число членовъ, т.-е. 8 человекъ (§ 43).

Должностныя лица, избираемыя изъ среды правленія, въ свою очередь, подлежатъ утвержденію оберъ-полицеймейстера (§ 44).

Ревизія дѣлъ и суммъ общества можетъ быть во всякое время произведена по распоряженію оберъ-полицеймейстера (§ 53).

Въ общихъ собраніяхъ участвуютъ лишь дѣйствительные члены общества; посторонняя публика не допускается, но, въ случаѣ надобности, московскій оберъ-полицеймейстеръ можетъ для присутствованія въ общихъ собраніяхъ командировать чиновъ полиціи (§ 57).

Полиція оповѣщается о днѣ, мѣстѣ и предметахъ, подлежащихъ обсужденію въ собраніяхъ; обсуждаться же могутъ только такіе вопросы, о коихъ доведено до свѣдѣнія московскаго оберъ-полицеймейстера (§§ 61, 62).

Объ устраиваемыхъ обществомъ вечерахъ правленіе поставляется въ обязанность своевременно увѣдомлять начальника мѣстной полиціи (примѣчаніе къ § 4).

Всѣ инструкціи, преподаваемыя отъ общихъ собраній должностнымъ лицамъ общества, проходятъ чрезъ предварительную цензуру оберъ-полицеймейстера; въ случаѣ же несогласія оберъ-полицеймейстера съ содержаніемъ инструкцій, таковыя съ замѣчаніями оберъ-полицеймейстера возвращаются общему собранію для переработки вновь (примѣчаніе къ § 66).

За оберъ-полицеймейстеромъ усвоется право вносить вопросы на обсужденіе и рѣшеніе общихъ собраній, при чемъ голосъ оберъ-полицеймейстера приравнивается голосамъ 20 членовъ (§ 68).

Такимъ образомъ дѣятельность общества во всѣ моменты охватывается и регулируется полицейскими воздѣйствіями и починомъ.

Что заводимые ген. Треповымъ въ Москвѣ распорядки шли совершенно въ разрѣзъ съ общимъ духомъ постановленій, выработанныхъ въ междувѣдомственномъ совѣщаніи и получившихъ 30 іюля 1898 г. высочайшую санкцію ясно само собою.

Но Треповъ, ни что же не сумняшеса, шелъ на рискованные эксперименты, сильный поддержкою вел. кн. Сергѣя Александровича и окрыленный тѣмъ, что его выдумка можетъ быть оправдана научными соображеніями.

По крайней мѣрѣ, присяжный консультантъ ген. Трепова по рабочимъ дѣламъ—изъ раскаявшихся революціонеровъ—сочинилъ для него характерную записку въ обоснованіе полицейско-административныхъ воздѣйствій на рабочихъ.

Записка эта гласила слѣдующее:

I.

Въ настоящее время какъ въ средѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ, такъ и въ передовыхъ теченіяхъ правительственной мысли явилось убѣжденіе въ томъ, что для улучшенія быта фабрично-заводскаго населенія необходима нѣкоторая организація въ средѣ рабочихъ. Это убѣжденіе выразилось уже фактически въ появленіи въ Москвѣ Совѣтовъ рабочихъ механическаго производства, а засимъ и Совѣта ткачей. Г. московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ утверждена въ 1901 г., 11 ноября, инструкція Совѣту рабочихъ механическаго производства и допущены рабочія «совѣщанія» объ ихъ нуждахъ. Это составляетъ первые, офиціально допущенные способы къ совмѣстной дѣятельности рабо-

чихъ, въ цѣляхъ обсужденія и достиженія удовлетворенія ими своихъ нуждъ. Начало въ высшей степени знаменательное и важное, но только начало.

Въ помянутой инструкціи уже предусмотрѣна (§ 16) возможность ходатайствъ Совѣта объ измѣненіи и дополненіи ея. Притомъ же самая инструкція — какъ явствуется изъ ея названія и содержанія — не есть «уставъ» рабочихъ союзовъ, а лишь офиціально преподанныя наставленія, на основаніи коихъ инициаторамъ организаціи рабочихъ разрѣшено нынѣ дѣйствовать. Эта инструкція даетъ мѣсто для опыта, совершенно ничего въ немъ не предрѣшая, кромѣ порядка, съ соблюденія котораго онъ допускается. Это осторожное и мудрое начало даетъ возможность рабочимъ не терять времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно, осторожно и здраво обдумать, въ какомъ направленіи желательнѣе устроить рабочую организацію, когда опытъ и обстоятельства дадутъ къ тому возможность. Та же самая задача лежитъ и передъ властью, точно такъ же нуждающейся въ указаніяхъ опыта для дальнѣйшаго направленія дѣла. Но въ ожиданіи указаній опыта относительно способовъ дѣйствія существенно важно заранѣе обдумать цѣли и задачи, достиженіемъ которыхъ у насъ можетъ быть упорядоченъ рабочій вопросъ, а соотвѣтственно съ тѣмъ, и формы рабочей организаціи, которыя желательнѣе бы было создать для рѣшенія нашего рабочаго вопроса. Обсужденіе этого необходимо не для того, чтобы немедленно вводить тѣ или иныя формы организаціи, а для того, чтобы представить себѣ направленіе пути, согласно которому должны быть приложены усилія. Все это тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ въ Россіи рабочія организаціи (кромѣ устарѣлыхъ ремесленныхъ) совершенно не имѣютъ прецедентовъ, между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ онѣ имѣютъ уже цѣлую исторію и вполнѣ вы-

рабочаннѣя нормы (см. приложеніе къ настоящей запискѣ) ¹⁾.

Поэтому, подымая рабочій вопросъ, мы неизбежно должны ожидать сильнаго давленія на насъ западно-европейской мысли.

Всѣ, кто у насъ знакомъ съ рабочимъ вопросомъ, изучали его рѣшеніе исключительно по европейскимъ образцамъ и приучили свою мысль стоять на точкѣ зрѣнія европейскихъ авторовъ — ученыхъ, публицистовъ и—въ лучшемъ случаѣ—европейскихъ рабочихъ. Но рабочій вопросъ въ Европѣ развивался при такихъ обстоятельствахъ, которыя его сплетали съ идеями *соціалистическими*, и сами рабочіе, даже когда покидали соціалистическую программу дѣйствій, не покидали соціалистическаго идеала. Это еще болѣе относится къ авторамъ сочиненій по рабочему вопросу, для которыхъ соціалистическій идеалъ, по большей части, не уничтожается, а лишь отлагается до неопредѣленнаго будущаго. Рабочіе у нихъ все-таки разсматриваются, какъ орудіе будущаго соціальнаго переворота. Это налагаетъ особый отпечатокъ на рабочее движеніе западнаго міра. Съ одной стороны, это придаетъ рабочему дѣлу фантастическую и неосуществимую конечную цѣль; съ другой, рабочее дѣло слишкомъ суживается въ настоящее время, ограничиваясь только такими улучшеніями быта, которыя не расходятся съ цѣлями будущаго переворота существующаго строя.

Между тѣмъ полное и наибольшее улучшеніе быта каждаго класса, въ томъ числѣ рабочаго, возможно въ той лишь мѣрѣ, въ какой онъ занимаетъ прочное мѣсто среди существующаго строя, становясь однимъ изъ органовъ этого строя, а не его разрушителемъ. Поэтому мы избѣжали бы много вреднаго и

¹⁾ Помѣщена въ концѣ брошюры.

могли бы достигнуть много болѣе широко полезнаго для рабочихъ въ Западной Европѣ, если мы сумѣли сохранить въ разрѣшеніи рабочаго вопроса умственную самостоятельность.

Чѣмъ раньше мы начнемъ обсуждать общія цѣли рабочихъ и ихъ организаціи, ранѣе чѣмъ приступлено будетъ къ законодательной работѣ по этому дѣлу, — тѣмъ болѣе получимъ мы шансовъ избѣжать ошибокъ подражательности. Когда уже будутъ приняты первыя мѣры по рѣшенію рабочаго вопроса, то гораздо труднѣе будетъ что-нибудь измѣнить, и если рабочія организаціи сразу будутъ поставлены, хотя и незамѣтно для себя и для власти, на такую почву, которая ведетъ къ социалистическому направленію, то каждый уже новый шагъ развитія этихъ ложно поставленныхъ основъ будетъ шагомъ къ приближенію къ социалистическимъ цѣлямъ, т.-е. къ искаженію задачъ русской власти и самаго рабочаго дѣла.

II.

Такимъ опаснымъ и ложнымъ первымъ шагомъ была бы постановка нашего рабочаго вопроса на исключительно *экономическую* почву и въ силу этого построение рабочей организаціи, какъ исключительно орудія борьбы съ капиталистами. Это сразу бы придало русскому рабочему дѣлу узкій характеръ съ склонностью къ социализму.

Между тѣмъ, къ сожалѣнію, всѣ образованные люди, знакомые съ рабочимъ вопросомъ, а потому, естественно, являющіеся совѣтчиками по его постановкѣ у насъ, почти неизбежно будутъ клонить именно къ этому, по навыкамъ своей мысли, по трудности отрѣшенія отъ точекъ зрѣнія европейской литературы, по которой они изучаютъ этотъ вопросъ. Какъ имъ самимъ, такъ

и дѣятелямъ власти, а наконецъ, и рабочимъ слѣдуетъ обстоятельно вникнуть въ ложность подобной постановки дѣла. Къ сожалѣнію, рабочимъ легче всего можетъ казаться, что именно экономическіе интересы составляютъ самое главное дѣло для нихъ, и что поэтому рабочіе союзы должны прежде всего быть орудіемъ борьбы съ хозяевами, хотя бы борьбы легальными средствами. Это, съ перваго взгляда, кажется самымъ практичнымъ. Желательно было бы, чтобъ рабочіе поняли, что именно *практичность* не дозволяетъ такой узкой цѣли. Для упорядоченія своего быта рабочіе нуждаются въ томъ, чтобы найти себѣ побольше союзниковъ, побольше поддержки и уменьшить по возможности препятствія на своемъ пути.

Если же рабочіе союзы будутъ имѣть своею задачею только экономическіе интересы, то кто будетъ заинтересованъ, чтобы имъ помогать? Кому нужны ихъ экономическіе интересы? Не хозяевамъ ли? Но очень часто увеличеніе заработка рабочаго есть не что иное, какъ уменьшеніе прибыли хозяина. Итакъ, если нѣкоторые хозяева, по отвлеченной добродѣтели, и стали бы помогать рабочимъ, то еще большее число нисколько не пожелаетъ уменьшенія своихъ доходовъ и постарается помѣшать рабочимъ. Далѣе, конечно, экономическіе интересы рабочихъ очень озабочиваютъ правительство и на вниманіе его рабочіе могутъ рассчитывать. Однако совершенно ясно, что поддержкою правительства рабочіе союзы могли бы заручиться въ еще въ гораздо большей степени, если бы правительство видѣло, что оно достигаетъ этимъ непосредственной и близкой пользы и для своихъ задачъ. Вообще для полученія поддержки, безъ которой они не могутъ ни возникнуть, ни развиться, рабочіе союзы должны ввести въ свои задачи что-либо такое, что было бы полезно и имъ самимъ, а также и другимъ. Такою общеплез-

ною цѣлью могла бы быть, на ряду съ экономическими ихъ интересами, помощь поддержанію экономического порядка, въ чемъ заинтересованы и общая администрація, и сами хозяева — фабриканты. Населеніе фабрикъ и заводовъ — самое безпокойное изъ всѣхъ, — и всевозможныя недоразумѣнія, стачки, разгромы постоянно возмущаютъ порядокъ на фабрикахъ и заводахъ. Умиротвореніе всего этого крайне хлопотно и трудно. Конечно, для правительства было бы полезно, если бы сами рабочіе могли явиться органомъ для улаженія различныхъ столкновеній и безпорядковъ. Сами фабриканты скорѣе бы помирились съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ своихъ доходовъ, если бы увидѣли, что этимъ пожертвованіемъ достигается увеличеніе фабричнаго порядка, имъ самимъ необходимаго. Положеніе самихъ рабочихъ упрочилось бы гораздо болѣе, если бы они явились не только простыми наемниками, но получили бы и нѣкоторыя самостоятельныя учрежденія.

Итакъ, даже въ экономической области намѣчиваются не одна, а двѣ необходимыя задачи рабочаго дѣла:

- 1) Защита экономическихъ интересовъ рабочихъ.
- 2) Поддержаніе порядка и законности въ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ.

Если первая задача состоитъ въ защитѣ рабочаго отъ эксплуатаціи хозяина, то вторая не допускаетъ эксплуатаціи хозяина рабочими. Если рабочія организациі возьмутся за обѣ задачи, онѣ тѣмъ самымъ приобретутъ сочувствіе и уваженіе со стороны всей Россіи, какъ учрежденіе, поддерживающее справедливость, нужную для страны и всѣхъ сословій.

III.

Но этимъ не исчерпываются задачи, которыя должны быть поставлены рабочимъ союзамъ.

Всѣ сословія и классы, всѣ отдѣльные люди и цѣлыя націи и государства хлопочуть о своихъ матеріальныхъ нуждахъ и принимаютъ мѣры къ улучшенію своего экономическаго положенія. Объ этомъ необходимо должны думать и рабочіе и къ тому же естественно направляются желанія правительства. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду того факта, что матеріальныя нужды любой корпораціи, сословія и государства всецѣло зависятъ отъ умственнаго и нравственнаго развитія ихъ членовъ. Матеріальныя, экономическія задачи, въ своемъ успѣхѣ, зависятъ отъ всего, чѣмъ повышается умственное и нравственное развитіе рабочихъ. Всѣ люди, классы и націи должны для достиженія, охраны и приумноженія своего благосостоянія, постоянно озабочиваться приумноженіемъ своихъ знаній и способностей къ овладѣнію этими знаніями. Для корпораціи, сословія или націи, — словомъ, для всякаго общества одинаково обязательно заботиться о прочности *нравственныхъ* принциповъ своихъ членовъ. Отъ этого зависитъ и самая прочность общества.

Общеизвѣстенъ фактъ, что процвѣтаютъ не тѣ сословія или націи, которыя получили отъ природы или отцовъ наиболѣе богатства, а, напротивъ, тѣ, которыхъ нужда, обстоятельства или бѣдствія заставили, какъ говорится, «взяться за умъ» и «вспомнить Бога», т.-е. тѣ, которыя постарались повысить самостоятельность и развитость своего ума и очистить и упрочить свои нравственные устои. Эти задачи должны быть поставлены рабочимъ союзамъ въ отношеніи рабочей среды вообще и своихъ членовъ въ особенности.

Успѣшность дѣйствій всякаго общества зависитъ отъ умной и цѣлесообразной постановки мѣръ къ этому. А это можетъ правильно опредѣлять лишь корпорація, обладающая достаточнымъ общимъ развитіемъ и знаніями для того, чтобы свои нужды и мѣры къ ихъ удовлетворенію видѣть своими же, а не чужими глазами и оцѣнивать своимъ умомъ. Въ такое положеніе желательно поставить и рабочихъ.

Несомнѣнно, всякая масса, сословіе и корпорація состоятъ изъ людей среднихъ способностей, которые безсильны доходить, въ буквальномъ смыслѣ, своимъ умомъ до правильнаго рѣшенія множества сложныхъ вопросовъ человѣческой и общественной жизни. Поэтому необходимо опредѣлить, въ чемъ заключается *самостоятельность* народа, развитіе и упроченіе коей должно составить одну изъ главнѣйшихъ задачъ рабочихъ союзовъ.

IV.

Средняя масса народа вообще, а въ частности промышленныхъ рабочихъ, должна имѣть количество знаній и умственное развитіе, достаточныя для того, чтобы умѣть оцѣнивать различныя рѣшенія вопросовъ, выработываемыя и предлагаемыя наиболѣе выдающимися членами ея собственнаго класса. Въ этомъ и состоитъ умственная самостоятельность всякой массы. Средства для достиженія этой цѣли должны быть доставляемы рабочими союзами.

Но, кромѣ среднихъ людей, въ любомъ положеніи встрѣчаются люди, по природнымъ своимъ способностямъ болѣе одаренные или даже высоко-даровитые. Если бы въ какомъ-нибудь народѣ или классѣ не было такихъ даровитыхъ людей, то о такомъ народѣ или классѣ бесполезно было бы и хлопотать. Онъ осужденъ былъ бы

находиться въ вѣчномъ подчиненіи у другихъ націй или классовъ. Напрасны были бы всѣ его ропоть и возстанія, ибо люди умные всегда найдутъ способы забрать въ руки людей глупыхъ. Но, къ счастью, наша народная масса обладаетъ большимъ количествомъ природно - способныхъ людей, что засвидѣтельствовано нашею исторіею больше, нежели у какого-либо другого народа. Крупнѣйшіе представители нашей интеллигенціи, какъ Герценъ, Хомяковъ, Достоевскій, всѣ свои надежды на будущее величіе Россіи основывали на высокой оцѣнкѣ не нашего образованнаго высшаго класса, а именно на высокихъ природныхъ качествахъ самого русскаго народа.

Итакъ, въ рабочемъ слоѣ всегда найдутся люди высоко - даровитые. Имъ - то и нужно дать ходъ къ умственной самостоятельности. Они должны быть выработаны въ народную интеллигенцію; они должны явиться совѣтчиками и руководителями рабочихъ, указывая своимъ собратьямъ способы и пути дѣйствія. Но для этого они должны хоть сколько-нибудь сравняться съ дѣятелями партійныхъ интеллигентныхъ направленій, которые, естественно, стремятся направить рабочихъ къ своимъ цѣлямъ. Народная интеллигенція должна получить достаточную умственную самостоятельность, чтобы, среди различныхъ указаній и приглашеній, умѣть сказать свое слово, взять полезное, гдѣ найдется, отвергнуть вредное или неподходящее, взятое же переработать согласно народному духу и потребностямъ. Присутствіе такихъ людей одно только и можетъ дать народу самостоятельность. Когда такой своей интеллигенціи нѣтъ и народъ идетъ подъ указку лицъ чуждыхъ ему, онъ легко можетъ сдѣлаться игрушкою чужихъ партійныхъ интересовъ.

Съ точки зрѣнія *правительственной*, развитіе такой народной интеллигенціи было бы въ высшей степени

полезно, въ виду устойчивости, которую она придастъ рабочимъ массамъ.

Въ виду изложеннаго, рабочимъ союзамъ, если они у насъ возникнутъ, надлежитъ поставить одною изъ важнѣйшихъ задачъ умноженіе способовъ къ образованію и развитію рабочей мысли, каковая задача издавна поставлена себѣ и правительствомъ, такъ что и въ этомъ случаѣ усилія рабочихъ были бы ему весьма полезны.

Задача эта сводится, во-первыхъ, къ побужденію народа усерднѣе пользоваться всѣми средствами образованія, доставляемаго правительствомъ, а во-вторыхъ, къ созданію рабочими союзами новыхъ способовъ къ образованію. Сюда относятся разнаго рода чтенія, курсы, бібліотеки и т. п. Должно замѣтить, что указанные задачи, естественно, распадаются на двѣ части: поощреніе широкаго популярнаго образованія и созданіе центровъ болѣе глубокаго образованія для наилучше подготовленныхъ развитыхъ рабочихъ.

Лучшее средство для этой послѣдней цѣли было бы слѣдующее. Должно было бы разыскивать среди образованнаго класса людей, особенно начитанныхъ и зрѣлыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе привязанныхъ къ народу, нежели къ своей партіи. Къ такимъ людямъ слѣдовало бы отдавать на выучку по нѣскольку наиболѣе даровитыхъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы эта выучка совершалась по способу университетскихъ семинарій и имѣла главною цѣлью научить питомцевъ самостоятельной умственной работѣ, каковую они потомъ весь вѣкъ могли бы уже и сами продолжать.

Что касается чтеній и курсовъ для массы рабочихъ, то они требуютъ зрѣло составленной программы, что, впрочемъ, нетрудно, если рабочіе постараются не попасть въ слишкомъ тенденціозныя руки.

Поставивъ себѣ сразу одною изъ задачъ выработку народной интеллигенціи, рабочіе союзы, кромѣ прямой выгоды отсюда, получили бы еще, сверхъ того, и новаго союзника — именно ту часть русской интеллигенціи, которая имѣетъ національное направленіе и думаетъ не о захватѣ власти надъ Россіей, а о выработкѣ самостоятельной народной мысли.

V.

Въ той же мѣрѣ, какъ умственное развитіе, должно быть поставлено задачей рабочихъ союзовъ укрѣпленіе нравственной стороны рабочихъ. Эта задача, быть-можетъ, еще болѣе неотложная, потому что фабрично-заводскія населенія, именно въ нравственномъ отношеніи, живутъ въ наиболѣе опасной обстановкѣ, гдѣ многое способно портить человѣка, и очень немногое способно поддержать его, дать ему опору. Если же рабочей слой будетъ деморализироваться, то нельзя и повѣрять въ его будущность, нельзя и допустить, чтобы онъ могъ создать что-нибудь полезное и чтобы самъ могъ жить счастливо.

Именно первымъ же дѣятелямъ нашего рабочаго дѣла обязательно ввести въ кругъ своихъ задачъ поднятіе и укрѣпленіе нравственнаго духа рабочихъ.

Какъ это сдѣлать?

Главное и основное условіе — это, конечно, усилить на всѣхъ пунктахъ тѣсное общеніе рабочихъ съ Церковью. Нужно позаботиться о религіозномъ образованіи рабочихъ столько же, какъ о свѣтско-научномъ. Нужно ввести въ практику рабочихъ союзовъ молитву, церковные обряды, участіе въ церковной службѣ. Во многихъ мастерскихъ старинныхъ заводовъ есть свои святые покровители, иконы коихъ, иногда драгоцѣн-

ныя, воздвигнуты самими рабочими, и память коихъ составляетъ цеховой праздникъ. Этотъ обычай слѣдуетъ поддержать и развить. Могутъ быть созданы совмѣстныя встрѣчи праздниковъ (какъ, напр., пасхальныя разговѣнія), что бывало въ Петербургѣ и представляло прекрасное зрѣлище. Вообще въ этомъ отношеніи стоитъ только прислушаться къ своему сердцу, чтобы создалась религіозная практика. Но особенно слѣдуетъ стараться, чтобы рабочіе вникали въ интересы Церкви, не въ смыслъ только своихъ приходовъ, а въ жизнь ея, какъ Православной Вселенской Церкви, въ которой каждый православный можетъ разнообразно участвовать, а особенно такая крупная сила, какъ рабочая масса.

Въ этомъ повышеніи церковно-религіознаго сознанія рабочимъ поможетъ множество священниковъ, столь же знающихъ, сколько ревностныхъ. А живое нравственное чувство порождается въ человѣкѣ лучше всего именно участіемъ въ церковной жизни, въ выполненіи ея задачъ мѣстныхъ и міровыхъ. Кромѣ этого главнаго способа охраны нравственнаго духа рабочихъ, слѣдуетъ вводить чистоту быта въ ихъ среду, преслѣдовать порицаніемъ грубые пороки, окружать уваженіемъ семейную жизнь, создавать приличныя и интересныя формы общенія (какъ праздники, вечера и т. п.), при чемъ всякій постарается быть на міру получше и поприличнѣе. Очень бы полезно было дойти до своего внутренняго третейскаго суда. Точно такъ же необходимо ввести въ практику союзовъ строгую добросовѣстность и справедливость въ отношеніи хозяевъ, чтобы рабочей вездѣ привыкъ уважать и чтить всякое право, не только свое, но и чужое. Безнравственные способы борьбы за свои интересы не должны быть допускаемы съ перваго же начала осуществленія союзовъ.

Ограничиваясь такимъ указаніемъ и не вдаваясь въ подробности, которыя сами собою ясны, я только замѣчу, что вводя эту задачу въ свою программу, рабочіе союзы пріобрѣли бы еще одну могущественную поддержку въ лицѣ церковной іерархіи и церковной интеллигенціи.

VI.

Изъ всего сказаннаго видно, что рабочіе союзы должны были бы у насъ явиться не узко - професіонально - экономическимъ учрежденіемъ, но нѣкоторою общиною, объединяющею фабрично - заводскихъ рабочихъ во всѣхъ главныхъ отрасляхъ ихъ нуждъ. Крестьянинъ, являясь въ городъ изъ своей деревни, попадалъ бы какъ бы въ ту же привычную ему общину, но только болѣе развитую. Наоборотъ, удаляясь домой, городской рабочій входилъ бы въ деревню лишь съ болѣе развитыми привычками общинной жизни; ему не была бы чужда ни административная, ни судебная, ни церковная, ни бытовая сторона общественной жизни.

Въ такомъ представленіи рабочихъ союзовъ я расхожусь какъ съ большинствомъ образцовъ европейскихъ союзовъ, такъ и съ мнѣніями либеральной среды, стоящей за развитіе у насъ рабочихъ союзовъ. Я полагаю, что задача русскихъ рабочихъ союзовъ состоитъ не въ томъ только, чтобы копировать европейскіе образцы, но въ томъ, чтобы устраиваться, какъ лучше для рабочихъ и самой Россіи. Европейскіе рабочіе союзы развивались при условіяхъ вообще очень неблагоприятныхъ, и во многихъ отношеніяхъ было бы вредно подражать имъ. Сверхъ того, русскія условія настоящаго времени весьма отличны отъ европейскихъ условій XIX вѣка. Мы имѣемъ самодержав-

ную монархическую власть, чрезвычайно могущественную и по своему существу преслѣдующую не классовую, но національныя цѣли. Весьма вѣроятно, что даже въ Западной Европѣ рабочіе достигли бы скорѣе и лучше улучшенія своего быта, если бы вступили въ союзъ съ монархіею. Но если это можетъ быть сказано по отношенію къ Европѣ, то у насъ, очевидно, промышленные рабочіе могутъ достигнуть тѣмъ большихъ успѣховъ, чѣмъ болѣе цѣли ихъ будутъ сообразоваться съ цѣлями русскаго самодержавія.

Эти же цѣли совершенно соотвѣтствуютъ правильно понятымъ интересамъ рабочихъ.

Въ Европѣ рабочіе союзы явились, орудіемъ борьбы противъ капиталистовъ. Такую узкую и одностороннюю цѣль нѣтъ основанія ставить русскимъ рабочимъ союзамъ. Какъ капитализмъ существуетъ не для борьбы противъ рабочихъ, а прежде всего для самого себя—для того, чтобы жить и процвѣтать,—точно такъ же и рабочіе должны жить вовсе не для борьбы съ кѣмъ-нибудь, а для самихъ себя—для того, чтобы хорошо устроиться. Иногда для этого и необходимо бороться; но все-таки не борьба, не война являются цѣлью жизни рабочаго, а правильное, выгодное и справедливое устройство обстановки своей жизни. Приступая къ организаціи, ее и надо приспособлять къ этой дѣйствительной цѣли, а не для одной только борьбы.

Для того же, чтобы хорошо жилось, цѣлью рабочихъ союзовъ должно быть объединеніе въ рабочія общины, обладающія органами и средствами къ удовлетворенію всѣхъ человѣческихъ и гражданскихъ нуждъ фабрично-заводскаго населенія. Эта цѣль не заключаетъ въ себѣ ничего революціоннаго, она не требуетъ какого-либо переворота въ Россіи, а только, наоборотъ, требуетъ *достройки*. Рабочіе не выдѣляются изъ

націи, не перестаютъ быть подданными своего Государя, членами своей Церкви, согражданами остальныхъ русскихъ классовъ. Они никого не хотятъ уничтожать, а желаютъ только себя устроить и, чѣмъ лучше будетъ всѣмъ другимъ, тѣмъ легче устроиться и самимъ рабочимъ. Рабочіе не уничтожаютъ и капиталистическаго производства, которое имѣетъ очень хорошія стороны, но рабочіе желаютъ имѣть справедливое участіе въ выгодахъ производства. Рабочіе не уничтожаютъ ни государства, ни законовъ, а желаютъ лишь такой охраны отъ государства и закона, какая имъ полагается, какъ русскимъ подданнымъ Самодержавнаго Монарха.

Вотъ какова разумная точка зрѣнія для рабочихъ союзовъ. При такой постановкѣ они станутъ въ единеніе съ русскою націею, съ русскою государственною властью; они получаютъ симпатію безкорыстныхъ русскихъ людей, любящихъ отечество, и окажутся одною изъ лучшихъ устроительныхъ силъ Россіи — элементомъ, употребляя либеральную терминологію, прогрессивнымъ.

Формулируя смыслъ сказаннаго, конечною цѣлью организаціи русскихъ рабочихъ должна быть организація своего сословія. Въ настоящее время при фабрикахъ и заводахъ у насъ образовался рабочій классъ, т.-е. слой людей, занятыхъ по фабрично-заводскому производству, въ качествѣ представителей труда. Это классъ, такъ сказать, естественный, выросшій по условіямъ производства безсознательно, безформенно. Его нужно превратить въ правильное сословіе, ибо сословіе есть не что иное, какъ государственно признанный и урегулированный классъ. При такомъ превращеніи изъ класса въ сословіе всякій социальный строй получаетъ опредѣленные права и обязанности въ отношеніи другихъ сословій и государства. Вмѣстѣ

съ тѣмъ получаетъ онъ и необходимое сословное самоуправленіе.

Конечно, этотъ классъ отличается чрезвычайно подвижностью своего личнаго состава. Множество рабочихъ занимается фабрично-заводскимъ трудомъ только временно. Многие возвращаются къ сельскому хозяйству или выходятъ въ купечество. Эта подвижность личнаго состава промышленныхъ рабочихъ нѣсколько усложняетъ задачу превращенія ихъ изъ класса въ организованное сословіе. Но эти усложненія не существуемы—отдѣльный рабочій можетъ выйти изъ сословія, но самое сословіе остается, и каждый рабочій имѣетъ въ немъ права и обязанности, пока остается его членомъ.

Это-то превращеніе рабочаго класса въ рабочее сословіе и должно быть цѣлью рабочихъ. Равнымъ образомъ, это должно быть и цѣлью государства, какъ единственное средство дѣйствительно разрѣшить рабочій вопросъ.

Будущее рабочее сословіе естественно должно состоять изъ рабочихъ общинъ. Цѣль рабочихъ союзовъ и состоитъ въ томъ, чтобы послужить постепеннымъ переходомъ въ рабочія общины.

Къ этой общей задачѣ и ведутъ всѣ частныя мѣры, перечисленныя выше.

VII.

Совершенно очевидно, что общины, о коихъ идетъ рѣчь, не имѣютъ ничего сходнаго съ ассоціаціями, которыя рекомендовали европейскимъ рабочимъ социалисты начала XIX в. (какъ Р. Оуэнъ и французскіе социалисты «утописты»).

Тѣ, коммунистическія, общины имѣли цѣлью создать какъ бы отдѣльныя внутренне самоудовлетворя-

ющіяся общины (коммуны), живущія внѣ общаго національнаго строя—нѣкоторый *status in statu*; русское же фабрично-заводское рабочее сословіе, напротивъ, должно сдѣлаться однимъ изъ національныхъ и государственныхъ сословій, живущимъ совмѣстною съ ними жизнью и только организующимъ свое дѣло, свою спеціальность, какъ другія сословія организуютъ свои заданія. Оно служитъ государству и другимъ сословіямъ своею спеціальностью, получая отъ другихъ сословій услуги по ихъ спеціальности. Оно не стремится ни уничтожить ни захватить капиталическаго производства, которое для него необходимо и можетъ быть наилучше поставлено только частными предпринимателями.

Рабочее сословіе въ экономическомъ отношеніи лишь будетъ стремиться оградить интересы труда въ капиталистическомъ производствѣ и развить всю ту матеріальную помощь, которая лежитъ въ интересахъ каждаго сословія. Въ остальномъ рабочее сословіе, подобно всѣмъ прочимъ, заручится обезпеченіемъ гражданскихъ правъ своихъ членовъ и улучшеніемъ своего сословнаго быта.

Соотвѣтственно съ этими задачами рабочая община явится только одною изъ ячеекъ рабочаго сословія, какъ отдѣльныя крестьянскія или дворянскія общества. Это будетъ учрежденіе не узко экономическое, а сословное, гражданское, приспособленное къ условіямъ жизни и нуждамъ сословія.

Естественно, что фабрично-заводскія общества должны охватывать лицъ одного и того же производства (механическаго, ткацкаго и т. п.) данной мѣстности.

Однако, есть задачи, въ которыхъ отдѣльныя общины могутъ и должны объединяться и создавать общіе для нихъ органы или учрежденія. Это оказывалось нужнымъ и въ профессиональныхъ союзахъ.

Запада (какъ «амальгамированные» союзы Англіи). Это же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно заранѣе предвидѣть и у насъ. Такъ во всѣхъ своихъ образовательныхъ цѣляхъ всѣ рабочія общины совершенно солидарны. Поэтому совѣты нѣсколькихъ союзовъ могли бы организовать особыя *комиссіи*, составленныя изъ представителей отъ *совѣтовъ* и изъ постороннихъ лицъ, необходимыхъ для даннаго дѣла. Такъ, напр., организація чтеній и семинарій могла бы быть, конечно, ведена комиссіею, составленною изъ членовъ, командированныхъ отъ совѣтовъ механиковъ, ткачей и т. д. и тѣхъ лицъ интеллигенціи, кои были бы для сего приглашены. Точно то же должно сказать и о *рабочей газетѣ*, если бы оказалось возможнымъ ее осуществить. Въ отношеніи религіозно-нравственномъ такая комиссія должна бы была имѣть непремѣннымъ предсѣдателемъ священника, избраннаго совѣтами. Несомнѣнно, что и въ отношеніи экономическихъ задачъ совѣты должны бы были образовывать временныя или даже постоянныя комиссіи.

Точно такъ же можно себѣ представить, что общины различныхъ производствъ могли бы создавать нѣкоторыя учрежденія сообща. Такъ, двѣ-три общины могли бы обзавестись одною общею бібліотекою и кассою взаимопомощи.

Наконецъ, въ будущемъ можно себѣ представить, что для сношеній съ правительственною администраціею, а также и синдикатами хозяевъ (когда послѣдніе возникнутъ) могли бы составляться общія административныя комиссіи изъ представителей совѣтовъ отдѣльныхъ общинъ.

VIII.

Все вышеизложенное обрисовываетъ общія задачи и цѣли рабочихъ союзовъ, какъ я полагаю, правильно намѣчаемая.

Само собою разумѣется, дѣло это столь новое для Россіи, какъ равно и для Европы, не только не можетъ пойти быстро, но даже и нежелательно, чтобы оно осуществлялось торопливо, ибо каждый шагъ въ интересахъ рабочихъ и всей Россіи долженъ быть провѣряемъ практикою и совершаемъ по мѣрѣ выработки и отысканія исполнителей для дѣла.

Поэтому въ настоящее время было бы бесполезно намѣчать законопроекты «Уложенія о рабочихъ».

Практика же совѣта общества рабочихъ механическаго производства г. Москвы, допущенная инструкціею, преподанною въ административномъ порядкѣ, выяснила многое, ранѣе не бывшее извѣстнымъ.

* * *

Совершенно игнорируя повсемѣстно наблюдаемый распадъ сословныхъ учрежденій и современное построение общественныхъ классовъ по признакамъ имущественной обеспеченности и съ наивнымъ доктринерствомъ полагая возможнымъ рабочее движеніе и борьбу его съ капиталомъ, составляющее непреложное явленіе въ экономическомъ бытѣ, побѣдить примѣненіемъ изложенныхъ выше зыбкихъ академическихъ разсужденій и втиснуть не поддающійся прочной кристаллизациі подвижной рабочей элементъ въ рамки новаго сословія, послушнаго велѣніямъ администраціи и Церкви, консультантъ генерала Трепова предлагалъ ввести въ дѣйствіе, въ порядкѣ административномъ, нижеслѣдующій нормальный уставъ для урегулированія дѣятельности рабочихъ организацій.

УСТАВЪ

общества рабочихъ механическаго производства г. Москвы.

§ 1.

Членами общества рабочихъ механическаго производства г. Москвы могутъ быть всѣ рабочіе этого производства въ городѣ, внесенные въ списки избирателей совѣта сего общества.

§ 2.

Въ списки избирателей имѣетъ право быть занесенъ всякій рабочій механическаго производства г. Москвы, уплачивающій установленные для сего членскіе взносы.

§ 3.

Въ случаѣ протеста со стороны собранія рабочихъ механическаго производства или со стороны московскаго оберъ-полицеймейстера, данный кандидатъ къ зачисленію въ списки не допускается.

§ 4.

Членъ общества, по занесеніи въ списки, не подлежитъ исключенію иначе, какъ по рѣшенію собранія.

§ 5.

Собранія рабочихъ механическаго производства могутъ быть мѣстныя по районамъ и общія для всѣхъ

членовъ общества или представителей мѣстныхъ собраний.

§ 6.

Предметы занятій собраний составляетъ: избраніе совѣта, выслушаніе его отчетовъ и сообщеній, обсужденіе нуждъ рабочихъ механическаго производства и разнаго рода чтенія, признанныя нужными для освѣдомленія рабочихъ въ какой-либо отрасли знанія.

Примѣчаніе. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества въ уставѣ должны быть точно опредѣлены составъ и компетенція разнаго рода собраний общества.

§ 7.

Исполнительнымъ и руководящимъ учрежденіемъ общества является совѣтъ его.

§ 8.

Совѣтъ рабочихъ общества механическаго производства г. Москвы составляется изъ лицъ, принадлежащихъ къ числу рабочихъ этого производства, избранныхъ собраніемъ общества и утвержденныхъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

Примѣчаніе. Подробныя правила избранія членовъ совѣта изъ числа рабочихъ и смѣны ихъ будутъ выработаны впослѣдствіи по указаніямъ опыта.

§ 9.

Совѣтъ рабочихъ имѣетъ своими цѣлями:

- а) способствовать собраніямъ въ выясненіи нуждъ рабочихъ механическаго производства;
- б) принимать мѣры къ удовлетворенію этихъ нуждъ;
- в) способствовать тому, чтобы какъ обсужденіе рабочими своихъ нуждъ, такъ и достиженіе ихъ удо-

влетворенія совершалось порядкомъ мирнымъ и законнымъ на основѣ существующаго строя;

г) способствовать тому, чтобы удовлетвореніе нуждъ рабочихъ, поскольку то касается хозяевъ, совершалось съ добровольнаго согласія послѣднихъ и безъ ущерба для процвѣтанія промышленныхъ предпріятій,

и д) оказывать, при требованіи правительства, сильную ему помощь въ уясненіи нуждъ рабочихъ механическаго производства и способствовать успѣху мѣръ и узаконеній, къ сему направленныхъ.

§ 10.

Совѣтъ имѣеть право ходатайствовать предъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ по поводу такихъ нуждъ рабочихъ, удовлетвореніе коихъ зависитъ отъ администраціи.

§ 11.

Совѣтъ обязанъ, по требованію московскаго оберъ-полицеймейстера, способствовать администраціи въ разъясненіи и улаженіи мирными и законными средствами недоразумѣній, возникающихъ между рабочими и хозяевами на фабрикахъ и заводахъ.

§ 12.

Для исполненія обязанностей, упомянутыхъ въ § 11, совѣтъ командируетъ такое количество своихъ членовъ, какое оказывается возможнымъ безъ подрыва хода другихъ обязанностей совѣта.

§ 13.

Совѣтъ, при согласіи на то самихъ хозяевъ, имѣеть право входить въ сношенія съ управленіями фабрикъ и заводовъ для приведенія къ полюбовному соглаше-

нію всѣхъ возникающихъ недоразумѣній между рабочими и хозяевами.

§ 14.

Совѣтъ обязанъ руководить общими собраніями рабочихъ для поддержанія должнаго порядка обсужденія.

§ 15.

Совѣтъ обязанъ контролировать мѣстныя районныя собранія рабочихъ.

§ 16.

Порядокъ внутренняго устройства и дѣйствія совѣта, а равно руководства и контроля имъ собраній рабочихъ совершаются въ точности согласно §§ 3—15 инструкции, утвержденной московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ 11 ноября 1901 г.

§ 17.

Совѣтъ имѣетъ право организовать общеобразовательныя и спеціально техническія чтенія и курсы для рабочихъ механическаго производства, съ разрѣшенія московскаго оберъ-полицеймейстера.

§ 18.

Совѣтъ съ соблюденіемъ законныхъ цензурныхъ условій имѣетъ право издавать брошюры, книги и руководства для образовательныхъ нуждъ рабочихъ.

§ 19.

Совѣтъ имѣетъ право организовать бібліотеки и читальни для рабочихъ механическаго производства, при соблюденіи всѣхъ законныхъ для сего условій.

§ 20.

Совѣтъ имѣеть право, съ увѣдомленіемъ о семъ администраціи, устраивать для рабочихъ механическаго производства и ихъ семействъ непредосудительныя и приличныя развлеченія, какъ семейные вечера и домашніе спектакли.

§ 21.

Для расходовъ, сопряженныхъ со всѣми дѣлами общества рабочихъ механическаго производства, въ вѣдѣніи совѣта имѣется касса, составляемая изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій отъ сочувствующихъ и иныхъ суммъ, изыскиваемыхъ совѣтомъ.

§ 22.

Съ разрѣшенія московскаго оберъ-полицеймейстера, совѣтъ можетъ устраивать для нуждъ кассы благотворительные вечера или спектакли.

§ 23.

Время отъ времени совѣтъ долженъ давать собраніямъ отчетъ о состояніи кассы, о расходованіи суммъ оной и о своей дѣятельности.

Примѣчаніе. Точные сроки и формы отчетности имѣють быть опредѣлены при дальнѣйшей выработкѣ устава.

§ 24.

Въ случаѣ надобности, совѣтъ можетъ возбуждать предъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ ходатайства объ измѣненіи или дополненіи сего устава.

Благонамѣренность разсужденій и устава, предложенныхъ освѣдомленнымъ консультантомъ ген. Трепова, не удовлетворила послѣдняго, и въ окончательной редакціи устава общества взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ, утвержденной 14 февраля 1902 г., былъ еще шире выдвинутъ элементъ полицейскихъ на рабочихъ воздѣйствій.

Не говоря уже о томъ, что desiderata треповскаго консультанта вообще гораздо было легче выставить, чѣмъ осуществить на дѣлѣ, проведеніе такой затѣи было бы мыслимо лишь путемъ законодательнаго почина и широкаго оглашенія значенія и цѣли такихъ начинаній.

Проводить же такое дѣло путемъ полицейскихъ распоряженій было по меньшей мѣрѣ легкомысленно: не только русская полиція, но и западно-европейская не нашла бы въ себѣ ни достаточно силъ, ни спеціальныхъ экономико - политическихъ знаній, чтобы дѣло организаціи рабочихъ союзовъ ввести въ то русло, которое консультантъ Трепова витіевато намѣчалъ.

Московскія власти, однакоже, не стѣснялись доводами разсудка и, руководствуясь стариннымъ принципомъ «*Sic volo, sic jubeo*», съ легкимъ сердцемъ пустились на полицейскую ломку экономической жизни.

Въ Москвѣ исторія зубатовскихъ начинаній, какъ находившихся подъ дискреціоннымъ покровительствомъ оберъ-полицеймейстера Трепова и августѣйшаго генераль-губернатора, выяснена далеко не во всѣхъ подробностяхъ.

Зубатовъ и его агенты «рабочіе» Аѳанасьевъ, Слѣповъ, Красивскій, Жилкинъ, Чибриковъ, Янченковъ и другіе съ открытыми листами, выданными московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, какъ предсѣдателемъ московскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, появлялись на фабрикахъ, вопреки запрету

владѣльцевъ и фабричной инспекціи, и вступались здѣсь за рабочихъ передъ фабричною администраціею, импонируя рабочимъ своею неприкосновенностью и безнаказанностью.

На фабрикѣ, на примѣръ, французскаго подданнаго Гужона весною 1902 г. агенты Зубатова, подъ угрозою забастовки, предъявили претензію къ заводууправленію отъ имени рабочихъ въ размѣрѣ 40.000 руб., будто бы недополученныхъ рабочими. Фабрика отказала въ удовлетвореніи этой претензіи, тогда рабочіе забастовали, а полиція начала угрожать Гужону арестомъ и высылкою, если онъ не выполнитъ требованій рабочихъ.

Потребовалось вмѣшательство французскаго посла и дипломатическія сношенія, чтобы положить конецъ этому столкновенію, обратившему на себя вниманіе петербургскихъ сферъ.

Хотя Зубатову и внушено было сдерживать свой пылъ, тѣмъ не менѣе у него въ рукахъ былъ уже серьезный козырь, когда, по почину августѣйшаго генераль-губернатора и помимо сношеній съ Министерствомъ Финансовъ, былъ утвержденъ 14 февраля 1902 г. уставъ «общества взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ». Уставъ этотъ, несомнѣнно, представлялъ исключительное явленіе въ исторіи русской общественности. Въ то время, какъ всякимъ вообще союзнымъ организаціямъ, будь то рабочихъ, крестьянъ или интеллигентовъ, ставились препоны, одни только механическіе рабочіе Москвы, по волѣ высочайшаго генераль-губернатора, удостоились права «самоопредѣленія».

Причины покровительственнаго отношенія къ новому обществу со стороны московскихъ властей краснорѣчиво объясняются содержаніемъ устава общества и инструкціею совѣту, приведенными нами выше.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ изъ инструкции совершенно очевидно, что оберъ-полицеймейстеръ, или скрывавшійся за его высокимъ званіемъ Зубатовъ, могъ направлять дѣятельность общества въ ту сторону, какая отвѣчала видамъ московскаго охраннаго отдѣленія.

Зубатову самому даже незачѣмъ было выставляться впередъ, но его агенты, въ лицѣ уполномоченныхъ должностныхъ лицъ пресловутаго общества, невозбранно и при полицейской властной поддержкѣ переходили съ фабрики на фабрику, предъявляя къ фабричной администраціи безцеремонныя требованія объ отводѣ, на примѣръ, помѣщеній подъ устройство отдѣленій союза. Арестованный на одной изъ фабрикъ Московскаго уѣзда рабочій Янченковъ заявилъ: «Рабочіе объ отводѣ имъ помѣщеній (для отдѣленій союза) спрашивать не станутъ разрѣшеній ни у хозяина, ни въ конторѣ, ни у становаго пристава, а выберутъ сами подходящее мѣсто и будутъ тамъ собираться. Въ случаѣ же притѣсненій они прямо обратятся къ министру Булыгину, — похвалялся Янченковъ: — вѣдь митрополитъ московскій Владимиръ первымъ вступилъ въ члены союза, а московскій оберъ-полицеймейстеръ пожертвовалъ рабочимъ печатный станокъ, на которомъ и печатаются теперь разные листки и брошюры». Въ заключеніе Янченковъ объявилъ, что «прошло время, когда были рабовладѣльцы и рабы, и когда рабы, уподобляясь «пчеламъ», кормили своихъ господъ «задарма», — теперь и рабы будутъ жить, какъ господа»... Что сорвавшійся съ петель рабочій, почувавъ позади себя властныхъ покровителей, могъ наболтать излишняго, конечно, не удивительно, но примѣчательно, что когда Янченковъ и его сотоварищи, Чибриковъ и Васютинъ, были арестованы жандармами и препровождены въ Москву, то тамошнее полицейское начальство тотчасъ же ихъ освободило.

Безъ всякихъ стѣсненій рабочіе агенты острее агитаціи направляли противъ фабрикантовъ и ихъ «эксплуаторской дѣятельности» — къ этому сводится де единственная причина бѣдственнаго положенія трудящихся. Разоблачая мнимые и дѣйствительные грѣхи предпринимателей, агитаторы противопоставляли разрушительной и вредной ихъ власти благожелательность правительства, разбивающуюся объ эгоистичное противодѣйствіе представителей капитала. Агенты шли даже дальше и увѣряли рабочихъ, будто правительство не замедлитъ отобразить у капиталистовъ фабрики и передать послѣднія рабочимъ. Подобныя увѣренія не могли казаться рабочимъ несбыточными, потому что разыгрывавшіеся на ихъ глазахъ факты сами говорили за себя: несмотря на запрещеніе закономъ забастовокъ, союзовъ и агитаціи, всѣ эти дѣянія, исходя отъ довѣренныхъ общества, не влекли за собою ни для нихъ ни для ихъ кліэнтовъ никакой кары, а при иныхъ выступленіяхъ, какъ, на примѣръ, при забастовкѣ на фабрикѣ Гужона, забастовщикамъ даже выдавалось изъ тайнственной кассы союза по 250 руб. въ недѣлю. Всемирно поддерживая рабочихъ въ ихъ столкновеніяхъ съ работодателями, полиція въ то же время сохраняла увѣренность, что «общество» не выйдетъ изъ повиновенія ей, такъ какъ, по самому уставу, право рѣшающаго голоса по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ принадлежало оберъ-полицеймейстеру.

Отчеты фабричной инспекціи вводятъ подробно въ курсъ зубатовской программы и выставленныхъ на ея основѣ требованій.

Всѣ жалобы рабочихъ (утверждала инспекція) составлялись по одному шаблону, съ перечисленіемъ почти тождественныхъ требованій, незаконныхъ зачастую по существу и выражаемыхъ въ грубой, заносчивой формѣ.

Требованія эти обусловливали:

1. Улучшеніе условій труда вообще, путемъ измѣненія условій договора о наймѣ, крупнаго повышенія заработной платы и одновременно съ этимъ сокращенія продолжительности рабочаго дня.

2. Возмѣщеніе за нѣсколько минувшихъ лѣтъ уплаты за прогулы—не по винѣ рабочихъ—и за потерю времени при приѣмкѣ матеріаловъ и сдачѣ готовыхъ издѣлій, за проносъ ихъ къ мѣстамъ приѣмки и пр.

3. Установленіе болѣе точнаго способа приѣмки товара, такъ какъ въ иныхъ производствахъ при приѣмкѣ вершки отбрасываются или набавляются.

4. Отмѣну взиманія платы за воду и дрова на артельныхъ кухняхъ, а равно за пользованіе помѣщеніями столовыхъ, спаленъ и квартиръ, а равно отмѣну правила, установившагося на иныхъ фабрикахъ, по которому истребленіе клоповъ въ спальняхъ возлагалось на обязанность рабочихъ.

Въ своихъ рекламаціяхъ рабочіе не стѣснялись требовать отъ хозяевъ доплаты имъ за истребленіе, напримѣръ, клоповъ до 200 руб., за бутылки подъ керосинъ по 150 руб. и стремились содрать по любому поводу съ хозяевъ возможно болѣе денегъ въ свою пользу, что проходитъ красною нитью чрезъ всѣ жалобы, которыми рабочіе засыпали инспекцію въ теченіе января—апрѣля 1902 года.

Подъ давленіемъ агитаціи зубатовскихъ агентовъ на фабрикахъ, по признанію фабричныхъ инспекторовъ, «многіе фабриканты вынуждены были измѣнять распорядки вообще».

Одновременно съ фабричною агитаціею организаторы новаго курса задумали широкую открытую пропаганду, которая своими размѣрами и легальностью не могла не импонировать рабочимъ—при «обществѣ взаимнаго вспомоцествованія рабочихъ» было открыто чтеніе лекцій

сначала московскими профессорами, а когда для них выяснилась полицейская подкладка дѣла, лекторами общеобразовательныхъ чтеній явились уже лица, ютившіяся подъ крылышкомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ то же время, чтобы подчеркнуть благонамѣренность поднятаго рабочаго движенія, зубатовскіе агенты инспенировали внушительную манифестацію, приведшую къ подножью памятника Александру II въ Кремлѣ пятидесятитысячную толпу во время торжественнаго молебствія 19 февраля 1902 года.

Московскіе рабочіе не преминули послать генералу Е. В. Богдановичу патриотическое посланіе, а генераль отвѣчалъ на него патриотическою же брошюрою, причемъ московская газета со свойственнымъ ей паѳосомъ умилялась этими изліянiями: «Таковъ вѣчный, твердый голосъ истинной національной Россіи и настоящихъ русскихъ людей, среди которыхъ и у князей, и у рабочихъ—одинъ общій совѣтъ».

Эти широковѣщательныя восхваленія не могли, конечно, вовсе успокоить фабрикантовъ и заводчиковъ, которымъ приходилось ежедневно считаться съ нарушающими здравые экономическіе законы фактами вмѣшательства московскаго охраннаго отдѣленія во внутренніе фабричныя распорядки и диктованіе хозяевамъ вздорныхъ подчасъ требованій яко бы отъ имени рабочихъ,

О подробностяхъ зубатовской агитаціи въ Москвѣ мы распространяться не будемъ, такъ какъ онѣ подробно описаны и довольно правильно освѣщены въ шараповской газетѣ «Русское Дѣло», за 1905 г., № 3 и посл., въ статьѣ «Какъ устраивали въ Москвѣ рабочій вопросъ».

Московскіе капиталисты, жалуясь на заигрыванія полиціи съ рабочими, не безъ основанія указывали въ своей запискѣ, представленной въ Министерство Фи-

нансовъ, что искусственно вызываемое объединеніе рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ фабрикамъ, и, притомъ, рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ слоямъ рабочаго класса, является крайне опаснымъ, когда они задаются разборомъ вопросовъ характера государственнаго. Если предоставленіемъ рабочимъ извѣстной организаци и имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ представляется допущеніе рабочихъ къ дѣятельности антикапиталистической. Послѣдняя вѣдь, несомнѣнно, имѣетъ политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что справиться съ массами, увлеченными какимъ-либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впоследствии оказаться чрезвычайно труднымъ, если не совершенно невозможнымъ ¹⁾.

На всѣ эти ненормальности Министерство Финансовъ не могло не обратить вниманіе и съ 1898 г. послѣдовательно командировало въ Москву сначала фабричнаго ревизора Астаѣева, затѣмъ вице-директора департамента торговли и мануфактуръ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лангового, и, наконецъ, тайнаго совѣтника Коковцева, для ближайшаго разслѣдованія дѣла. Означенныя должностныя лица представили цѣлый рядъ фактовъ, удостовѣрившихъ постоянное вмѣшательство полицейскихъ органовъ въ ту область надзора, которая подлежитъ исключительному вѣдѣнію чиновъ фабричной инспекціи, отсутствіе вслѣдствіе того у послѣднихъ увѣренности и устойчивости въ ихъ дѣйствіяхъ и совершенно неправильную постановку дѣла въ столичномъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіи, при чемъ неоднократныя совѣщанія, происходившія между помянутыми выше долж-

¹⁾ Записка эта напечатана въ статьѣ проф. Озерова «Рабочій вопросъ» (въ газетѣ «Русь», №№ 26 и 28 за 1905 г.).

ностными лицами и московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и имѣвшія цѣлью выяснитъ всѣ замѣченныя уклоненія и установить болѣе правильный порядокъ, не привели къ желаемой цѣли.

Несмотря на изданіе циркуляра за № 3384—580, строго разграничивавшаго сферы дѣятельности инспекціи и полиціи, недоразумѣнія въ Москвѣ между мѣстными администраціею и фабричною инспекціею не прекращались.

Въ ноябрѣ 1899 года былъ командированъ въ Москву тайный совѣтникъ Ковалевскій, съ цѣлью достиженія соглашения и установленія болѣе правильнаго порядка по вопросамъ, вызывавшимъ недоразумѣнія: къ маю 1900 г. удалось достигнуть болѣе правильнаго распорядка только по вопросу объ участіи фабричныхъ инспекторовъ въ комиссіяхъ изъ чиновъ полиціи, въ цѣляхъ техническихъ осмотровъ вновь открываемыхъ фабрикъ и заводовъ; что же касается до остальныхъ вопросовъ, то по отношенію къ нимъ недоразумѣнія продолжались.

Изъ происходившей между Министерствами Финансовъ и ген. Треповымъ въ 1900 г. переписки выяснилось, что послѣдній приписывалъ чинамъ фабричной инспекціи Московской губерніи упорное стремленіе къ уклоненію отъ исполненія ими служебныхъ обязанностей, при чемъ главную причину упорства видѣлъ въ личностяхъ вновь назначенныхъ окружного и старшаго фабричныхъ инспекторовъ. Между тѣмъ нареканія на неправильную постановку дѣла надзора являлись постояннымъ источникомъ недоразумѣній и ранѣе 1898 г., когда личный составъ чиновъ фабричной инспекціи Московской губерніи былъ иной, и, что всего примѣчательнѣе, недоразумѣнія происходили только по г. Москвѣ; въ губерніи же дѣло шло безъ осложненій, хотя личный составъ фа-

бричныхъ инспекторовъ какъ въ городѣ, такъ и въ губерніи одинъ и тотъ же, и родъ ихъ обязанностей совершенно тождественъ. Московскій оберъ-полицеймейстеръ всѣми своими дѣйствіями выказывалъ полнѣйшее недовѣріе къ дѣятельности и компетентности чиновъ фабричной инспекціи даже по вопросамъ технического свойства. Проявленіемъ такого недовѣрія служили, напримѣръ, факты, въ родѣ назначенія комиссій для провѣрки степени правильности соблюденія фабриками и заводами изданныхъ столичнымъ присутствіемъ обязательныхъ постановленій, что повсемѣстно (въ томъ числѣ и въ Московской губерніи) согласно дѣйствующему закону, выполняется исключительно чинами фабричной инспекціи. Такимъ же незаслуженнымъ недовѣріемъ объясняются факты, въ родѣ происшедшаго на ткацкой фабрикѣ Закса, куда былъ командированъ помощникъ начальника охраннаго отдѣленія для разслѣдованія возникшихъ между рабочими и администраціей фабрики недоразумѣній изъ-за условій найма и для миролюбиваго соглашенія сторонъ, что составляетъ обязанность чиновъ фабричной инспекціи. Производя порученное ему разслѣдованіе и приводя стороны къ миролюбивому соглашенію, означенный чиновникъ обѣщалъ рабочимъ возстановленіе старыхъ условій найма, хотя договоръ найма на новыхъ условіяхъ былъ уже заключенъ и скрѣпленъ принятіемъ рабочими расчетныхъ книжекъ, а фабричный инспекторъ разъяснилъ рабочимъ необходимость соблюдать состоявшіяся договорныя условія, нарушеніе коихъ является въ то же время нарушеніемъ закона. Рядъ послѣдовательныхъ и взаимно исключавшихъ одно другое распоряженій, послѣдовавшихъ на фабрикѣ Закса и закончившихся удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, вызвалъ совершенно подобное же недовольство со стороны рабочихъ фабрики

Айзенштейна, при чемъ сначала рабочіе этой фабрики требовали, подобно рабочимъ фабрики Закса, возстановленія старыхъ условій найма, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, отказались отъ возстановленія старыхъ условій и предъявили требованіе о введеніи новыхъ договорныхъ условій, которыхъ ранѣе не хотѣли принимать. Такимъ образомъ, рабочіе какъ той, такъ и другой изъ названныхъ фабрикъ являлись хозяевами положенія, добиваясь исполненія своихъ желаній путемъ нарушенія договора найма, а при подобныхъ условіяхъ отпадали всякія гарантіи въ томъ, что въ ближайшемъ уже будущемъ рабочіе не станутъ предъявлять требованій объ отменѣ существующаго порядка.

Относясь съ недоверіемъ къ чинамъ инспекціи и пользуясь, вслѣдствіе того, исключительно свѣдѣніями почерпаемыми отъ полицейскихъ агентовъ, совершенно не компетентныхъ и не уполномоченныхъ закономъ на разслѣдованіе техническихъ вопросовъ съ которыми тѣсно соприкасается всякое недоразумѣніе, происходящее на фабрикахъ и заводахъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ дѣлалъ распоряженія на основаніи односторонняго освѣщенія фактовъ; полицейскія же донесенія иногда прямо не соответствовали дѣйствительности, какъ то имѣло мѣсто по дѣлу чайной развѣсочной Высоцкаго, Гоць и К^о.

Возбужденное московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ въ главномъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіи ходатайство объ оставленіи дѣлопроизводства московскаго столичнаго присутствія, при канцеляріи оберъ-полицеймейстера указывало на непремѣнное желаніе сохранить старый порядокъ, въ силу коего столичное присутствіе являлось «хозяйственнымъ отдѣленіемъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера» что не соответствовало ни духу, ни цѣли учрежденія присутствій.

При наличности указанныхъ и имъ подобныхъ условій, чины фабричной инспекціи Московской губерніи не имѣли возможности послѣдовательно и неуклонно итти по предубазанному имъ отъ правительства пути, что непосредственно и вредно отражалось на дѣлѣ надзора и на интересахъ промышленности, ибо отсутствіе единообразія въ характерѣ требованій, предъявляемыхъ въ цѣляхъ надзора, не можетъ быть желательнымъ ни для предпринимателей, ни для рабочихъ.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что упомянутыя осложненія имѣли мѣсто только въ г. Москвѣ и продолжались уже въ теченіе весьма значительнаго времени на просьбу статсъ-секретаря Витте унять ретивость московскаго градоправителя Министерство Внутреннихъ дѣлъ предложило московскому оберъ-полицеймейстеру строго придерживатьсь въ распоряженіяхъ преподанныхъ ему ранѣе указаній, отнюдь не отступая отъ таковыхъ и не допуская вторженія подчиненныхъ ему органовъ полицейской власти въ закономъ опредѣленную сферу дѣятельности фабричной инспекціи.

Въ виду не прекращавшихся и засимъ недоразумѣній между московскою администраціей и мѣстной фабричной инспекціей, признано было соотвѣтственнымъ разсмотрѣть это дѣло въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго товарища министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго.

Засимъ министръ внутреннихъ дѣлъ, покойный егермейстеръ Сипягинъ, во всеподданнѣйшихъ отчетахъ по обзрѣнію губерній: Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской, въ отношеніи постановки и условій дѣятельности органовъ правительственнаго надзора за внутреннимъ распорядкомъ на фабрикахъ возбудилъ вопросы:

1) о необходимости сохраненія фабричной инспекціи въ составѣ учрежденій Министерства Финансовъ;

2) о необходимости, на ряду съ симъ, болѣе нагляднаго подчиненія фабричной инспекціи руководству губернаторовъ, какъ высшихъ въ губерніяхъ представителей правительственной власти.

По поводу предположеній егермейстера Сипягина послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества отмѣтка: «Безусловно слѣдуетъ исполнить».

На всеподданнѣйшемъ же отчетѣ егермейстера Сипягина, по обозрѣнію имъ условій промышленнаго быта рабочихъ и положенія правительственнаго надзора на фабрикахъ и заводахъ губерній: Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской, Государь Императоръ, 16 декабря 1901 г., Высочайше соизволилъ собственноручно начертать: «Нахожу весьма желательнымъ, чтобы теперь же были приняты мѣры къ правильному разрѣшенію намѣченныхъ здѣсь вопросовъ», а 27 декабря того же года Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: соображенія министра внутреннихъ дѣлъ по означеннымъ вопросамъ, въ связи съ данными разслѣдованій, произведенныхъ лѣтомъ 1901 года бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, генералъ-лейтенантомъ, княземъ Святополкъ-Мирскимъ, о ходѣ и причинахъ безпорядковъ, происходившихъ въ 1901 году на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ, и въ связи съ возникшими по однороднымъ вопросамъ предположеніями подлежащихъ министровъ—разсмотрѣть въ особомъ совѣщаніи, въ составѣ министровъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и заключенія этого совѣщанія повергнуть на Высочайшее благовоззрѣніе.

Во исполненіе приведеннаго Высочайшаго повелѣнія 27 декабря 1901 года, особое совѣщаніе, въ упомянутомъ составѣ и въ присутствіи его император-

скаго высочества московскаго генераль-губернатора, 9 марта 1902 г., вошло въ обсужденіе вопросовъ, касающихся фабричнаго надзора и условій быта рабочихъ на фабрикахъ.

Всецѣло присоединяясь къ основной мысли министра внутреннихъ дѣлъ о желательности дѣятельнаго вмѣшательства правительственной власти въ дѣло упорядоченія быта рабочаго населенія и сосредоточенія въ рукахъ ея всѣхъ, по возможности, нитей, управляющихъ жизненными интересами этихъ слоевъ населенія, особое совѣщаніе единогласно признало необходимость скорѣйшаго поступательнаго развитія фабричнаго законодательства, регулирующаго условія быта рабочаго населенія и правительственнаго за нимъ надзора, а равно и принятія, въ предѣлахъ дѣйствующаго закона, мѣръ административнаго характера во устраненіе тѣхъ изъ условій, которыя открываютъ возможность къ накопленію въ массахъ рабочаго населенія болѣе или менѣе основательныхъ поводовъ къ недовольству. Хотя совѣщаніе 1902 г. и допускало принятіе административныхъ мѣръ для устраненія поводовъ рабочихъ къ недовольству только *при условіи соблюденія дѣйствующихъ законовъ*, Треповъ понялъ, повидимому, дѣло такъ, будто совѣщаніе оправдываетъ произволь административныхъ воздѣйствій, и потому пересталъ уже совсѣмъ стѣсняться въ своихъ распоряженіяхъ.

Въ своемъ близорукомъ стремленіи мирволить рабочимъ и брать *quand même* ихъ сторону въ столкновеніяхъ съ предпринимателями ген. Треповъ и Зубатовъ утрачивали всякую мѣрку, и дѣло дошло до весьма показательнаго инцидента.

На указаніе московскихъ фабрикантовъ о томъ, что настроеніе рабочихъ вызываетъ тревогу и положеніе представляетъ чрезвычайную опасность. Зубатовъ 26 іюля 1902 г. пригласилъ московскихъ фабрикан-

товъ въ ресторанъ Тѣстова «на чашку чая» для интимнаго собесѣдованія, которое тогда же было стенографировано и доведено до свѣдѣнія Министерства Финансовъ.

Зубатовъ, съ большимъ апломбомъ изложилъ предъ слушателями программу, въ которой подробно излагалась сущность мѣропріятій полицейскаго социализма, при чемъ присутствовавшимъ дано было понять, что имъ только и остается безпрекословно подчиниться, подъ угрозой въ противномъ случаѣ каръ, которыми располагалъ августѣйшій генераль-губернаторъ по своимъ полномочіямъ

Заявленіе Зубатова гласило слѣдующее ¹⁾:

1.

Вслѣдствіе, во-первыхъ, неправильной постановки школъ фабричныхъ, а особенно школъ технического общества и школъ воскресныхъ, руководимыхъ неблагонадежными учителями и, во-вторыхъ, вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати—явной и подпольной, россійское торгово-промышленное сословіе поставлено нынѣ въ обособленное ото всѣхъ сословій положеніе, и рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ уже на представителей этого сословія, говоря вообще, какъ *на мошенниковъ*.

2.

Помимо преступнаго направленія школъ и печати, само торгово-промышленное сословіе виновато въ томъ, что даетъ поводы къ утвержденію указаннаго выше взгляда на него со стороны рабочаго класса, интелли-

¹⁾ Документъ этотъ секрета не представляетъ, такъ какъ опубликованъ въ помянутой выше статьѣ «Русскаго Дѣла».

генціи и духовенства, допуская, вслѣдствіе лицепріятнаго попустительства со стороны чиновъ фабричной инспекціи обиды, обмѣры, штрафы, плохое харчеваніе и иныя дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ эксплуатаціи рабочаго люда ¹⁾).

Въ то же время это сословіе, заботясь по собственному своему побужденію объ улучшеніи быта рабочихъ, не сдѣлало ничего, дабы предать возможно широкой гласности все, что было имъ предпринимаемо въ этой области

3.

Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своимъ законнымъ правамъ единственно въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полицеймейстера.

Сознавая всю трудность положенія этого сословія, охранное отдѣленіе принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны рабочаго класса и интеллигенціи.

Но, къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено *во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики начальства*, не только не сочувствуетъ его предначертаніямъ, какъ бы того можно было ожидать отъ вѣрноподданныхъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ этимъ начинаніямъ.

¹⁾ Обвиненіе это имѣло нѣкоторое основаніе, какъ то подтверждаютъ записки и Гвоздева, и Янжула, но злоупотребленія чинили отдѣльные лишь хозяева и унять ихъ стязательные инстинкты, конечно, могла бы и фабричная инспекція, если бы ей были развязаны руки.

4.

Причиною такого поведенія торгово-промышленнаго сословія служатъ ложные слухи, распускаемые французскимъ гражданиномъ Ю. Гужономъ, который въ минувшемъ мартѣ не допустилъ къ себѣ на фабрику агентовъ московскаго оберъ-полицеймейстера, заподозривъ въ нихъ подстрекателей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли приказаніе отъ его превосходительства предупредить готовившуюся на фабрикѣ стачку. Невзирая, однакоже, на то, что г. Гужонъ подлежалъ за свои дѣйствія строгой отвѣтственности, онъ къ ней привлеченъ не былъ ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ.

5.

Нынѣ законъ возлагаетъ, правда, охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію. Но это учрежденіе, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, безсильно въ своей области и утратило въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе, вслѣдствіе лицепріятныхъ поблажекъ, кои были имъ оказываемы хозяевамъ. Поэтому охранное отдѣленіе, въ видахъ соображеній государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, которая обнимаетъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, но почти *склонно поставитъ на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмъ, крестъ.*

6.

Возлагая на себя бремя новыхъ обязанностей, охранное отдѣленіе, не знакомое со всѣми особенностями фабрично-заводскаго быта, приняло всѣ мѣры

къ тому, чтобы проникнуть въ глубину новыхъ своихъ обязанностей и, по изслѣдованіи ихъ, пришло къ непоколебимому убѣжденію, что *единственнымъ* способомъ, могущимъ предотвратить погромъ капиталовъ и частной собственности, подобные тѣмъ, что произошли минушею весною въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, является *расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ*, какъ на томъ настаиваетъ министръ финансовъ, представившій недавно законопроектъ о свободѣ стачекъ и о представительствѣ рабочихъ, *но въ порядкѣ, такъ сказать, незаконномъ, внѣлегальномъ.*

7.

Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (вопреки уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій) должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ одно цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, добровольно избираемыхъ рабочими обоюга пола изъ своей среды. Эти комитеты имѣютъ намѣчать желательныя для рабочихъ измѣненія въ расцѣнкахъ, таксахъ, распредѣленіи рабочаго времени и вообще въ правилахъ внутренняго распорядка.

Хозяинъ впредь имѣетъ вѣдаться со своими рабочими не непосредственно, а черезъ комитетъ. Комитеты отдѣльныхъ фабрикъ данной округи состоятъ между собою въ общеніи для достиженія однообразія дѣйствій. Общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ видахъ особыхъ агентовъ *изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управленія народными громадами.*

8.

Дабы утвердить это обоюдopoлезное для хозяевъ и рабочихъ установленіе и устранить возможность захвата рабочихъ врасплохъ грядущими событіями, охранное отдѣленіе озаботилось не только подысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ (даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ), но и *устройствомъ питомника* для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми, искусными въ этой области. Всѣ эти наставники и руководители получаютъ приличное вознагражденіе, въ видѣ жалованья, харчевыхъ, проѣздныхъ и наградныхъ.

9.

Средства для поддержанія сего установленія доставляются «обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическихъ производствъ», учрежденнымъ 14 февраля 1902 г., гдѣ участвуютъ въ качествѣ членовъ тысячи рабочихъ обоого пола и даже подростки. Кромѣ того, на сей предметъ поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, интеллигенціи, духовенства и разныхъ лицъ, исключая, впрочемъ, купцовъ и промышленниковъ ¹⁾.

10.

Дабы рабочіе могли уяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлекая къ этому дѣлу его высокопрео-

¹⁾ По утвержденіямъ газетъ, за эпоху одного сипягинскаго управленія начинанія Зубатова обошлись казнѣ около 2 милл. руб.

священство московскаго митрополита, который, по приглашенію гражданскаго начальства, уже приступилъ къ дѣлу просвѣщенія фабричныхъ рабочихъ свѣтомъ Христова ученія, произнесъ слово на собраніи, бывшемъ въ Политехническомъ музеѣ 10 іюня 1902 года.

11.

Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, *генеральной репетиціи управленія народными массами*, 19 минувшаго февраля былъ произведенъ московскимъ охраннымъ отдѣленіемъ сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи, безъ различія сословій, къ памятнику Царю-Освободителю, гдѣ выборные возложили вѣнки. Внезапный сборъ 50-тысячной толпы, произведенный вопреки закону о рабочемъ времени, вызвалъ глубокое умиленіе е. и. в. августѣйшаго генералъ-губернатора и его превосходительства г. московскаго градоначальника, не предполагавшаго, чтобы такая громада могла оставаться спокойною безъ надзора (гласнаго?) за ней чиновъ полиціи.

12.

Кромѣ указанныхъ лекцій и репетицій, образованіе рабочихъ подъ руководствомъ опытныхъ людей производится въ народныхъ домахъ и чайныхъ московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости, содержимыхъ на средства, отпускаемыя г. министромъ финансовъ. Рабочіе, посѣщающіе эти собранія, правда, не брезгаютъ закономъ о продолжительности рабочаго дня, но со временемъ это явленіе будетъ устранено.

13.

Благодаря заведеннымъ порядкамъ, Москва была избавлена весною и лѣтомъ нынѣшняго 1902 г. отъ многихъ изъ подготовлявшихся беспорядковъ, кромѣ гужоновскаго, который, впрочемъ, устроилъ самъ Гужонъ по своему упорству, и даниловскаго, имѣвшаго всѣ признаки политическаго, а не экономическаго беспорядка ¹⁾.

Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ въ теченіе всего лѣта беспорядки не прекращались,—но *тамъ дѣйствуютъ нагайки, штыки, тогда какъ въ Москвѣ сказывается прозорливая предусмотрительность попечительнаго начальства.*

14.

Предпочтеніе *внѣзаконному* пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричныхъ рабочихъ, а не законодательному, дается *по соображеніямъ высокой государственной важности*, но и, помимо этого, при утвержденіи новыхъ условій фабрично-заводскаго быта

¹⁾ И тутъ Зубатовъ очень безцеремонно отклонился отъ истины и хотѣлъ своимъ собесѣдникамъ, какъ говорится, втереть очки — фабриканты прекрасно знали, какъ обстояло дѣло въ случаяхъ, упоминавшихся Зубатовымъ, ибо объ этомъ писали въ своей запискѣ: „21 февраля прекращена работа ткачами на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры Гужона и Мусси, вслѣдствіе чего 936 человекъ ткачей уже разочтены и, кромѣ того, должны будутъ прекратить работу еще около 600 человекъ... Поводомъ къ остановкѣ послужило, по инициативѣ главарей-представителей общества механическаго производства (не имѣющихъ къ товариществу шелковой мануфактуры никакого отношенія), требованіе о возвышеніи платы (т.-е. измѣненіи договорныхъ отношеній). Фабричная инспекція явилась въ этомъ дѣлѣ совершенно безсильной. На-дняхъ готовится, смотря по исходу названнаго дѣла, такое же требованіе

въ порядкѣ законодательномъ, какъ того желаетъ министръ финансовъ, вслѣдствіе недостаточной наличности способныхъ и обученныхъ дѣятелей, легко можно испортить благое начинаніе въ самомъ началѣ, что, само собою разумѣется, весьма нежелательно для рабочихъ, а въ особенности для хозяевъ.

15.

Всѣми перечисленными мѣропріятіями охранное отдѣленіе успѣло въ короткій срокъ снискать искреннее довѣріе къ себѣ отъ рабочихъ, ибо они убѣдились, что каждый униженный и оскорбленный находитъ въ охранномъ отдѣленіи отеческое вниманіе, совѣтъ, поддержку, помощь словомъ и дѣломъ, такъ что даже Музей Труда, учрежденный при Импер. Техническомъ обществѣ, повидимому, сталъ нынѣ терять подъ собою почву.

16.

Представителямъ торгово-промышленнаго сословія, при наличномъ положеніи вещей, остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой является рабочій классъ, интеллигенція и духовенство, и, такимъ образомъ, въ значительной степени облегчить нелегкую задачу проведенія въ жизнь — не только въ Москвѣ и Московской губерніи, но и во всей Россіи — хотя и внѣзаконнаго, но спасительнаго упорядоченія взаимоотношеній между хозяевами и рабочими.

на сосѣдней фабрикѣ товарищества Бѣллева, имѣющей около 600 рабочихъ; въ такомъ же положеніи очутились уже и другія крупныя фабрики... Положеніе чрезвычайно опасное“. Выдавать эти инциденты за политическую забастовку могъ только Зубатовъ въ своихъ видахъ.

Если бы это зубатовское изліяніе не было тогда же записано на мѣстѣ дословно для конфиденціального сообщенія въ Министерство Финансовъ, трудно было бы повѣрить, чтобы второстепенный чиновникъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера могъ представителей именитаго купечества, ворочающаго сотнями милліоновъ, безцеремонно третировать мошенниками и невозмутимо вѣщать, что полицейскій произволь—верхъ мудрости, диктуемой государственными соображеніями—недоступными пониманію купечества, — пусть же оно расплачивается своими боками за заигрыванія Зубатова съ рабочими и вѣрить, что все это совершается на благо и пользу капиталистовъ!

На цинично откровенное выступленіе Зубатова и возвѣщеніе ломки чисто-экономическихъ условій въ фабрично-заводскихъ отношеніяхъ полицейскими усмотрѣніями и внѣзаконными воздѣйствіями московскіе капиталисты, однако же, затруднились дать гласную и рѣзкую отповѣдь изъ опасенія генераль-губернаторскаго гнѣва, но въ запискѣ, обращенной по начальству, московскіе фабричные тузы не безъ язвительности подчеркивали свои недоумѣнія, какія причины заставляютъ раздувать такъ называемый рабочій вопросъ? «Почему оказывается необходимымъ выдѣлить во что бы то ни стало 1⁰/₀ населенія (рабочій элементъ) въ *балованныхъ дѣтей*, а 99⁰/₀ предоставлять волѣ Божіей?»

Сущность возраженій московскихъ фабрикантовъ противъ зубатовской программы сводилась къ слѣдующему:

1.

Фабричные рабочіе обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ (не считая горнорабочихъ) не составляютъ и 1⁰/₀ всего населенія имперіи. $\frac{3}{4}$ изъ нихъ состоятъ

изъ крестьянъ, пользующихся душевыми надѣлами, а остальная $\frac{1}{4}$ мѣщане. Нельзя относить къ рабочимъ многочисленныхъ ютящихся при каждой крупной фабрикѣ такъ называемыхъ *котовъ* (босяковъ, хитровцевъ, хулигановъ тожъ), которые хотя и находятъ себѣ здѣсь иногда поденный заработокъ по выгрузкѣ дровъ и угля, откачиванію воды и переноскѣ матеріаловъ при постройкахъ и т. п., но въ сущности не представляютъ ничего общаго съ постоянно употребляемыми рабочими.

Этотъ отбросъ, составляя неотъемлемую принадлежность всякаго населеннаго мѣста, вездѣ и всегда готовъ учинять всяческія безобразія, беспорядокъ и даже убійства, такъ какъ терять ему совершенно нечего. Кромѣ того, при фабрикахъ имѣется недавно проявившійся опасный элементъ, въ лицѣ бывшихъ рабочихъ, уволенныхъ за беспорядки и не получающихъ поэтому нигдѣ мѣста. Эти люди съ волчьими паспортами являются всегда готовыми къ услугамъ всякаго смутьяна, и смутьяны ихъ используютъ полностью и въ совершенствѣ, такъ какъ всѣ они озлоблены, готовы мстить за себя и за семью, которой по грѣхамъ мужа приходится терпѣть лишенія и невзгоды потому только, что она принимаетъ къ себѣ и даетъ убѣжище отцу или брату, либо сыну, снабженному волчьимъ паспортомъ—значить человѣку опасному.

Заводоуправленія, зная нѣкоторыхъ изъ этихъ «вѣчныхъ жидовъ» за людей не особенно опасныхъ, могли бы иногда давать имъ подходящія мѣста, но полиція обыкновенно этого не разрѣшаетъ, безъ объясненія причинъ, и, такимъ образомъ, при фабрикахъ искусственно создается особый видъ безработныхъ людей, бездѣльничающихъ не по природной лѣности, а по причинамъ внѣшнимъ. Если же принять во вниманіе, что главные заправилы стачекъ и забастовокъ

никогда въ руки властей не попадаютъ, а излавливаются только тѣ, у которыхъ, по выраженію рабочихъ, *злотка широка да языкъ длиненъ*, то можно безъ преувеличенія сказать, что рабочіе, высылаемые административнымъ порядкомъ за безпорядки на фабрикахъ, являются лишь козлами отпущенія, и полицейская власть, безсильная обнаружить истинныхъ виновниковъ забастовокъ, показываетъ этимъ самымъ свою несостоятельность.

Этотъ новый элементъ именуется себѣ «политическимъ», поясняя при этомъ, что страдаетъ за то, что выступалъ въ защиту правъ рабочихъ, попираемыхъ де хозяевами, а теперь терпитъ невинно. Эти люди являются лучшими пропагаторами и поджигалами, живя около фабрикъ потому именно, что тамъ работаютъ ихъ семья, родственники, безъ помощи которыхъ имъ существовать невозможно, такъ какъ съ волчьимъ паспортомъ имъ нигдѣ не даютъ работы.

Не мало затрудненій для завѣдующихъ фабриками вызываютъ подростки, въ большинствѣ своемъ представляющіе хулигановъ, не имѣющихъ представленія о своихъ обязанностяхъ, а о своихъ правахъ—представленіе преувеличенное.

Эта молодежь воспитывается въ духѣ противленія всякой власти—родительской, хозяйской и правительственной, пьянствуетъ не хуже заправскихъ пьяницъ и, несомнѣнно, представляетъ собою элементъ вредный и безнадѣжный.

2.

Сожалѣніе г. Зубатова о томъ, будто фабриканты, сдѣлавъ за послѣднія 10—15 лѣтъ для рабочихъ многое по собственному почину, не сдѣлали ничего для оповѣщенія объ этомъ публики, доказываетъ лишь,

что тотъ, кто долженъ быть освѣдомленъ о всемъ сдѣланномъ, т.-е. власть знала и знаетъ, что и какъ сдѣлано для рабочихъ; за всѣмъ тѣмъ власть, повидимому, находитъ, что фабричные рабочіе заслуживаютъ еще большихъ и неотложныхъ попеченій.

Между тѣмъ если сравнить условія фабричнаго производства въ Западной Европѣ и у насъ во внутреннемъ Московско-Владимирскомъ районѣ, то окажется, что заграничный фабрикантъ, выстроивъ фабричный корпусъ, можетъ сразу приступить къ дѣлу, а нашъ долженъ выстроить, кромѣ фабрики, еще больницу, школу, родильный пріютъ, не говоря с казармахъ, харчевыхъ лавкахъ, столовыхъ, баняхъ, купальняхъ и т. д.; кромѣ того, онъ же долженъ отвѣчать за увѣчья, а о кредитѣ изъ 3% годовыхъ, какимъ пользуются иностранцы, и помышлять не можетъ. Принявъ же еще во вниманіе, что нашего фабриканта опекаютъ безчисленныя власти всѣхъ вѣдомствъ, а именно: фабричная инспекція, полиція, врачебныя власти, податная инспекція, училищная инспекція и т. д., да, кромѣ того, еще и статистическія бюро разныхъ наименованій, производящія иной разъ форменные сыски, нашъ фабрикантъ, по сравненію съ заграничнымъ, принужденъ разыгрывать роль какого-то благотворителя-миссіонера. Надо только удивляться, что еще находятся люди, посвящающіе свою жизнь веденію фабричныхъ предпріятій.

3.

Упрекъ г. Зубатова, будто фабричныя школы руководятся людьми неблагонадежными, направлень по адресу фабрикантовъ безъ достаточнаго основанія, такъ какъ учителя допускаются вообще на службу только съ разрѣшенія подлежащихъ властей и, наобо-

ротъ, фабриканты могутъ сослаться не на одинъ случай, гдѣ ихъ представленія по начальству о неблагонадежности учителей оставляемы были безъ всякихъ послѣдствій—даже епархіальною властью.

4.

Указанія г. Зубатова на то, будто фабричная инспекція лицепріятно мирволила фабрикантамъ, безусловно невѣрны и не соотвѣтствуютъ истинѣ. Съ самаго начала учрежденія фабричной инспекціи личный составъ этого института оказался таковъ, что фабрикантъ почти неизмѣнно предъ лицомъ инспекціи оказывался въ двусмысленномъ положеніи и рабочимъ чуть ли не систематически внушалось, что хозяинъ есть ихъ эксплуататоръ (намекъ на дѣятельность пр. И. И. Янжула, который по настояніямъ фабрикантовъ и былъ отозванъ съ поста старшаго инспектора Московскаго округа). Такое положеніе дѣла не разъ вызывало недоразумѣнія и даже беспорядки. Многочисленныя жалобы фабрикантовъ и привели къ тому, что на личный составъ инспекціи было, наконецъ, обращено вниманіе свыше и обостренность отношеній между фабрикантами и инспекціею значительно ослабла. Если за послѣднее время отношенія между обѣими сторонами сдѣлались сносны, то это вовсе не означаетъ, чтобы инспекція мирволила фабрикантамъ и лицепріятовала имъ въ ущербъ рабочимъ, домогательства коихъ зачастую совершенно не основательны.

5.

Предположеніе г. Зубатова, что московскій оберъ-полицеймейстеръ рѣшилъ поставить на фабричной инспекціи крестъ, какъ на анахронизмъ, фабрикантовъ не касается, но они смѣютъ думать, что если поли-

цейскія власти и впредь будутъ разсылать по фабрикамъ вмѣсто инспекторовъ разныхъ лицъ, въ родѣ Красивскаго, таинственнаго «Михаила Аѳанасьевича» и имъ подобныхъ, то добра отъ этого не будетъ, а фабриканты въ концѣ-концовъ окажутся вынужденными позакрывать фабрики и распустить рабочихъ на всѣ четыре стороны, предоставивъ полиціи самой о нихъ заботиться и приискивать имъ работу.

6.

Что касается опыта, произведеннаго г. Зубатовымъ 19 февраля передъ памятникомъ Царю-Освободителю, то онъ поразилъ всѣхъ благомыслящихъ москвичей, потому что такая манифестація была и необычайна, и произведена вопреки закону. Что касается удивленія, выражаемаго Зубатовымъ и ген. Треповымъ по поводу того, что толпа не учинила буйствъ при отсутствіи казаковъ и полиціи, то это удивленіе довольно непонятно—вѣдь и во время крестныхъ ходовъ, собирающихъ такія же громадныя толпы, безпорядковъ не наблюдается, если только объ этомъ не позаботятся какіе-нибудь подстрекатели, какъ то случилось въ 1901 г. во Владимирѣ.

7.

Что касается восторговъ, выражаемыхъ г. Зубатовымъ насчетъ цѣлесообразности и полезности сорганизованія фабричныхъ рабочихъ въ союзы, управляемые комитетами, согласно программамъ, измышленнымъ Л. Тихомировымъ, Л. Вороновымъ и проф. Озеровымъ, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько позаимствованія эти соотвѣтствуютъ практикѣ Америки, Австраліи и иныхъ маловѣдомыхъ

странъ, достовѣрно одно, что заведеніе рабочихъ союзовъ во внутренней Россіи не только не пригодно, но даже прямо вредно, ибо грозитъ возможностью предоставить неблагонамѣреннымъ людямъ удобные способы подчинить темную, полуграмотную массу своему вліянію и сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ для осуществленія политическихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ взаимными отношеніями между хозяевами и рабочими.

Несомнѣнно, разъ явятся союзы, заправилами въ нихъ окажутся агитаторы, которые и будутъ изыскивать благовидныя причины, хотя бы и вздорныя, для возбужденія недоразумѣній между рабочими и хозяевами, а затѣмъ требованія рабочихъ будутъ осложняемы привнесеніемъ въ нихъ вопросовъ постороннихъ и въ цѣляхъ совершенно не постижимыхъ для рабочихъ.

Весьма вѣроятно, ходкою придиркою будетъ выставляема мнимая неправильность заработныхъ расцѣнокъ и продолжительность рабочаго дня, хотя та и другая вводятся въ обиходъ не иначе какъ по обоюдному соглашенію между рабочими и фабричнымъ управленіемъ и, притомъ, утверждаемому заблаговременно съ согласія фабричной инспекціи. Равнымъ образомъ возможно по бывшимъ примѣрамъ ожидать учащенія самыхъ несуразныхъ претензій, какъ, напр., удалить такого-то приказчика или мастера, поправить или устроить тамъ-то лѣстницу, зажигать фонарь на такомъ-то мѣстѣ, разрѣшить при работахъ куреніе табаку, не отбирать водку при входѣ въ рабочее помѣщеніе, предоставлять пособія забеременѣвшимъ женщинамъ и дѣвушкамъ и т. д. безъ конца, и все это будетъ затѣваться подъ внушеніемъ «поджигаль» — какъ ихъ окрестили сами рабочіе — эти молодцы всемѣрно стараются доводить недоразумѣнія до взрыва, а сами скрываются заблаговременно и безслѣдно.

Если и при существующихъ распорядкахъ «поджигалы» достигаютъ своихъ преступныхъ цѣлей, то при свободѣ сходовъ и стачекъ откроется уже полный просторъ для ихъ злонамѣренной агитаціи.

8.

Указаніе г. Зубатова на мнимую эксплуатацію, которой вездѣ на фабрикахъ подвергаются рабочіе, благодаря потворству инспекціи алчности хозяевъ, грѣшитъ голословностью.

Въ общемъ если сравнить продолжительность рабочаго времени въ теченіе года у насъ и въ Западной Европѣ, то окажется, что наши рабочіе, не говоря уже объ ихъ меньшей работоспособности, работаютъ на 10% меньше, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ иностранцами. Не считая понедѣльничныхъ прогуловъ на нашихъ фабрикахъ 90 праздничныхъ дней, а въ Англіи не болѣе 60, т.-е. въ Англіи узаконенъ прогулъ двухъ мѣсяцевъ, а у насъ трехъ, не считая понедѣльниковъ; да при этомъ въ Англіи одинъ рабочій управляетъ, напр., съ 3—4 ткацкими станками, а у насъ къ каждому станку обязательно приставляется по одному рабочему.

Точно такъ же, если сравнить среднюю заработную плату фабричнаго рабочаго (не чернорабочаго) съ вознагражденіемъ, напр., дворниковъ, сторожей, метельщиковъ, курьеровъ, половыхъ, извозчиковъ, то окажется, что положеніе фабричныхъ рабочихъ несравненно лучше, чѣмъ ихъ собратій въ иныхъ профессіяхъ, тѣмъ болѣе, что къ услугамъ фабричныхъ рабочихъ имѣются и даровыя больницы, и школы, и родильныя пріюты и т. д., а для прочихъ профессій, при меньшемъ вознагражденіи за трудъ, ничего такого нѣтъ.

9.

Ссылка г. Зубатова на лодзинскія и петербургскія фабрики мало убѣдительна — тамъ, можетъ-быть, порядки иные, на манеръ австралійскихъ, и теоріи гг. Тихомирова, Воронова и Озерова тамъ, пожалуй, и пригодны, но для внутренняго Московско-Владимирскаго района эти затѣи никуда не годятся.

10.

Въ заключеніе московскіе фабриканты рѣшительно не могутъ уразумѣть, какія причины заставляютъ полицію и ея вдохновителей раздувать рабочій вопросъ. Почему оказывается необходимымъ, во что бы то ни стало, выдѣлить 1% населенія Россійской имперіи въ балованныхъ дѣтей, а 99% предоставить на волю Божію. И еще удивительнѣе во всемъ этомъ, что и духовныя наши власти дѣйствуютъ въ такомъ же духѣ, забывая, что передъ лицомъ Церкви нѣтъ ни рабочихъ, ни заводчиковъ, а есть только православные люди!

По понятнымъ побужденіямъ московскіе фабриканты не ставили точекъ надъ *и*, и не поясняли, что заигрываніе полиціи съ рабочими и мирволеніе всѣмъ ихъ домогательствамъ преслѣдуетъ специфическія цѣли.

Вѣдь единственное и непремѣнное условіе, какое ставило охранное московское отдѣленіе для допущенія дѣятельности рабочихъ организацій, было *полное съ ихъ стороны отрѣшеніе отъ политическихъ тенденцій*, но зато не возбранялось рабочимъ дѣйствовать даже *скопомъ и фактически какъ бы узаконялись стачки*, тогда какъ положительный законъ категорично признавалъ всякую забастовку и всякій досрочный отказъ

отъ работъ за нѣчто, выходящее за границы гражданскихъ отношеній и наказуемое по уголовнымъ законамъ, какъ нарушеніе общественнаго порядка.

Противорѣчило это и циркуляру Министерства же Внутреннихъ Дѣлъ отъ 12 августа 1897 г., не отмѣненному и въ 1904 г. (о немъ мы уже говорили выше), который придавалъ существующему закону распространительное толкованіе и предписывалъ мѣстнымъ властямъ безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ; въ случаѣ возникновенія стачки или забастовки назначать забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить расчетъ, а по истеченіи этого срока всѣхъ не ставшихъ на работу иногороднихъ рабочихъ, прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ, удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки; возникающія же во всѣхъ случаяхъ стачекъ и забастовокъ дѣла направлять преимущественно въ порядкѣ положенія объ охранѣ.

Все это въ Москвѣ игнорировалось, и ген. Треповъ свои распоряжки ставилъ выше закона и министерскихъ распоряженій, благо опирался на могущественнаго покровителя и вершителя московскихъ судебъ.

Вполнѣ естественно, что, встрѣтивъ неожиданное поощреніе со стороны Трепова и охраннаго отдѣленія, рабочіе не замедлили съ коллективными выступленіями предъ хозяевами, предъявляя имъ разнообразнѣйшія требованія въ формѣ рѣшительной и безапелляціонной.

Хотя Треповъ въ свое время и получилъ нахлобучку за Гужона, тѣмъ не менѣе полицейскія вмѣшательства при столкновеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, въ пользу послѣднихъ (какъ, на примѣръ, при забастовкѣ на мануфактурѣ Прохорова) продолжались, съ боль-

шею, правда, осмотрительностью, а задушевными изліяніями предъ арестуемыми «поджигалами» и искушеніями ихъ всяческими посулами Зубатовъ исподоволь вербовалъ агентовъ среди народниковъ, эсъ-дековъ и эсъ-еровъ и постепенно полагалъ начало тѣмъ приемамъ «искорененія крамолы», которые породили «Гапоновщину», «Азефовщину» и, наконецъ, «Богровщину».

Обращеніе къ содѣйствію сотрудииковъ-агентовъ, завѣдомыхъ ренегатовъ, открывало широкій просторъ ко всевозможнымъ съ ихъ стороны ухищреніямъ и обманамъ, и далеко нельзя сказать, чтобы наши охранныя отдѣленія выходили съ честью изъ авантюръ à la Шерлокъ Хольмсъ, которыя якобы имѣли сосредоточить въ ихъ властныхъ рукахъ нужныя для достиженія ихъ цѣлей нити социалистическихъ заговоровъ и казней.

Первая же серія опытовъ использованія агентовъ-провокаторовъ показала въ сущности полную непригодность зубатовскихъ затѣй, а между тѣмъ послѣднія находили себѣ все болѣе широкое примѣненіе, хотя гдѣ онѣ ни пускались въ ходъ ради уловленія рабочаго движенія въ полицейскія тенета, полиція рано или поздно оказывалась безсильною обуздать вызванную ею же самою агитацію и вынуждена была въ Минскѣ и Одессѣ, Петербургѣ и Москвѣ безпомощно взирать, какъ полицейскіе агенты въ концѣ-концовъ претерпѣвали пораженія и посрамлялись на фабрикахъ и заводахъ, удостоенныхъ попечительнымъ вниманіемъ охранниковъ.

Какъ показали дальнѣйшія событія, полицейская игра съ рабочими на почвѣ самобытно-россійскихъ государственно-социалистическихъ начинаній привела только къ вполнѣ естественнымъ отрицательнымъ результатамъ: повсюду искусственно поощряемое объединеніе рабочихъ подъ руководствомъ полиціи оказыва-

лось только весьма удобною и словно нарочито придуманною конспиративною ячейкою революціоннаго пошиба, въ которую оставалось только, ради вящаго успѣха противоправительственной агитаціи, ввести обманнымъ образомъ, на ряду съ ослѣпленными показнымъ своимъ успѣхомъ полицейскими агентами, заправскихъ вдохновителей, въ лицѣ делегатовъ партійныхъ революціонныхъ комитетовъ.

* * *

Первымъ оселкомъ для испробованія въ широкихъ размѣрахъ зубатовской программы явился замыселъ парализовать въ Сѣверо-Западномъ краѣ дѣятельность еврейскаго «Бунда» съ помощью самихъ рабочихъ.

Хотя еврейское рабочее движеніе съ начала 90-хъ годовъ приняло массовый характеръ и распространялось по всей чертѣ осѣдлости съ значительною энергіею и быстротою, оно со стороны мѣстныхъ властей серьезнаго противодѣйствія въ ту пору не встрѣчало. Потому ли, что власти трактовали еврейское движеніе пренебрежительно или потому, что отъ долгой, сравнительно безмятежной, жизни въ западномъ краѣ у администраціи ослабло рвеніе ¹⁾ или, наконецъ, потому, что начальный легально-экономическій характеръ движенія ввелъ охрану въ заблужденіе, но, безспорно, нарожденіе и развитіе «Бунда» проворонили, борьба въ 90-хъ годахъ съ еврейскимъ рабочимъ движеніемъ поведена была случайно, скачками, безъ системы, а когда масса уже была революціонирована, органи-

¹⁾ По поводу недалковидности и халатности тогдашняго минскаго жандармскаго полковника, дряхлаго старика, московскіе его товарищи острили, что у З... можно было бы на лысинѣ установить типографію, и то онъ объ этомъ бы не догадался.

заціонная связъ между мѣстными отдѣлами «Бунда» налажена и «Бундъ» въ своей дѣятельности началъ проявлять боевыя черты, мѣстныя жандармскія силы спохватились, но оказались безсильными справиться съ движеніемъ, и дѣло это сосредоточилось въ рукахъ Зубатова.

Произошло, впрочемъ, это случайно.

По поволу перваго учредительнаго съѣзда російской с.-д. партіи, состоявшагося въ мартѣ 1898 г. въ Минскѣ, при ближайшемъ содѣйствіи центрального комитета Бунда, пребывавшаго въ Минскѣ же, московскіе сыщики, прошедшіе чрезъ зубатовскую выучку, слѣдя за московскимъ и кievскимъ делегатами с.-д. партіи, добрались до Минска и здѣсь попутно открыли нѣсколькихъ центральныхъ дѣятелей Бунда и сношенія ихъ съ разными городами Западнаго края.

Въ іюнѣ 1898 года центральный комитетъ Бунда, т.-е. союза еврейскихъ рабочихъ, огласилъ, что охранное отдѣленіе въ Москвѣ приступило къ выслѣживанію бундовскихъ организацій.

Дѣйствительно зубатовскіе агенты выслѣживали дѣятельность Бунда по печатанію и распространенію нелегальной литературы терпѣливо нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ и только въ іюлѣ произвели въ Минскѣ, Барановичахъ, Варшавѣ, Лодзи, Бобруйскѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и Брянскѣ многочисленныя аресты (свыше 70 человекъ); въ Бобруйскѣ была захвачена подпольная типографія съ только что отпечатанными 9 и 10 номерами «Arbeiterstimme» и какъ арестанты, такъ и всѣ документы, добытые выемками, были направлены въ Москву. Разъ основавшись со своими агентами въ районѣ дѣятельности еврейскаго Бунда, Зубатовъ захватилъ въ свои руки общее направленіе и руководство дѣломъ борьбы съ еврейскими социалистами.

При ликвидаціи слѣдствія 1898 года у Зубатова и зароился смѣлый планъ — парализировать, по рецептамъ своимъ, силу Бунда, возстановивъ противъ него еврейскихъ же рабочихъ.

Ареною для этого чрезвычайнаго полицейскаго подвига послужилъ г. Минскъ. Зубатовъ не безъ основанія признавалъ этотъ городъ за революціонный очагъ *par excellence*.

Студенческое движеніе 1899 и 1900 гг. внесло въ провинціальныя захолустья замѣтное оживленіе. Слухи о событіяхъ, разыгрывавшихся въ университетскихъ городахъ, жадно подхватывались провинціальными интеллигентами и находили у нихъ сочувственный откликъ. Когда изъ закрытыхъ университетовъ въ провинцію нахлынули исключенные студенты, дѣйствовавшіе на провинціальнымъ единомышленниковъ заразительно своимъ задоромъ, оживленіе еще болѣе возросло. Въ частности въ Минскѣ образовалась многочисленная колонія «бывшихъ» студентовъ и курсистокъ, а рядъ исключительныхъ условій способствовалъ здѣсь широкому развитію «революціоннаго настроенія». Минскъ случайно сдѣлался вліятельнымъ центромъ для пропаганды идей «народничества»; изъ которыхъ постепенно сложилась программа социалистовъ-революціонеровъ. Во главѣ минскихъ политическихъ агитаторовъ особенно видную роль игралъ кружокъ революціонныхъ дѣятелей 70-хъ гг. Къ нему же примкнулъ и извѣстный въ революціонной лѣтописи Г. А. Гершуни. Кружокъ выпустилъ даже свое исповѣданіе вѣры подъ знаменемъ «рабочей партіи политическаго освобожденія Россіи»; хотя партія эта въ цѣломъ такъ же быстро исчезла, какъ народилась, она все же на минскихъ радикаловъ и поднадзорныхъ оказала реальное, хотя и не глубокое воздѣйствіе чрезъ единичныхъ своихъ членовъ.

Если путем личной пропаганды члены кружка, дѣйствуя на воспримчивыхъ юнцовъ, до гимназистиковъ и гимназисточекъ включительно, искусственно насаждали въ своихъ сторонникахъ постоянное *аморфно-революціонное настроеніе* и культивировали «революціонность» вообще, безъ отношенія къ мѣсту и времени, то на средахъ у Г. А. Гершуни вопросы бундовской и революціонной программы и тактики подвергались обсужденію во всѣхъ тонкостяхъ и тутъ же вызвали между эсъ-деками и народниками ожесточенныя полемическія схватки. За предѣлами же конспираціи тѣ же споры пережевывались на сборищахъ литературной секціи минскаго «общества изящныхъ искусствъ», гдѣ, подъ видомъ рефератовъ и дебатовъ, пропагандисты силились заинтересовать широкую публику крайними политическими взглядами. Соціалъ-демократическая часть молодежи тѣсно и сочувственно примыкала къ бундовскому движенію, ибо послѣднее, организуя собранія, стачки и демонстраціи, одно вызвало впечатлѣніе реальной и серьезной борьбы, въ обстановкѣ которой даже платоническія революціонныя разглагольствованія интеллигентскихъ кружковъ пріобрѣтали привкусъ чего то дѣловаго.

Вотъ въ этой-то средѣ, гдѣ брали верхъ скорѣе революціонныя настроенія, чѣмъ зрѣлыя убѣжденія, Зубатовъ и надумалъ искать себѣ пособниковъ.

Въ концѣ 1899 или началѣ 1900 года въ Минскъ изъ Москвы былъ командированъ жандармскій ротмистръ, который завелъ канцелярію и штатъ агентовъ и низвелъ мѣстныя жандармскія и полицейскія власти на положеніе подчиненныхъ исполнительныхъ органовъ. Производя многочисленныя обыски и аресты по ордерамъ московскаго охраннаго отдѣленія, ротмистръ арестованныхъ неукоснительно препровождалъ къ Зубатову. Въ сущности эти аресты никакихъ

даже слѣдственныхъ «дѣлъ» не вызывали и, повидимому, преслѣдовали единственную цѣль: доставлять въ служебный кабинетъ къ Зубатову возможно большее количество революціонно настроенной молодежи и подвергать ее воздѣйствію и испытанію самого Зубатова.

О тактикѣ Зубатова на допросахъ, о его заигрываніяхъ съ арестованными и попыткахъ дискредитировать въ ихъ глазахъ революціонные методы борьбы оглашалось въ печати неоднократно ¹⁾.

Очень бойкій, начитанный и экспансивный тамъ, гдѣ показною откровенностью можно было выудить нужныя свѣдѣнія, Зубатовъ, съ первыхъ же дней водворенія заарестованныхъ бундистовъ въ Таганской тюрьмѣ, участилъ вызовы къ себѣ тѣхъ, кого имѣлъ основаніе считать главарями; съ чувствомъ удовлетворенія показывалъ онъ имъ заарестованную литературу, шрифты, снимки съ помѣщенія бобруйской типографіи, рассказывалъ о количествѣ заарестованныхъ, хвасталъ, будто все знаетъ и захватилъ уже всѣ нити организаціи, впервые поставивъ въ Россіи дѣло слѣженія такъ идеально, что никакія мелочи въ дѣятельности революціонеровъ не могутъ отъ него ускользнуть. На арестованныхъ это производило впечатлѣніе и порождало угнетенное состояніе ума, которымъ Зубатовъ умѣло пользовался.

Дальновидный расчетъ Зубатова заключался въ томъ, чтобы умственно и нравственно сблизиться съ арестантами и заставить ихъ смотрѣть на него не только какъ на полицейскаго, но какъ на носителя идеи, искренно, безъ заднихъ мыслей имъ исповѣдуемой.

¹⁾ Весьма подробное изложеніе зубатовской эпопеи въ Минскѣ даетъ статья Б. М. Фрумкина „Зубатовщина и еврейское рабочее движеніе“, напечатанная въ т. III сборника „Пережитое“, Спб., 1911.

Никогда, повидимому, Зубатовъ напрямки не предлагалъ никому изъ многочисленныхъ заарестованныхъ въ 1899—1900 гг. ни выдавать товарищей, ни поступать въ сотрудники охраннаго отдѣленія. Наоборотъ, Зубатовъ всемѣрно старался идейно заинтересовать подневольныхъ слушателей своими планами и соображеніями, охотно снабжалъ ихъ книгами изъ своей библіотеки, пытаясь пропагандировать сочиненія, чтеніе коихъ могло способствовать успѣху его агитаціи (такъ, напр., Зубатовъ особенно носился съ извѣстною брошюрою Эд. Бернштейна «О мирной эволюціи соціалъ-демократіи»); не прочь былъ Зубатовъ ошеломлять тогдашнихъ арестантовъ, посвящая ихъ въ секретъ происходившихъ между Министерствами Внутреннихъ дѣлъ и Финансовъ пререканій о дальнѣйшей постановкѣ фабричной инспекціи. Вообще Зубатовъ не брезгалъ ничѣмъ, лишь бы вкратся въ довѣріе къ арестованнымъ: удовлетворялъ мелкія ихъ просьбы, слабосильныхъ отпускалъ гулять по городу въ сопровожденіи переодѣтыхъ полицейскихъ, инымъ на «честное слово» разрѣшалъ посѣщенія театра, а нѣкоторыя дѣла, какъ, напр., дѣло о захваченной въ Минскѣ въ 1898 году нелегальной типографіи, свелъ почти на нѣтъ:—такъ, по только что помянутому дѣлу серьезную кару — въ видѣ административной высылки въ Сибирь — понесли всего четыре человѣка, а остальные отдѣлались простымъ и непродолжительнымъ полицейскимъ надзоромъ. Нерѣдко освобождаемыхъ Зубатовъ ссужалъ деньги и заводилъ съ ними переписку, какъ добрый знакомый. Иные изъ арестованныхъ, застигнутые врасплохъ ловкими маневрами Зубатова, заинтересовывались безконечными и содержательными его бесѣдами о постороннихъ предметахъ, постепенно вовлекались въ споры и, отстаивая теоретически свое міросозерцаніе, выбалтывали кое-что и изъ личной

революціонной практики; договаривавшихся до исповѣди Зубатовъ всячески ободряль, давая обѣщанія, что такія признанія никакихъ роковыхъ послѣдствій для собесѣдниковъ не получатъ.

Всѣхъ попадавшихъ на искусь къ Зубатову минскихъ радикаловъ и бундистовъ, по ихъ реагированію на зубатовскіе планы, можно подвести подъ три категоріи: одни изъ освобожденныхъ либо начинали указывать на необходимость бороться съ нарождающею зубатовщиною, либо, малодушно струсивъ этой напасти, покидали совсѣмъ рабочую организацію; другіе, принципиально сочувствуя проповѣди объ узаконеніи профессиональнаго движенія, опасались порывать съ установившимися бундовскими традиціями; третьи, наконецъ, подпавъ подъ зубатовское вліяніе, дѣятельно ополчались противъ политической дѣятельности «Бунда».

Особенный эффектъ въ Минскѣ произвело, когда болѣе или менѣе видные воротилы вліятельнаго союза щетинщиковъ, попавъ въ руки Зубатова, сдѣлались тѣмъ болѣе энергичными поборниками легализаціи, что получили отъ Зубатова категорическое обѣщаніе выдачи изъ казны 20.000 руб. на изданіе органа названнаго союза (но, конечно, Зубатовъ рассчитывалъ использовать этотъ органъ и въ своихъ цѣляхъ). По началу Зубатовъ, повидимому, мечталъ, опираясь на содѣйствіе лицъ, имъ оболещенныхъ, «столковаться» — по его выраженію — съ «Бундомъ», какъ цѣлымъ и какъ съ признанною вліятельною организаціею. Но основатели и главари «Бунда», которыхъ Зубатовъ даже телеграфно и открыто приглашалъ къ себѣ для переговоровъ и компромиссныхъ соглашеній, на это не подались, а въ августѣ 1901 года центральный комитетъ «Бунда» уже выступилъ съ прокламаціею, обличавшею личность Зубатова и его тактику. Опорочивая разсужденія Зу-

багова и его завѣренія о благосклонномъ отношеніи правительства къ рабочимъ и необходимости поступиться политикою, лишь бы добиться узаконенія профессио-нально-экономическаго рабочаго движенія, «Бундъ» рѣзко и категорически заявлялъ, что «каждый революціонеръ, входя въ сношенія съ Зубатовымъ и ему подобными, вредитъ интересамъ рабочихъ и утрачиваетъ право носить честное имя». «Мы не должны говорить съ Зубатовымъ, ни давать ему показаній, ни писать ему писемъ, ни одолжаться у него деньгами»... «Никто изъ членовъ «Бунда» не въ правѣ безъ вѣдома организациі, къ которой принадлежитъ, поддерживать сношеній съ Зубатовымъ... Кто этого не исполнитъ, будетъ считаться измѣнникомъ и провокаторомъ»...

Громы и молніи, рассточаемые «Бундомъ», находили себѣ объясненіе въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что пропаганда Зубатова не прошла безслѣдно для побывавшихъ въ Москвѣ арестантовъ и по павшихъ подъ вкрадчивое его *captatio benevolentiae* — въ Минскѣ уже сказывались дѣятельныя попытки развѣнчать подпольную политическую дѣятельность «Бунда» и отвлечь отъ него еврейскую рабочую массу въ сторону легальной борьбы за хлѣбъ и знанія. Правда, временный расцвѣтъ реакціоннаго движенія въ средѣ рабочихъ противъ «Бунда» былъ вызванъ внутреннимъ кризисомъ, постигшимъ дѣятельность «Бунда» въ ту пору.

Первоначальныя цѣли «Бунда» — способствовать созданію вспомогательныхъ рабочихъ кассъ и экономической борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями на порогѣ XX в. круто видоизмѣнились. Тогда какъ агитація въ началѣ развитія еврейскаго рабочаго движенія сосредоточивалась почти исключительно на будничныхъ нуждахъ рабочихъ, была имъ понятна и доставляла непосредственные результаты, отвѣчавшіе идеалу благополучія, о которомъ могли мечтать задавлен-

ные нуждою еврейскіе рабочіе, къ ХХ в. матеріаль для экономической агитаціи былъ исчерпанъ и во многихъ ремеслахъ достижимыя улучшенія были уже осуществлены. Желая оживить дальнѣйшую свою дѣятельность, заправила «Бунда» и надумали экономическую организацію рабочихъ переплотить въ политическую революціонную партію. Поэтому на четвертомъ съѣздѣ (въ апрѣлѣ 1901 г.) «Бундъ» уже почти игнорировалъ профессиональные интересы кассы, а по вопросу о стачкахъ принялъ лишь ограничительныя резолюціи, перенеся центръ тяжести дебатовъ на вопросы о формахъ политическихъ выступленій и рекомендуя устройство демонстрацій, празднованій 1 мая и усвоеніе за мѣстными органами политическаго характера. Вся эта идеологія вовсе не отвѣчала заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, властвовавшемъ надъ рабочею массою. А отсюда и возникъ успѣхъ для объявившейся тогда въ Минскѣ группы рабочихъ-соціалистовъ, выступившей съ проповѣдью индифферентизма къ политическимъ судьбамъ Россіи и придававшей значеніе только экономической борьбѣ. По этой же причинѣ толпа хлынула и къ зубатовцамъ, благо тѣ критиковали призывы «Бунда» къ политической борьбѣ и убѣждали рабочихъ, что истинное поле для плодотворной ихъ дѣятельности—добиваться благосостоянія и образованія.

Наивныя жертвы, обольщенные миражемъ легализаціи профессиональнаго движенія, вдохновлялись г-жою Вильбушевичъ.

Въ противодѣйствіе Бунду Зубатовъ при помощи вліятельныхъ въ радикальныхъ минскихъ кружкахъ Ю. Волина и Вѣры Вильбушевичъ создалъ «еврейскую независимую рабочую партію», которая въ 1899 г. выступила въ Минскѣ уже съ манифестомъ; здѣсь заявлялось, что никакая теорія не настолько могуще-

ственна и неопровержимо вѣрна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести безсознательную массу къ цѣли, которой масса не понимаетъ; что еврейскій рабочій классъ нынѣ требуетъ только хлѣба и знаній и эти-то требованія подлежатъ прежде всего удовлетворенію; что преступно близкіе и осязательные интересы рабочаго класса приносить въ жертву цѣлямъ политическимъ, которыя ему чужды; что рабочій, какъ всякій человѣкъ, въ правѣ быть сторонникомъ любой политической партіи, сохраняя право защищать свои экономическіе интересы, и, наконецъ, что участіе въ экономическихъ и культурныхъ организаціяхъ является для рабочихъ необходимою и самодовлѣющею цѣлью, такъ какъ ими регулируются экономическіе его интересы и онѣ доставляютъ ему знанія, а ассоціаціи могутъ преуспѣвать только, если не будутъ служить орудіями политическихъ партій.

Ставя за *conditio sine qua non* уклоненіе отъ политическихъ цѣлей и объединеніе рабочихъ любыхъ политическихъ взглядовъ исключительно для развитія экономической и культурной дѣятельности, Зубатовъ сумѣлъ еврейскую независимую рабочую партію подчинить себѣ, суля ей легализацію профессиональных союзовъ, кассъ, союзовъ и пр., такъ какъ если правительство и борется неумолимо съ революціею, то это ему нисколько не воспрепятствуетъ столкнуться съ профессиональнымъ движеніемъ.

Проповѣдь независимцевъ давала отпоръ бундовскимъ лозунгамъ и его гегемоніи надъ еврейскимъ пролетаріатомъ, всегда тяготѣющимъ къ утилитарнымъ и матеріалистическимъ цѣлямъ, при чемъ «Бунду» кидался упрекъ въ томъ, что онъ дурачитъ рабочую массу, обезволивая ее и подчиняя ее полковникамъ и генераламъ отъ революціи въ духѣ солдатской «дисциплины»; «независимцы» заслуженно обвиняли Бундъ въ томъ,

что, не считаясь съ психикою, предпочтеніями и упованіями массы, онъ навязываетъ ей свои политическіе виды, безусловно отменяя полезныя для массы хозяйственно-профессіональныя заданія. Поэтому-то «независимцы» въ челѣ своей программы и ставили поднятіе матеріальнаго и культурнаго благосостоянія пролетаріата при посредствѣ культурно-экономическихъ легальныхъ установленій, не выдвигая вовсе политическихъ цѣлей и объединяя рабочихъ безъ различія убѣжденій.

Въ агитационной своей литературѣ «независимцы» доказывали, что хотя правительство борется съ революціею, но неизбежно должно столкнуться съ профессиональнымъ движеніемъ. Въ правительственныхъ сферахъ курсируютъ разнородныя мнѣнія и направленія и явственно намѣчается настроеніе, сочувственное профессиональному движенію, — моментъ этотъ надо только умѣло использовать, добиваясь того, что уже подготовлено самою жизнью. Касаясь по этому поводу наличнаго государственнаго строя, «независимцы» подчеркивали, что строй этотъ далеко не случайное явленіе и имѣетъ корни въ жизни и въ исторіи; при немъ и благодаря ему русскій де народъ отъ полудикости развился до Толстого и Менделѣева; при немъ свершилось освобожденіе крестьянъ и допустимо, что онъ же создастъ благопріятныя условія для широкаго профессиональнаго движенія («Летучій листокъ», Вильна сентябрь 1902 г.).

Занятіе позиціи «на почвѣ честныхъ принциповъ» и закономѣрное осуществленіе предпріятій, направленныхъ ко благу рабочей массы, могло бы минскимъ «независимцамъ» обезпечить прочное эволюціонированіе, опирайся они на цѣльное и продуманное самознаніе, но партія была роковымъ образомъ обречена на пораженіе, такъ какъ инспирировалась таинственнымъ

«бюро сношеній», во главѣ котораго стояла М. В. Вильбушевичъ—она вела переговоры съ высшими полицейскими властями, посѣщала Зубатова, Лопухина и даже самого Плеве и пользовалась такою авторитетностью, что добилаь отъ минскаго жандармскаго управленія согласія не производить нѣкоторое время арестовъ въ революціонныхъ организаціяхъ, дабы не дать лишняго орудія противникамъ, которые воспользовались бы неприкосновенностью независимцевъ, какъ доказательствомъ особаго имъ покровительства, оказываемаго полицейскою властью; она же выпросила разрѣшеніе на устройство всероссійскаго сіонистскаго съѣзда въ Минскѣ по тому мотиву, что Поалэй-Ціонъ проповѣдывалъ равнодушіе къ политическимъ судьбамъ Россіи и признавалъ только законность правомѣрной экономической борьбы.

Правда, организація минскихъ независимцевъ оставалась въ сущности *нелегальною* и не могла получить офіціального разрѣшенія на устройство рабочихъ клубовъ и т. п., такъ какъ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, конечно, не рѣшалось санкціонировать полностью рискованныхъ зубатовскихъ шаговъ, но все же «независимцы» въ Минскѣ заняли исключительное положеніе и всѣ свои начинанія открыто проводили съ помощью особаго покровительства—они не стѣснялись и даже гласно подчеркивали, что жандармы ничѣмъ не отличаются отъ иныхъ правительственныхъ чиновниковъ, и если позволительно обращаться съ прошеніями и жалобами къ фабричнымъ, напр., инспекторамъ, то нѣтъ основанія осуждать сношенія и съ жандармами.

Съ государственной точки зрѣнія, конечно, служебныя функціи жандармовъ и охранниковъ имѣютъ свою полезную *raison d'être*, но съ обывательской точки зрѣнія тѣсная близость къ этимъ хотя бы и полезнымъ

орудіямъ власти никогда и нигдѣ почтеніемъ не пользовалась и обрекаетъ всѣхъ прикосновенныхъ къ полиціи безопасности на непопулярность. Интимная связь «независимцевъ» съ охраннымъ отдѣленіемъ вполне естественно должна была не только отчудить отъ нихъ симпатіи минскихъ интеллигентовъ, но и натолкнуть послѣднихъ рано или поздно на борьбу «съ полицейскими клеветами».

Между тѣмъ, благодаря явной поддержкѣ жандармеріи, «независимцы» среди всеобщаго безправія завѣдомо пользовались, въ отведенной имъ полк. Васильевымъ мѣрѣ, всѣми свободами.

На собраніяхъ «независимцевъ» излагалось ихъ «сredo», критиковались инако мыслящія партіи и обсуждались организаціонныя дѣла.

Массовыя ихъ собранія — общія и профессиональныя — происходили гласно въ одной изъ обширнѣйшихъ залъ Минска. Явная полиція на собранія не являлась вовсе, входные же билеты на засѣданія печатались «по распоряженію жандармскаго полковника»; самъ Васильевъ нерѣдко посѣщалъ эти сборища и однажды произнесъ даже рѣчь о вредѣ политики.

«Съ разрѣшенія властей, — рассказываютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», — въ одномъ изъ увеселительныхъ заловъ Минска начали собираться сперва рабочіе по дереву для обсужденія въ присутствіи жандармскаго полковника своихъ нуждъ; предполагалось устроить рабочій клубъ, но утвержденіе устава замедлялось, а пока что рабочіе образовывали собранія, куда постепенно входили разнородныя профессиональныя группы».

Когда же устройство собраній для выясненія вопросовъ ремесль оказалось неудобнымъ, созданъ былъ такъ называемый «фереинъ», который не возбранно существовалъ болѣе года, такъ какъ значительное со-

дѣйствіе его устройству оказалъ начальникъ мѣстной жандармской полиціи полковникъ Васильевъ ¹⁾).

Въ срединѣ 1901 г. въ Минскѣ впервые распространилась вѣсть, что жандармскій полковникъ Васильевъ призываетъ къ себѣ хозяевъ мастерскихъ и лавокъ, у которыхъ происходятъ броженія рабочихъ и стачки, и угрозами вымогаетъ у нихъ уступки рабочимъ—это, конечно, поразило своею необычайностью рабочихъ не менѣе, чѣмъ хозяевъ.

Убѣдившись, что внѣшнее давленіе, оказываемое на хозяевъ, понуждаетъ послѣднихъ къ капитуляціи и такимъ образомъ освобождаетъ рабочихъ отъ риска веденія за свой страхъ стойкой и выдержанной борьбы и что самый починъ къ насѣданію на хозяевъ исходитъ отъ «независимцевъ», рабочіе вскорѣ повалили къ нимъ валомъ.

«Ферейнъ», какъ сокращенно называли независимую партію, специализировался, главнымъ образомъ, на устрашеніи работодателей.

На квартиру ферейна рабочіе являлись ежедневно за совѣтами и справками, съ просьбами, жалобами и предложеніями санкціонировать стачку, либо взять на себя щекотливые переговоры съ хозяевами и пр.

Не вдолгѣ «ферейнъ» сдѣлался въ Минскѣ единственнымъ непререкаемымъ органомъ по вопросамъ урегулированія взаимоотношеній между хозяевами и рабочими.

Разъ «ферейнъ» брался руководить стачкою, сами бастующіе оттѣснялись на задній планъ: «ферейнъ» формулировалъ требованія за рабочихъ и письменно сообщалъ ихъ хозяевамъ. Разъ, по просьбѣ ли хозяевъ или рабочихъ, «ферейнъ» назначалъ третейское разбирательство взаимныхъ ихъ претензій, то за рѣшеніями

¹⁾ „Спб. Вѣдомости“, № 1 1902 г. и № 226 1903 г.

его усвоилась одинаково обязательная для обѣихъ сторонъ сила. Разъ же хозяева уклонялись отъ переговоровъ съ «ферейномъ», послѣдній прибѣгалъ къ застраиваніямъ, а затѣмъ властно выступалъ полковникъ Васильевъ.

По мѣрѣ разрастанія дѣятельности «ферейна», ради раздѣленія труда, признано было полезнымъ придать ему подсобныя учрежденія.

Въ болѣе крупныхъ ремеслахъ руководство стачками перешло къ «ремесленному совѣту»; для болѣе мелкихъ ремеслъ былъ устроенъ особый «организаторскій совѣтъ», который задавался привлеченіемъ и этихъ ремеслъ къ «ферейну». Надъ этими совѣтами былъ поставленъ еще комитетъ, который давалъ совѣтамъ общія директивы и велъ сношенія по текущимъ дѣламъ съ начальникомъ жандармскаго управленія, полковникомъ Васильевымъ.

Покровительство, оказываемое жандармами стачкамъ, сборища рабочихъ на дворѣ жандармскаго управленія и въ иныхъ мѣстахъ, въ присутствіи полковника Васильева, и солидарность послѣдняго съ «ферейномъ» совершенно сбивали съ толку хозяевъ мастерскихъ и лавокъ, парализируя ихъ противодѣйствіе и внося безурядицу въ экономическую жизнь города.

Хозяйничаніе «ферейна» и полковника Васильева настолько терроризировало Минскъ, что когда нашелся смѣльчакъ-лавочникъ, предложившій Васильеву удалиться изъ лавки въ отвѣтъ на домогательства полковника объ удовлетвореніи требованій приказчиковъ, то объ этомъ рассказывалось въ городѣ, какъ о геройствѣ.

Особенно облюбовали «независимцы» и полковникъ Васильевъ приказчиковъ: Васильевъ призывалъ ихъ къ себѣ, появлялся на ихъ собраніяхъ и не скупился ни на внушенія имъ, ни на посулы. Съ его же одобренія

«фрейндъ» приступилъ къ собиранію подписей для возбужденія ходатайства объ изданіи постановленія, имѣвшаго обязать хозяевъ закрывать лавки въ 9 ч. веч., а впредь до утвержденія ходатайства «фрейндъ» разрѣшилъ приказчикамъ самовольно уходить изъ лавокъ въ 9 ч.

Въ концѣ-концовъ, въ Минскѣ произошло истинное столпотвореніе, перевернувшее вверхъ дномъ издревле сложившіяся у обывателей понятія о дозволенномъ и недозволенномъ, а въ результатѣ разыгралось стачечное движеніе, по своей распространенности и эпидемичности напоминавшее движеніе 90-хъ годовъ.

«Но не все коту масленица».

Если, съ одной стороны, минскіе хозяева-работодавцы вскорѣ нашли себѣ защитника въ лицѣ губернатора, который, конечно, не могъ примириться съ подавленіемъ своей власти и авторитета жандармскими происками, то, съ другой стороны, «Бундъ» въ своихъ прокламаціяхъ не уставалъ изобличать «независимцевъ», какъ сознательныхъ и безсознательныхъ провокаторовъ, и добился того, что ненавистной партіи былъ объявленъ рабочими бойкотъ, и уже въ 1902 г. они въ Минскѣ изъ недавнихъ тирановъ превратились въ отверженцевъ.

Лѣтомъ 1902 г. «независимцы» сдѣлали отчаянную попытку перенести свою дѣятельность въ Вильну, гдѣ незадолго передъ тѣмъ разыгрались кровавыя событія и гдѣ почва, по зубатовскимъ соображеніямъ, сдѣлалась воспріимчивою къ идеѣ легализаторства, но пѣсенка «еврейской независимой рабочей партіи» была уже спѣта.

Шумное и самоувѣренное выступленіе партіи въ Минскѣ и побѣдоносный натискъ на хозяевъ по началу какъ будто сулилъ рабочимъ возможность съ маху достигнуть серьезныхъ улучшеній въ ихъ бытѣ,

но трезвенная дѣйствительность не оправдала дѣятельности минскихъ «ремесленнаго» и «организаторскаго» совѣтовъ: вырванными у хозяевъ, черезъ натискъ «независимцевъ» и жандармеріи, уступками рабочіе пользовались недолго, такъ какъ хозяева при первой же возможности возстановили прежній порядокъ вещей, рабочія артели оказались нежизнеспособными, рабочіе клубы администраціею не утверждались и мало-по-малу «независимая» организація утратила въ глазахъ рабочихъ всякое обаяніе. Этимъ объясняется и успѣхъ травли, поднятой «Бундомъ» противъ «независимцевъ», и ненависть къ послѣднимъ, разгорѣвшаяся внезапно у рабочихъ, разочарованныхъ въ несбывшихся надеждахъ на серьезное улучшеніе ихъ доли.

Насчитывая такіе отрицательные результаты, «независимцы», конечно, въ сосѣдней Вильнѣ въ успѣхѣ дальнѣйшей своей пропаганды должны были разочароваться; дѣйствительно, уже въ февралѣ 1902 г. они объявили, что бросаютъ работу, бесплодность которой объясняли косностью, невѣжественностью и тупостью рабочей массы.

Съ другой стороны—банкротство полицейской утопіи, вызванное отчасти, пожалуй, слишкомъ откровеннымъ и безцеремоннымъ образомъ дѣйствій полковника Васильева, расхолодило какъ будто и администрацію насчетъ цѣлесообразности подобныхъ слишкомъ ужъ откровенныхъ проявленій фабрично-полицейской политики.

* * *

Впрочемъ, тщета произведеннаго въ Минскѣ опыта, въ самомъ существѣ его, не оказалась достаточно вразумительною индѣ, и то, что «независимцы» съ помощью полковника Васильева продѣлали въ Минскѣ, нѣсколько позднѣе, въ гораздо большемъ масштабѣ, съ теорети-

ческой обоснованностью было инсценировано, правда, съ болѣе предусмотрительною осторожностью, самимъ Зубатовымъ въ Москвѣ.

Столкновеніе съ Гужономъ въ Москвѣ поросло быльемъ, и дѣло рабочихъ организацій можно было поставить шире

Стремленіе московскихъ властей къ усиленію полицейскихъ вмѣшательствъ въ область экономической политики выливалось все въ ту же испробованную въ Минскѣ форму. Созиданіе рабочихъ организацій Зубатовъ мотивировалъ на совѣщаніи съ фабрикантами, состоявшемся 26 іюля 1902 года, о которомъ мы уже говорили выше, слѣдующими доводами.

Дѣятельность революціонной пропаганды, охватившая Россію, обратила де вниманіе полицейской власти на необходимость отвратить пагубныя вліянія отъ фабричнаго рабочаго класса мѣрами улучшенія его быта, а первую отрасль промышленности, на которую своевременно было направить попечительную дѣятельность, являлось механическое производство, на томъ основаніи, что оно, по составу рабочихъ, достаточно подготовлено къ корпоративнымъ дѣйствіямъ.

Ради привлеченія рабочихъ къ новой организаціи права рабочихъ признавалось необходимымъ расширить въ порядкѣ административномъ чрезъ объединеніе рабочихъ каждой фабрики въ одно цѣлое съ комитетомъ изъ членовъ, выбираемыхъ рабочими изъ своей среды. Эти комитеты должны были намѣчать желательныя для рабочихъ измѣненія въ расцѣнкахъ, таксахъ, распредѣленіи рабочаго времени и вообще въ правилахъ внутренняго фабричнаго распорядка. Хозяинъ обязывался вѣдаться впредь со своими рабочими черезъ комитетъ. Комитетамъ отдѣльныхъ фабрикъ даннаго округа предлагалось состоять во взаимномъ общеніи для достиженія однообразныхъ дѣйствій. Общій же

надзоръ за комитетами сосредоточивался въ охранномъ отдѣленіи, которое для этого отряжало особыхъ агентовъ изъ благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управленія толпою.

Указанными мѣропріятіями охранное отдѣленіе мнило снискать себѣ довѣріе у рабочихъ, «которые убѣдятся, что каждый униженный и оскорбленный найдетъ здѣсь отеческое вниманіе, совѣтъ и поддержку»¹⁾.

Руководствуясь этими соображеніями, московское охранное отдѣленіе успѣло на первый разъ завести два «совѣта» рабочихъ: механическаго производства и ткачей. Въ утвержденной мѣстной московскою властью инструкціи изъяснялось, что цѣлью ихъ будетъ безобидное «обсужденіе матеріальныхъ нуждъ и мѣръ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго положенія рабочихъ». На самомъ же дѣлѣ «совѣты», тотчасъ по своемъ возникновеніи, начали впутываться—какъ того и опасались фабриканты—во всѣ вопросы фабрично-заводской жизни, занимаясь не столько обсужденіемъ нуждъ и интересовъ рабочихъ, сколько пріемомъ жалобъ и пристрастнымъ разбирательствомъ недоразумѣній между фабрикантами и рабочими.

Позднѣе, почувавъ за собою силу и безнаказанность, «совѣты» взяли на себя дѣятельный починъ при устройствѣ стачекъ, разыгравшихся въ 1902 году на московскихъ фабрикахъ. Члены совѣтовъ мѣры, принимаемыя фабричною инспекціею для успокоенія волненій въ рабочей средѣ, парализировали тѣмъ успѣшнѣе, что были снабжаемы письменными удостовѣреніями отъ

¹⁾ Тутъ Зубатовъ перефразировалъ извѣстныя завѣренія гр. Бенкендорфа при учрежденіи III отдѣленія канцеляріи Е. И. В. въ царствованіе Николая I о томъ, что жандармскіе полковники будутъ осушать обывательскія слезы, но пресловутое осушеніе обывательскихъ слезъ никогда симпатій общества къ голубымъ мундирамъ вызвать не смогло.

охраннаго отдѣленія и являлись какъ бы ex officio для самочиннаго разбора дѣлъ на фабрикахъ въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ.

Словомъ сказать, въ первопрестольной Москвѣ проводились en grand, но съ большею осмотрительностью, тѣ же приемы, какіе были пущены въ оборотъ минскими «независимцами».

Хотя статсъ-секретарь Плеве, вступивъ въ отправленіе должности министра и ознакомившись съ дѣйствіями московской полиціи по рабочимъ организаціямъ, и призналъ ихъ по началу не отвѣчающими закону, но отмѣнить принятыя московскою администраціею мѣры, вѣроятно, по соображеніямъ тактичности и этикета, нашелъ неумѣстнымъ.

Впрочемъ въ цѣляхъ ограниченія круга дѣятельности московскихъ рабочихъ организацій В. К. Плеве счелъ на будущее время возможнымъ допустить въ Москвѣ лишь продолженіе чтеній для рабочихъ подъ надзоромъ мѣстныхъ властей и санкціонировалъ учрежденіе кассъ взаимопомощи рабочимъ въ лицѣ «Московского общества взаимнаго вспомошествованія рабочимъ въ механическомъ производствѣ» и «общества взаимнаго вспомошествованія рабочимъ текстильнаго производства».

Благодаря ли внушеніямъ Плеве, благодаря ли тому, что дѣло союзовъ Зубатовъ не выпускалъ изъ собственныхъ рукъ, а въ своей спеціальности онъ, несомнѣнно, проявлялъ незаурядный нюхъ и находчивость, но въ Москвѣ зубатовщина ни въ какіе внѣшніе скандалы не вылилась.

* * *

Послѣдствія, однакоже, показали, что В. К. Плеве склонился на планъ, предложенный зубатовымъ, и въ принципѣ порѣшено было организацію рабочихъ по

зубатовскимъ рецептамъ распространить на всю Россію, раздѣливъ ее на три округа: сѣверо-восточный, юго-западный и юго-восточный, при чемъ во главѣ перваго предполагалось поставить Зубатова.

Послѣ пресловутаго совѣщанія съ Зубатовымъ въ іюль 1902 году именитое московское купечество на Нижегородской ярмаркѣ не разъ возвращалось къ бесѣдамъ и обсужденію полицейскихъ затѣй, но никто въ серьезъ не могъ повѣрить, чтобы зубатовская программа и впрямь могла послѣдовательно проводиться въ жизнь; никто не допускалъ мысли, чтобы заурядному полицейскому чиновнику поручено было проводить цѣлую политическую программу внѣзаконнымъ порядкомъ, такъ какъ полицейскія вмѣшательства во взаимоотношенія между фабрикантами и рабочими явно шли въ разрѣзъ съ законами гражданскими о личномъ наймѣ, съ уставомъ о промышленности и съ уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

Купечество свои упованія возлагало на то, что разъ высшія петербургскія власти узнаютъ изъ поданной купечествомъ записки о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Москвѣ, то послѣдуетъ же, наконецъ, восстановленіе закономѣрныхъ порядковъ¹⁾.

Мы выше видѣли, что Министерство Финансовъ и не уставало указывать на незаконность дѣйствій московскаго градоначальника, но такъ какъ Д. Θ. Треповъ сумѣлъ преклонить въ пользу зубатовскихъ плановъ августѣйшаго генераль-губернатора, а вел. кн. Сергѣй Александровичъ пользовался большою вліятельностью при Дворѣ, то и Министерство Финансовъ, несмотря на всѣ доклады Ланговаго, Ковалевскаго и Коковцева,

¹⁾ Записка эта предана гласности проф. И. Х. Озеровымъ въ статьѣ его „Рабочій вопросъ“, напечатанной въ газетѣ „Русь“, №№ 26 и 28 за 1905 г.

не рѣшалось ставить вопроса ребромъ и вступать въ явный и рѣзкій конфликтъ съ великимъ княземъ и В. К. Плеве. Поэтому московскому купечеству пришлось и впредь считаться съ неутѣшительными для него конфликтами: внѣзаконная дѣятельность полиціи и рабочихъ разыгрывалась, какъ по нотамъ и болѣе энергично, чѣмъ когда-либо; столовыя попечительства о народной трезвости превратились, съ вѣдома начальства, въ нѣчто подобное политическимъ клубамъ, гдѣ рабочихъ знакомили съ политическими вопросами тамъ же происходили вечеринки съ возліянiями Бахусу. Въ городѣ шли толки о постепенномъ объединеніи рабочихъ въ союзы, а что отсюда могло произойти, показывалъ примѣръ общества взаимнаго вспомошествованiя рабочихъ въ механическомъ производствѣ, которому изъ казны было отпущено восполненіе въ суммѣ 20.000 руб., и деньги эти, главнымъ образомъ, ушли на оборудованіе стачекъ, при чемъ фабричныя хулиганы открыто проповѣдывали, что скоро, молъ, хозяевъ скрутятъ въ веревочку, и тогда надо будетъ посмотрѣть, какъ они станутъ выколачивать съ рабочихъ дивиденды, а потомъ и фабрики-то у хозяевъ отберутъ въ казну, — «чтобы народу тѣсноты не было, а была воля во всемъ».

Во всей этой вакханаліи московскій биржевой комитетъ придерживался мудраго правила: «Наша изба съ краю», умыль, аки Пилать, руки и ни на какія дальнѣйшія выступленія не покушался.

Чѣмъ вызывалось это равнодушiе? Объясняли это москвичи личнымъ составомъ комитета; нѣкоторые изъ его членовъ были, молъ, запуганы всякими жупелами; одному будто бы было сказано, что если онъ будетъ ершиться, то его фабрику закроютъ, такъ какъ она загрязняетъ городскія воды, другимъ будто бы было посулено содѣйствіе по казеннымъ подрядамъ, третьимъ

мѣшало разѣвать рты свойство, родство и вліятельныя связи, четвертые не рѣшались и пикнуть, жаждая получить крестикъ или генеральскій чинъ.

По этимъ ли или по инымъ соображеніямъ весьма видные изъ московскихъ столповъ убѣждали всѣхъ, кого могли, итти зубатовщинѣ даже навстрѣчу, такъ какъ иначе де купечество останется только въ дуракахъ, ибо въ Петербургѣ все давно уже предрѣшено. Всего же возмутительнѣе было то, что представители крупной промышленности, сильные мошною, прикопленной еще дѣдушками и батюшками, совершенно игнорировали, какъ отзовутся зубатовскія новшества на предпріятіяхъ среднихъ и мелкихъ — такихъ предпринимателей никто не спрашивалъ, словно ихъ и не существовало ни въ Москвѣ, ни въ ея уѣздахъ, а про владимирскихъ, рязанскихъ и костромскихъ мелкихъ фабрикантовъ и говорить нечего — тѣ молчаливо и покорно подчинились своей участи и благодѣтельной попечительности Зубатова и его агентовъ.

Весьма знаменательно оказалось то, что экономическое терроризованіе и травля московскихъ фабрикантовъ продолжались дотолѣ, пока Зубатовъ не выбылъ изъ Москвы, назначенный чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ: это какъ бы намекаетъ на то, что проведеніе соціально-полицейской политики являлось даже не столько дѣломъ принципа, сколько личнаго почина самого Зубатова.

Проводы г. Зубатова въ Петербургъ были обставлены большою торжественностью. Представители отъ рабочихъ — Слѣповъ, Красовскій, Аванасьевъ и др. поднесли своему пестуну на вокзалѣ икону и умильный адресъ, а въ отвѣтъ г. Зубатовъ изрекъ, что дѣло, начатое подносителями, не только не заглохнетъ, но будетъ развиваться и крѣпнуть, за что онъ ручается.

Купечество переполошилось, ожидая себѣ новыхъ скорпіоновъ, но съ выбытіемъ Зубатова изъ Москвы дѣятельность по насажденію полицейскаго социализма замѣтно ослабѣла: гг. Тихомировъ, Вороновъ и Озеровъ сразу померкли, а таинственные «Михаилы Аѳанасьевичи» стали перебираться въ Питеръ и тамъ открыли свою дѣятельность, успѣшно продолжая ее вплоть до рокового 9 января 1905 г. Въ Москвѣ же съ удаленіемъ Зубатова сказывались лишь слабые отголоски его патріотической дѣятельности.

Невзирая на такой благопріятный для Москвы оборотъ дѣла, политика Зубатова все же положила начало расколу въ средѣ московскаго торгово-промышленнаго сословія.

Купечество стараго закала рѣшительно высказывалось за сохраненіе существующихъ порядковъ во взаимоотношеніяхъ между хозяевами и рабочими на точномъ основаніи дѣйствующихъ законовъ и полагало, что строй этотъ если и слѣдуетъ измѣнять, то лишь съ большою постепенностью и отнюдь не въ то время, когда промышленность переживаетъ длительный кризисъ; что же касается безпорядковъ на фабрикахъ, то, по мнѣнію купечества стараго направленія, они порождаются не столько внутренними причинами, сколько воздѣйствіями на рабочихъ полицейскихъ агентовъ и иныхъ подстрекателей, ничего общаго съ промышленностью не имѣющихъ.

Въ то же время купечество выдѣлило изъ своей среды группу лицъ, образовавшую какъ бы партію, въ лицѣ извѣстнаго Морозова, мебельнаго фабриканта Шмидта и др., которая рассуждала, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, и тяготѣла къ экспериментамъ политическаго босячества — на совѣсти ихъ лежитъ обостреніе въ Москвѣ классовой розни и поощреніе револю-

ціоннихъ выступленій, разрѣшившихся въ концѣ-концовъ вооруженнымъ возстаніемъ 1905 г.

* * *

Какъ бы то ни было, показной успѣхъ рабочей организаціи въ Москвѣ, несмотря на доказательство отъ противнаго, полученное въ Минскѣ, вызвалъ учрежденіе и въ Одессѣ, по почину мѣстнаго начальника розыскнаго отдѣленія, «независимыхъ союзовъ рабочихъ», ближайшими устроителями и руководителями коихъ явились мѣщанинъ, 24-лѣтній еврей, Хуна Шаевъ Шаевичъ, выдававшій себя за доктора философіи, и помощникъ его «Сашка» Червонецкій.

Такъ какъ дѣятельность «союзовъ» въ Одессѣ сопровождалась рядомъ знаменательныхъ явленій, то на этомъ эпизодѣ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

«Независимые союзы рабочихъ» были организованы въ Одессѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1903 г. и, по установившемуся обычаю, были поставлены подъ руководство начальника розыскнаго отдѣленія, жандармскаго ротмистра Васильева.

Градоначальнику и начальнику жандармскаго управленія въ Одессѣ кратко было изъ Петербурга предписано не чинить организатору союзовъ Шаевичу препятствій въ устройствѣ собраній рабочихъ для развлеченій, чтеній и обсужденія ихъ нуждъ, ротмистру же Васильеву были на этотъ счетъ преподаны болѣе спеціальныя предубаженія.

По уставамъ союзовъ ихъ цѣли опредѣлялись нижеслѣдующими предписаніями.

«Союзъ рабочихъ преслѣдуетъ улучшеніе жизни и труда рабочихъ и поднятіе умственнаго и духовнаго уровня своихъ членовъ путемъ сокращенія рабочаго дня, увеличенія заработной платы, взаимопомощи въ случаѣ болѣзни или нужды, устройства лекцій по

общимъ предметамъ и по рабочему вопросу, бібліотеки и пр.

«Каждый членъ союза, при вступленіи, вноситъ въ кассу союза 50 к., а затѣмъ еженедѣльно по 10 к.

«Въ случаѣ экстренной необходимости, напр., стачки, союзъ обращается за денежною помощью къ другимъ союзамъ чрезъ «одесскій независимый рабочій комитетъ».

«Касса расходуетъ: 1) на стачки, 2) на изданіе воззваній и отчетовъ и 3) на уплату отчисленій, установленныхъ «рабочимъ комитетомъ» на административные его расходы».

Несмотря на кажущуюся невинность заданій, «независимый рабочій комитетъ» и «союзы рабочихъ» въ Одессѣ съ самаго начала заняли боевую позицію, устраивая частичныя стачки и понуждая мирно настроенныхъ товарищей къ прекращенію работъ.

Полиція явно покровительствовала и поблажала союзамъ. Высшая же администрація г. Одессы, хотя и относилась къ союзамъ сдержанно, но и. о. градоначальника, тайный совѣтникъ Старковъ, все же принималъ депутатовъ отъ союзовъ и забастовщиковъ и входилъ съ ними даже въ переговоры. Что касается мѣстной фабричной инспекціи, то она неоднократно пыталась разьяснить отдѣльнымъ рабочимъ и цѣлымъ ихъ группамъ неправильность, неправомѣрность и практическую невыгодность ихъ дѣйствій, но рабочіе къ такимъ увѣщаніямъ относились съ равнодушнымъ недовѣріемъ.

Отрицательное отношеніе рабочихъ къ естественному и законному опекуну и защитнику, какимъ всегда болѣе или менѣе фабричный инспекторъ является по самымъ своимъ функціямъ, объяснялось отнюдь не недоразумѣніями между нимъ и рабочими, но пропагандою, которую умѣло велъ Шаевичъ, пріучая членовъ союзовъ сознательно обходить правитель-

ственные власти, въ лицѣ фабричной инспекціи, и игнорировать законы. Мало того, полицейскіе ставленники извиняли болѣе или менѣе хитроумными доводами насильственные выступленія рабочихъ, неуваженіе къ хозяйской собственности и къ правамъ сотоварищей, инако мыслящихъ. Въ союзахъ рабочимъ нашоptyвалось, будто они призваны сдѣлаться первенствующимъ классомъ въ государствѣ, что для нихъ не нужны ни судъ, ни полиція, ни фабричная инспекція. Союзы внушали рабочимъ взирать на хозяина-работодателя, платящаго жалованье, какъ на врага и противника, интересы котораго противопологались пользѣ рабочаго, и послѣднихъ возстановляли противъ примирительныхъ приѣмовъ инспекціи. Не примыкавшіе къ союзамъ рабочіе обрекались на насилія и нападенія, ихъ избивали на улицахъ и квартирахъ и затрудняли имъ поступленіе на работу. Все это совершалось въ Одессѣ на глазахъ у всѣхъ, и совершенно непонятно, какимъ образомъ недреманное полицейское око, убаюканное миражами, проглядѣло тревожныя явленія, мало подходившія къ идеалу успокоенія рабочихъ подъ покровомъ полиціи, и не перемѣнило руководителей рабочихъ, ужъ, конечно, не заслуживавшихъ ни малѣйшаго довѣрія.

Подъ вліяніемъ энергичнаго почина Шаевича и К^о рабочіе получили надлежащую подготовку, и менѣе чѣмъ черезъ четыре мѣсяца по открытіи союзовъ въ Одессѣ была оборудована общая забастовка фабрично-заводскихъ и портовыхъ рабочихъ, открывшаяся въ іюль 1903 г. и наведшая на городъ тѣмъ бѣольшую панику, что ни для кого изъ обывателей не являлось секретомъ, что полиція оказываетъ рабочимъ преступное попустительство.

Періодическая печать, особенно провинціальная, въ ту пору обрѣталась далеко не въ авантажъ и не дерзала

сообщать подробныхъ свѣдѣній о щекотливыхъ матеріяхъ; поэтому смута, разыгравшаяся въ Одессѣ, широкой огласки не получила. А между тѣмъ донесенія изъ авторитетнаго и безпристрастнаго офіціального источника вскрыли факты вопіющіе, надъ которыми впо-ру было бы призадуматься и Васильевымъ и Зубатовымъ и Плеве, такъ какъ въ сущности «одесскія дѣйствія» составляли поучительный прологъ къ послѣдовавшимъ въ 1905 г. эксцессамъ «освободительной» складки.

Началась исторія съ того, что въ іюнѣ 1903 г. дѣятельность Шаевича и союзовъ распространилась на матросовъ и кочегаровъ торговаго флота, которые послѣ нѣкоторыхъ колебаній и были приобщены Шаевичемъ къ союзу. Изъ примѣру не замедлили послѣдовать поденные рабочіе, занятые по ремонту судовъ, нагрузкѣ и разгрузкѣ пароходовъ и вагоновъ, а равно и служащіе конно-желѣзныхъ дорогъ.

Съ 4 іюля 1903 г. рабочіе по нагрузкѣ и выгрузкѣ пароходовъ частныхъ обществъ и компаній уже забастовали, требуя увеличенія поденной платы и сокращенія рабочаго дня.

Послѣ короткаго перерыва стачка матросовъ и кочегаровъ, повидимому, скрытно разжигаемая подстрекателями, приняла еще болѣе острый характеръ. Навигація приостановилась, и только 16 іюля срочные пароходы могли отойти при экипажѣ изъ военныхъ матросовъ, отряженныхъ изъ Севастополя для временной замѣны забастовавшихъ командъ.

Съ 15 іюля рабочее движеніе, руководимое извнѣ, начало проявляться въ Одессѣ уже въ разныхъ мѣстахъ и въ спеціальныхъ промыслахъ. Въ этотъ день забастовка открылась приостановкою дѣятельности кондукторовъ и кучеровъ конно-желѣзныхъ дорогъ и сопровождалась попытками воспрепятствовать выпуску вагоновъ изъ депо на линіи; затѣмъ прекращены были

работы на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ «Пересыпь» и «Тираспольская застава», а также и на городскихъ каменоломняхъ.

Такъ какъ среди рабочаго населенія обнаруживалось возбужденіе, то градоначальникъ просилъ командующаго войсками распорядиться безотлагательнымъ доставленіемъ въ Одессу изъ сосѣдняго Тирасполя 8-го Донского казачьяго полка, но штабъ округа увѣдомилъ градоначальника о невозможности выполненія его просьбы, вслѣдствіе инфекціонныхъ заболѣваній въ конскомъ составѣ полка и приготовленій къ смотру генераль-инспектора кавалеріи.

Въ виду возраставшей опасности и недостаточности въ городѣ военной силы, состоявшей всего - навсего изъ сотни казаковъ и дежурной пѣхотной роты (кромѣ карантинной стражи, занятой въ порту), по усиленнымъ просьбамъ градоначальника, вечеромъ 16 іюля изъ лагеря были приведены въ городъ 4 роты пѣхоты.

Вечеромъ 16 іюля къ градоначальнику поступили свѣдѣнія, что забастовавшіе рабочіе на утро 17 іюля предполагаютъ рано собраться въ предмѣстьи Бугаевка и оттуда направятся въ городъ для уличныхъ демонстрацій. Градоначальникъ отдалъ распоряженіе полицеймейстеру Головину предупредить сходку, а если она состоится, то окружить толпу казаками и пѣхотою и задержать демонстрантовъ, направивъ ихъ въ участки и на приготовленные на сей предметъ въ порту баржи. Ко времени прибытія утромъ 17 іюля наряда, по объясненіямъ полицеймейстера, на сходку уже собралась многотысячная толпа, превысившая всякія ожиданія и полицейскіе расчеты. Поэтому приказаніе, отданное градоначальникомъ, не могло быть исполнено въ точности, хотя и принимались усиленные мѣры къ разсѣянію собравшихся. На сходкѣ дѣлались попытки къ произнесенію противоправитель-

ственныхъ рѣчей и разбрасывались прокламаціи, но, по свидѣтельству очевидцевъ, толпа, *выражая сочувствіе свободѣ сходовъ и печати и провозглашенію конституціи*, въ то же время рѣшительно протестовала противъ ограниченія самодержавія и даже избила ораторовъ, ей неугодныхъ.

Съ утра же 17 іюля, какъ бы по сигналу, разгорѣлась по всему городу общая забастовка. Рабочіе толпами въ 200—500 человекъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ зѣвакъ, расхаживали по улицамъ, врываясь по пути въ торгово-промышленныя заведенія, и здѣсь, путемъ угрозъ и насилій, заставляли прекращать работы и торговлю, не исключая даже гостиницъ, ресторановъ, хлѣбопекаренъ, булочныхъ, парикмахерскихъ, построекъ и пр., и понуждали снимаемыхъ съ работъ рабочихъ примыкать къ толпѣ демонстрантовъ. Вторгаясь въ первоклассные рестораны, забастовщики разгоняли посѣтителей, угрожая имъ, въ случаѣ неповиновенія, побоями. Къ полудню уже были прекращены работы болѣе чѣмъ на 40 фабрикахъ, занимавшихъ 6.000 рабочихъ, а къ вечеру въ городѣ пріостановилась всякая торгово-промышленная дѣятельность. Въ теченіе двухъ дней прекращенъ былъ и выходъ газетъ; единственно официальный органъ «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» продолжалъ появляться—хотя и съ затрудненіями—такъ какъ градоначальникъ, признавая необходимымъ имѣть въ каждую данную минуту для печатанія плакатовъ хотя бы нѣсколькихъ типографскихъ рабочихъ, распорядился типографію и оставленныхъ въ ней рабочихъ поставить подъ охрану сильнаго караула.

Полиція, повидимому, не достаточно энергично противодѣйствовала толпѣ, а при вторженіи послѣдней на фабрики и заводы сама убѣждала владѣльцевъ и управляющихъ беспрепятственно распускать рабо-

чихъ, во избѣжаніе насилій и дракъ. Самъ полицеймейстеръ, въ сопровожденіи наряда городскихъ, конныхъ стражниковъ и солдатъ слѣдовалъ при крупныхъ скопленіяхъ забастовщиковъ, присутствовалъ при принудительной остановкѣ работъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ, но не пытался или не могъ удержать толпу отъ насильственныхъ расправъ съ ослушниками ея велѣній. Были даже случаи освобожденія полицеймейстеромъ демонстрантовъ, захваченныхъ войсками, на томъ основаніи, что у иныхъ изъ захваченныхъ имѣлись охранныя свидѣтельства — справедливость этой молвы впоследствии была засвидѣтельствована командующимъ войсками генераломъ барономъ Каульбарсомъ.

Безчинствовавшія толпы, однако, проявляли подчиненіе дисциплинѣ и повиновались распоряженіямъ и приказамъ своихъ вожаковъ, — самого Шаевича видѣли въ толпѣ, прихлынувшей около полудня къ мастерскимъ русскаго общества пароходства и торговли, рабочіе котораго составляли въ нѣкоторомъ родѣ гвардію союзовъ — эга послѣдняя и встрѣтила своего вождя привѣтственными кликами. Позднѣе Шаевича наблюдали впереди толпы, шествовавшей изъ порта около 5 ч. веч. по Канатной улицѣ, а затѣмъ неоднократно видѣли среди толпившихся у депо конки кондукторовъ и вагоновожатыхъ.

Фабриканты и рабочіе, охваченные паникою, въ большинствѣ случаевъ почти непрекословно подчинялись требованіямъ о закрытіи заведеній, не дѣлая и попытокъ къ сопротивленію. Фабричный инспекторъ, съ своей стороны, пытался уговаривать толпы прекратить безпорядки и не трогать рабочихъ, не желавшихъ бастовать, но уговариванія его оказывались тщетными. На многихъ фабрикахъ дѣти и женщины были напуганы нападеніями и насиліями толпы до слезъ и истерики; фабричному же инспектору приходилось

успокаивать ихъ и въ то же время ободрять фабрикантовъ. Иногда по уходѣ толпы, болѣе мирные рабочіе обращались къ инспектору или хозяину съ вопросомъ, можно ли возобновить работы, а иногда, по собственному почину, тотчасъ же по уходѣ толпы, сами становились на работу, но подходила новая толпа и разгоняла угрозами и побоями штрейкбрехеровъ. Въ единичныхъ, рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ мирнымъ рабочимъ удавалось оказать толпѣ сопротивленіе и ее отогнать; не приостанавливали работъ и нѣкоторыя заведенія, до которыхъ толпа почему-либо не добиралась.

Движеніе конно-желѣзной дороги по городу и парового трамвая въ дачныя мѣстности совсѣмъ прекратилось, а желѣзнодорожное и пароходное поддерживалось съ трудомъ, при содѣйствіи военной силы.

Отовсюду—отъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій и частныхъ лицъ къ градоначальнику притекали ходатайства объ охранѣ ихъ имущества и помѣщеній, но удовлетворить такія ходатайства оказывалось невозможнымъ за слабостью полицейской и военной силы, что, конечно, еще болѣе подавляло настроеніе горожанъ.

Въ началѣ беспорядковъ оказалось возможнымъ отстоять городской водопроводъ, скотобойни, поля орошенія, станцію электрическаго освѣщенія, телефонныя станціи и газовый заводъ, а также городскую и одну частную хлѣбопекарню, поставлявшія хлѣбъ—первая для городскихъ больницъ и благотворительныхъ заведеній, а вторая—для военнаго госпиталя.

Но, несмотря на поставленную охрану или до ея прибытія, и на эти учрежденія учинила толпа нѣсколько нападений, желая захватить ихъ въ свои руки и лишитъ городъ воды, хлѣба, мяса, освѣщенія, возможности сношеній и отравитъ городъ нечистотами

(прекративъ дѣятельность полей орошенія)—этимъ преслѣдовалась явная цѣль: поставить городъ въ безвыходное положеніе и принудить администрацію и капиталистовъ подчиниться несуразнымъ требованіямъ забастовщиковъ. При нападеніи на электрическую станцію толпа пускала камнями въ солдатъ, ее охранявшихъ, и причинила серьезные ушибы нѣсколькимъ каральнымъ, которыхъ пришлось отправить въ госпиталь. Въ отвѣтъ на это нападеніе было произведено нѣсколько выстрѣловъ, впрочемъ, безвредныхъ. Послѣ этого толпа пробилась черезъ охрану, завладѣла электрической станціею и прекратила освѣщеніе.

По мѣрѣ разрастанія беспорядковъ, настроеніе толпы принимало все болѣе возбужденный характеръ, и угрозы ея капиталистамъ и рабочимъ, не желавшимъ подчиняться ея требованіямъ, начали переходить въ насилія и побои.

Повидимому, поднятое Шаевичемъ движеніе превзошло его расчеты и выскользнуло у него изъ рукъ—каждый «независимецъ» теперь сдѣлался уже и самъ маленькимъ Шаевичемъ и взвинчивалъ свой кружокъ. Разумѣется, крайняя социалистическая партія не преминула использовать представившійся исключительный случай для генеральнаго смотра «революціонныхъ силъ» и пробнаго мятежнаго выступленія и, раздувая движеніе и до нѣкоторой степени руководя имъ, сумѣла превратить его въ форменный бунтъ. Въ концѣ беспорядковъ Шаевичъ, кажется, пытался удержать рабочихъ отъ дальнѣйшихъ эксцессовъ и даже убѣждалъ кондукторовъ конки стать на работы, но авторитетъ новоявленнаго трибуна былъ поколебленъ, и забастовщики его попросту игнорировали.

Въ ночь на 18 іюля по городу были расклеены плакаты, въ которыхъ градоначальникъ предостерегалъ, что дальнѣйшіе беспорядки будутъ подавляемы воен-

ною силою; это же объявленіе было оглашено въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства».

Городъ, однакоже, попрежнему оставался безъ электрическаго освѣщенія, при слабомъ газовомъ, дѣйствовавшемъ за счетъ запаса, остававшагося еще на газовомъ заводѣ. Къ счастью, городскіе фонарики къ забастовкѣ не примкнули. При объявившейся дезорганизациі городского строя, жизненные продукты начали быстро подниматься въ цѣнѣ, особенно хлѣбъ, вздорожавшій въ 2—3 раза (что касается хлѣба бѣлаго, то бывали случаи, когда за 5-копеечную булку платили до 50 копеекъ). Въ виду общей забастовки, градоначальникъ предложилъ городскому головѣ озаботиться удовлетвореніемъ нуждъ населенія черезъ заказъ хлѣба въ сосѣднихъ городахъ.

Въ то же время, въ виду крайне тревожнаго положенія, градоначальникъ сдѣлалъ распоряженіе о занятіи города войсками, вызванными изъ мѣстъ лѣтнихъ лагерныхъ стоянокъ; полицеймейстеру было строго подтверждено принять наирѣшительнѣйшія мѣры къ подавленію беспорядковъ въ городѣ и порту, но распоряженіе это не было и не могло быть выполнено — по слабости охраны — забастовщики проникли на нѣкоторые пароходы Добровольнаго флота и Русскаго Общества и сняли съ нихъ вольнонаемныхъ матросовъ и грузчиковъ. Самъ градоначальникъ неоднократно выѣзжалъ для наблюденія за бунтовщиками и отдачи приказаній.

Повсемѣстная охрана города, перешедшая, наконецъ, въ руки войскъ, поставленныхъ подъ команду генерала Иванова, и аресты ими лицъ, неподчинявшихся воинскимъ распоряженіямъ, прекратили 19 іюля шатанія рабочихъ по городу, но попытки къ сходкамъ на окраинахъ продолжались, и войска далеко не всегда успѣвали разсѣивать сходбища.

Толпа забастовщиковъ, пытавшаяся воспрепятствовать отходу поѣзда на сѣверъ, была разогнана солдатами ударами ружейныхъ прикладовъ; кондуктора и кучера конки, улегшіеся на рельсахъ и мѣшавшіе выпуску вагоновъ изъ депо, были разогнаны казаками и подверглись заарестованію. Это открыло возможность пустить вечеромъ поѣзда парового трамвая на Лиманъ и Большой Фонтанъ, при чемъ первые поѣзда сопровождались солдатами. 19 іюня были пущены конные вагоны по городу, и Одесса вообще начала уже принимать обычный видъ. Правда, около полудня на одной изъ площадей толпою была возобновлена попытка снять съ работы пекарей, но войска пресѣкли это выступленіе въ корнѣ, при чемъ было задержали около сотни демонстрантовъ, которыхъ другая внезапно появившаяся толпа старалась безуспѣшно отбить у войска.

Значительная часть рабочихъ, введенная, по ихъ словамъ, въ заблужденіе главарями, которые увѣряли, будто чинимыя насилія останутся безнаказанными, такъ какъ и войско, и гражданскія власти будто бы получили приказаніе свыше содѣйствовать рабочимъ въ достиженіи улучшенія экономическаго ихъ положенія, но уже убѣдилась въ незаконности содѣянныхъ безчинствъ, выражала теперь готовность вернуться къ обычнымъ работамъ.

На посланныя въ дни смуты телеграммы градоначальникъ 17 іюля, конечно, получилъ изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ предписаніе принять рѣшительныя мѣры къ подавленію беспорядковъ и аресту подстрекателей и демонстрантовъ: основываясь на этой телеграммѣ, градоначальникъ настаивалъ на арестѣ Шаевича, но полицеймейстеръ Головинъ и начальникъ розыскаго отдѣленія Васильевъ отклонили этотъ арестъ подъ предлогомъ, что онъ вызоветъ новый острый

взрывъ безпорядковъ. По необъяснимому противорѣчію, одновременно съ телеграммою министра внутреннихъ дѣлъ, пришла телеграмма отъ директора департамента полиціи, который миролюбиво предлагалъ предоставить забастовщикамъ разбиться на профессиональныя группы и избрать по группамъ депутатовъ для предъявленія заявляемыхъ требованій; требованія эти предлагалось, по мѣрѣ возможности, удовлетворить и тѣмъ дать исходъ ожесточенію массы.

Приведенный въ недоумѣніе разнорѣчіемъ полученныхъ инструкцій, градоначальникъ счелъ умѣстнымъ запросить министра телеграммою о подтвержденіи приказа произвести арестъ Шаевича, а директору департамента полиціи указалъ на неосуществимость его предложеній по тому уже одному, что рабочіе, при прекращеніи работъ, никакихъ требованій не заявляли, да и преобладающее большинство забастовщиковъ было только насильственно понуждено угрозами къ прекращенію работы.

Въ пятницу 18 іюля, поздно вечеромъ, на Лѣсной улицѣ состоялась сходка рабочихъ у дома союза ихъ. Шаевичъ съ балкона дома возвѣстилъ толпѣ о необходимости прекратить безпорядки и о временной пріостановкѣ дѣятельности союза; повидимому, освѣдомленный объ упоминавшейся выше телеграммѣ директора департамента полиціи, Шаевичъ предложилъ немедленно же заявить ото всѣхъ фабрикъ и заводовъ хозяевамъ и градоначальнику (въ обходъ компетентной власти—фабричной инспекціи) домогательства рабочихъ, которыя будто бы и будутъ немедленно же удовлетворены. Требования эти тутъ же писались и передавались въ толпу для подписанія. Въ субботу 19 и въ понедѣльникъ 21 іюля рабочіе, получивъ надлежащія наставленія отъ Шаевича, дѣйствительно заявили о своихъ домогательствахъ хозяевамъ и обра-

тились съ тожественными прошеніями къ градоначальнику.

Домогательства рабочихъ заключались въ непомѣрномъ и огульномъ повышеніи заработной платы (отъ 10 до 200%), сокращеніи рабочаго дня (до 10, 9 и 8 ч.), требованіи вѣжливаго обращенія и т. д.; нѣкоторые рабочіе требовали, кромѣ того, участія въ прибыляхъ, увольненія отъ работъ не иначе, какъ съ согласія рабочихъ, удаленія нежеланныхъ мастеровъ и т. п.

Градоначальникъ эти требованія оставилъ, конечно, безъ послѣдствій, а фабриканты на собраніи, состоявшемся въ заводскомъ отдѣлѣ технического общества, признали, что рабочіе все время были довольны своимъ положеніемъ, никакихъ претензій ранѣе не заявляли и что такъ какъ настоящія ихъ домогательства, очевидно, рабочимъ навѣяны извнѣ, то не подлежатъ и обсужденію ¹⁾.

Въ 4-дневный затѣмъ срокъ (съ 19 по 23 іюля) на всѣхъ уже фабрикахъ возобновились работы и установилась правильная навигація, при чемъ заведенія, подчиненныя инспекціи, дѣятельность открыли на прежнихъ условіяхъ, и только въ единичныхъ случаяхъ немногіе струсившіе предприниматели сдѣлали рабочимъ ничтожныя уступки (въ родѣ сокращенія рабочаго времени на полчаса или четверть часа и повышенія заработной платы на нѣсколько копеекъ).

Въ заключеніе херсонскій фабричный инспекторъ въ своемъ донесеніи подчеркивалъ, что въ общемъ тогдашнее положеніе рабочихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ Одессы, размѣръ заработной платы, величина рабочаго дня и отношеніе работодателей къ служащимъ были достаточно удовлетворительны и отнюдь не могли оправдать произведенныхъ безпорядковъ.

¹⁾ Справедливость аргументаціи хозяевъ подтвердила и фабричная инспекція.

Наконецъ состоявшіеся 19 іюля, по подтвержденному приказу Министерства Внутреннихъ дѣлъ, арестъ и высылка изъ Одессы Шаевича, лишивъ рабочихъ главнаго вожака и наставителя, показали забастовщикамъ дѣйствительное отношеніе правительства къ безпорядкамъ и способствовали къ прекращенію послѣднихъ ¹⁾.

О размѣрахъ одесскихъ безпорядковъ 1903 г. можно судить по тому, что общее число рабочихъ, бастовавшихъ и принявшихъ участіе въ безпорядкахъ, исчислялось свыше чѣмъ въ 30.000 душъ; потери рабочихъ на заработкѣ въ дни безпорядковъ опредѣлились въ 50.000 р. Но здѣсь не приняты еще въ расчетъ убытки, понесенные строительными, портовыми рабочими и матросами. Фабрики же на пріостановкѣ работъ за время безпорядковъ понесли потерю не менѣе 600.000 р., помимо порчи матеріаловъ, машинъ и т. п.

Совершенно необычныя для той поры явленія, разыгравшіяся въ Одессѣ и не чуждыя, какъ то подчеркиваетъ мѣстный фабричный инспекторъ, участія крайнихъ партій, въ общемъ тождественны съ формами, въ какія вылилась всеобщая политическая октябрьская забастовка 1905 г. (захватъ и прекращеніе дѣятельности водопроводовъ, хлѣбопекаренъ, скотобоенъ, электрическаго и телефоннаго сообщенія, городского освѣщенія и попытки къ отравленію воздуха нечистотами путемъ прекращенія біологической очистки полей орошенія). Можно, пожалуй, даже допу-

¹⁾ Повидимому, градоначальникъ имѣлъ основаніе опасаться, что полиція и охрана, несмотря на министерское предписаніе, такъ или иначе помирволятъ Шаевичу—градоначальникъ поэтому нарочито настоялъ, чтобы всѣ распоряженія по аресту Шаевича были сдѣланы Головинымъ тутъ же, въ присутствіи градоначальника, и въ его же кабинетѣ.

ститъ, что истинный *raison d'être* одесскихъ рабочихъ выступленій въ томъ именно и заключался, чтобы провѣрить пригодность новыхъ приѣмовъ борьбы съ капиталистическимъ строемъ, которые на амстердамскомъ социалистическомъ партійномъ съѣздѣ объ эту пору намѣчались подробно, хотя только теоретически, въ специальномъ рефератѣ социаль-демократки Роландъ-Гольст¹⁾.

* * *

Казалось бы, одесскій опытъ «зубатовщины» вылился въ такія выпуклыя формы, что элементарное благоразуміе повелѣвало воздержаться впредь отъ дальнѣйшихъ авантуръ, спасительность которыхъ была болѣе чѣмъ сомнительна.

Революціонное броженіе въ ту пору въ глубь рабочей массы далеко еще не проникало и могло быть если не совсѣмъ устранено, то въ достаточной мѣрѣ ослаблено своевременнымъ закономѣрнымъ упорядоченіемъ наиболѣе обострившихся вопросовъ экономической политики. Тотъ же путь, который неосмотрительно былъ придуманъ для воздѣйствія на рабочихъ въ достаточной уже мѣрѣ изобличилъ свою несостоятельность.

Тогдашній министръ финансовъ С. Ю. Витте, не стѣсняясь, заявлялъ, что признаетъ фантастическій планъ Трепова и Зубатова искусственно расплаживать экономическое броженіе въ средѣ рабочихъ за тѣмъ лишь, чтобы вводить его въ полицейское русло и, игнорируя ущербы, наносимые всѣмъ заинтересованнымъ, — ни съ чѣмъ не сообразнымъ, такъ какъ правительство, вступая въ рабочемъ вопросѣ на тотъ же путь, какой используется революціонною пропагандою, стремящеюся къ ниспроверженію капитала, ужъ, конечно, не

¹⁾ Рефератъ этотъ опубликованъ на нѣмецкомъ языкѣ особымъ изданіемъ лишь въ 1904 году.

«Сможетъ создать этимъ путемъ гармоничнаго равновѣсія между трудомъ и капиталомъ. Но переубѣдить В. К. ф.-Плеве и заставить его понять опасность выдѣленія цѣлаго общественнаго класса въ группы, организуемая и дѣйствующія внѣ закона и зависима единственно отъ полицейскаго усмотрѣнія, было предпріятіемъ тщетнымъ. Крайне упорный въ проведеніи разъ облюбованныхъ рѣшеній, Плеве въ одесскихъ событіяхъ 1903 г., повидимому, не разглядѣлъ ничего такого, что по существу требовало бы полнаго разрыва съ «зубатовщиною». Да и не въ духѣ вообще Плеве было сознавать свои промахи и ошибки, и онъ съ настойчивымъ упорствомъ проводилъ свои предначертанія *quand même*, пока они не заводили его въ безысходный тупикъ (какъ то случилось съ ограниченіемъ земской самодѣятельности, съ проведеніемъ врачебной и ветеринарной реформы, при столкновеніи съ С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу и по комиссіи о поднятіи сельскохозяйственной промышленности и т. д.).

Какъ мы видѣли, преемникъ Сипягина съ 1902 г. В. К. ф.-Плеве по началу не проявлялъ особенной склонности потакать Зубатову и отнестя къ полицейскому социализму даже съ нѣкоторою подозрительностью, признавъ возможнымъ лишь допустить дальнѣйшую дѣятельность, уже разрѣшеннымъ въ надлежащемъ порядкѣ, московскому обществу взаимнаго вспоможенія рабочимъ въ механическомъ производствѣ и обществу взаимнаго вспоможенія рабочимъ текстильнаго производства.

Характерныя свѣдѣнія объ исканіяхъ В. К. Плеве въ этой области сообщаетъ почтенный академикъ И. И. Янжуль.

Въ 1902 году, пользуясь въ Швеціи, у Вестерлунда, лѣченіемъ, И. И. Янжуль досуги болѣзни посвятилъ размышленіямъ объ уврачеваніи экономическихъ и

политическихъ золь Россіи, а назначеніе статсъ-секретаря Плеве министромъ внутреннихъ дѣлъ съ широкими полномочіями окрылило И. И. Янжула идеалистическимъ планомъ. Признавая В. К. Плеве за умнаго и способнаго человѣка, И. И. Янжуль надѣялся, что Плеве легко пойметъ, насколько необходимо, отбросивъ проторенные пути бюрократическихъ препонъ и препятствій, испробовать новые способы къ достиженію благополучія Россіи. «Въ воздухѣ въ то уже время пахло революціею, чувствовалась близость большихъ смуть, которыя вскорѣ и осуществились вслѣдъ за японскою войною. Правительство, думалось мнѣ, чтобы остановить и обезвредить грядущую бѣду, признаки которой были для всѣхъ ясны, должно пойти навстрѣчу народному недовольству и ослабить, устранить поводъ къ смутѣ и тѣмъ предупредить ее».

«Для меня,—пишетъ И. И. Янжуль,—выкристаллизовалась ясно и опредѣленно необходимость поспѣшить съ широкимъ развитіемъ правъ русскаго рабочаго и важность спѣшнаго созданія для него лучшихъ условій существованія: получивъ незадолго передъ этимъ .. права на голое существованіе, на свой заработокъ и время (благодаря вступившимъ въ дѣйствіе нормамъ фабричнаго законодательства), рабочей естественно вошелъ во вкусъ новыхъ, лучшихъ условій». Короче, И. И. Янжуль полагалъ, что правительство, дабы вырвать одинъ изъ зубовъ будущей революціи, обязано завладѣть симпатіею рабочихъ и выдвинуть изъ нихъ болѣе тихіе, консервативные элементы, — это возлагало на правительство необходимость не останавливаясь на распутьи и —наперекоръ вожделѣніямъ фабрикантовъ — предоставить рабочимъ право стачекъ и право союзовъ съ необходимыми, конечно, ограниченіями на первыхъ шагахъ и съ высшимъ надзоромъ со стороны государства.

Черезъ Н. А. Звѣрева добившись отъ В. К. Плеве аудіенціи, И. И. Янжуль изложилъ министру свои соображенія для завершения начатаго фабричнымъ законодательствомъ переустройства фабрично-заводскаго быта.

Для этого И. И. Янжулу представлялось необходимымъ:

1) Созданіе союзовъ для защиты интересовъ рабочихъ и для улучшенія экономическихъ условій труда и вообще рабочаго быта.

2) Свободное разрѣшеніе рабочимъ стачекъ или забастовокъ, кромѣ случаевъ, гдѣ этому противорѣчатъ важные государственные или экономическіе интересы.

3) Такъ какъ министръ финансовъ долженъ заботиться о возможномъ удовлетвореніи интересовъ фабрично-промышленнаго класса предпринимателей и въ то же время о наилучшемъ устройствѣ и удовлетвореніи интересовъ представителей труда, что часто несовмѣстимо, то всего удобнѣе раздѣлить кругъ этого вѣдѣнія и заботу о наилучшемъ удовлетвореніи выгодъ рабочихъ перенести и возложить на вѣдомство, которому довѣрено созданіе благополучія цѣлаго народа и наблюденіе за порядкомъ, т.-е. на Министерство Внутреннихъ дѣлъ.

В. К. Плеве съ существомъ предположеній И. И. Янжула вполнѣ согласился и изъявилъ желаніе привлечь инициатора къ дальнѣйшей совмѣстной работѣ въ этомъ смыслѣ.

Судя по словамъ И. И. Янжула, В. К. Плеве задумывалъ центральный статистическій комитетъ преобразовать въ центральное вѣдомство для труда, возможно расширить права рабочихъ и удовлетворить важнѣйшія изъ ихъ требованій; вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ завѣдыванія рабочимъ законодательствомъ пред-

полагалось поставить И. И. Янжула, но уже въ январѣ 1903 года министръ, помимо будто бы собственной воли, принужденъ былъ отказаться отъ мысли создать департаментъ труда, назначеніе г. Янжула упало въ воду и рабочій вопросъ получилъ совсѣмъ другой оборотъ ¹⁾.

Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ почтенный академикъ. Но можно предположить и другое: въ программѣ, намѣченной И. И. Янжуломъ, В. К. Плеве могъ усмотрѣть научное обоснованіе и оправданіе зубатовскихъ начинаній, а, конечно, ихъ удобнѣе и проще было проводить съ помощью охранныхъ отдѣленій, чѣмъ привлекать къ дѣлу авторитетнаго ученаго и приводить въ дѣйствиіе сложный аппаратъ «департамента труда», напоминавшій хоть по имени совершенно чуждыя русскому духу американскія учрежденія этго рода.

Разставаясь съ В. К. Плеве, И. И. Янжулъ рекомендовалъ ему извѣстнаго земскаго дѣятеля А. В. Погожева въ, качествѣ знатока рабочаго вопроса.

Вызванный Плеве, г. Погожевъ получилъ отъ него порученіе, не стѣсняясь ни формою, ни содержаніемъ, ни объемомъ, представить министру свои соображенія о численности рабочихъ въ Россіи, объ условіяхъ ихъ жизни и о тѣхъ нуждахъ трудящагося населенія, какія возможно было бы устранить при сохраненіи существующаго самодержавнаго строя.

Назначенный старшимъ редакторомъ центральнаго статистическаго комитета г. Погожевъ произвелъ цѣлый рядъ академическихъ статистическихъ работъ по рабочему вопросу, но, повидимому, къ нему, какъ къ человѣку новому въ министерствѣ и по прежней земской службѣ не особенно благонадежному, относились

¹⁾ Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг. Вып. II, стр. 47, 48, 53, 54, 67 и 68 *passim*.

съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Такъ, А. А. Лопухинъ не призналъ даже возможнымъ разрѣшить ему доступа къ архивнымъ документамъ департамента полиціи и вообще къ перепискѣ департамента по фабричнымъ дѣламъ.

Впрочемъ, лично В. К. фонъ-Плеве къ г. Погожеву относился благожелательно. «До сихъ поръ,—замѣчаетъ г. Погожевъ,—для меня представляется необъяснимою психологическою загадкою, чѣмъ обуславливалось и почти до самой смерти поддерживалось уваженіе, довѣріе, пожалуй даже симпатія, которыя мнѣ почему-то удалось внушить несообщительному и недовѣрчивому даже къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, министру при отсутствіи какихъ-либо общихъ съ нимъ точекъ соприкосновенія.

«Въ особенности это мало понятно, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ моихъ предложеній о необходимости предоставленія рабочимъ широкаго права самостоятельныхъ профессиональныхъ организацій, о внѣ-полицейскомъ предупрежденіи стачекъ или забастовокъ и пр. должны были казаться ему неосуществимыми и недосыгаемыми. Не допускаю и мысли, что Плеве могъ думать о превращеніи меня въ ученаго пособника излюбленной имъ системы «полицейскаго социализма». Для этого онъ былъ слишкомъ опытнымъ психологомъ и хитроумнымъ прокуроромъ, да и отъ меня ему достаточно часто приходилось выслушивать откровенныя заявленія, помимо той «энциклопедіи» рабочаго вопроса, которую представляли всѣ составленныя мною докладныя записки»¹⁾.

Уже въ 1902 году В. К. Плеве измѣнилъ свое по началу воздержанное отношеніе къ зубатовскимъ затѣямъ: въ Москвѣ разрѣшаются организаціи ткачамъ,

¹⁾ А. Погожевъ. Изъ воспоминаній о В. К. фонъ-Плеве. «Вѣстникъ Европы» VII кн. за 1911 г.

пуговичникамъ, кондитерамъ, парфюмерамъ и табачникамъ, а принимая 7 апрѣля 1903 года въ Москвѣ депутатовъ отъ этихъ производствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ хвалить одного изъ депутатовъ за стѣтїи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Правительственный Вѣстникъ» (№ 83, 1903 г.) порепечатываетъ изъ тѣхъ же «Вѣдомостей» «полный неподдѣльной искренности рассказъ о знаменательномъ днѣ 7 апрѣля».

Зубатовъ, переведенный на службу въ Петербургъ на должность начальника особаго отдѣла въ департаментѣ полиціи, могъ теперь еще болѣе расширить насажденіе полицейскаго социализма.

За время пятилѣтняго примѣненія (съ 1898 по 1903 гг.) опытовъ полицейскаго социализма они въ достаточной уже мѣрѣ опредѣлили тѣ возможности, какія могли обезпечить администраціи ¹⁾.

Несмотря на безшабашное использованіе этихъ опытовъ *in anima vili* въ Минскѣ, попытка вооруженія еврейской независимой рабочей партіи на борьбу съ социалистическою организаціею Бунда только наглядно показала, что удовлетвореніе требованій рабочихъ по голому произволу полиціи, внѣ примиренія интересовъ труда и капитала путемъ компромиссовъ, опирающихся на незыблемые экономическіе законы, плодитъ только недоразумѣнія и взаимное ожесточеніе между борцами. Въ Москвѣ осуществленіе зубатовской программы, вылившейся въ нѣчто цѣльное и законченное, благодаря исключительной возможности оказывать административныя, внѣзаконныя воздѣйствія, нисколько не стѣсняясь требованіями справедливости, возбудило всеобщее недовольство въ средѣ торгово-

¹⁾ Самъ Зубатовъ навлекъ на себя въ 1903 или 1904 гг. немилость В. К. ф.-Плева и, удаленный со службы, былъ даже высланъ изъ Петербурга.

промышленнаго сословія, такъ какъ предприниматели не безъ основанія жаловались на то, что домогательства рабочихъ удовлетворяются Д. Θ. Треповымъ и Зубатовымъ, не принимая вовсе въ расчетъ ни наличныхъ условій производства и конкуренціи, ни закономѣрныхъ правъ работодателей на охраненіе государствомъ и ихъ интересовъ. Наконецъ, одесскіе безпорядки, созданные безъ достаточнаго основанія «независимыми союзами», воочію и краснорѣчиво показали, что осуществленіе полицейскаго социализма далеко не всегда остается подъ контролемъ инициаторовъ и, ускользая изъ-подъ власти полицейскихъ органовъ, можетъ выродиться въ волненія, граничащія съ революціонными вспышками.

Такимъ образомъ, зубатовщина была испытана на практикѣ во всѣхъ своихъ стадіяхъ и на взглядъ непредубѣжденнаго наблюдателя явно обнаруживала свою несостоятельность, — казалось бы, дальше въ этомъ направленіи итти было некуда и незачѣмъ, но В. К. ф.-Плеве, повидимому, пребывалъ въ оптимистическомъ увлеченіи зубатовскими миражами quand même и распространилъ ихъ дѣйствіе на Петербургъ.

Уже въ 1902 г. въ Петербургѣ появились два или три рабочихъ изъ состава того штаба, который руководилъ рабочимъ движеніемъ въ Москвѣ, и начали пропагандировать на фабрикахъ необходимость созданія въ Петербургѣ того же, что было допущено въ Москвѣ. По позднѣйшимъ объясненіямъ «министерство естественно должно было считаться съ московскими распорядами и ограничиться введеніемъ этого движенія въ тѣ же рамки». Рабочимъ, явившимся къ Плеве съ просьбою разрѣшить въ Петербургѣ профессиональныя организаціи, было объявлено, что здѣсь можетъ быть разрѣшено лишь устройство кассъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и организація лекцій.

По свѣдѣніямъ газеты «Свѣтъ» (ноябрь 1902 года), по инициативѣ столичныхъ заводскихъ рабочихъ В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанина, Д. В. Старожилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахомова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова въ с. - петербургскомъ фабрично-заводскомъ населеніи получила распространеніе мысль о возможности серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней словной самодѣятельности и взаимопомощи.

«Съ вѣдома столичной администраціи 10 ноября въ трактирѣ «Выборгъ», на Финляндскомъ проспектѣ, инициаторы дѣла имѣли по этому предмету частное совѣщаніе съ нѣсколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошеніе и. д. спб. градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрѣшеніи товарищескаго собранія».

«Со стороны г. Фриша рабочіе встрѣтили самое внимательное и сочувственное отношеніе къ ихъ ходатайству и получили обѣщаніе, что онъ окажетъ зависящее содѣйствіе къ удовлетворительному разрѣшенію предпринятаго ходатайства».

«Ободренные пріемомъ у В. И. Фриша и успѣшнымъ началомъ дѣла, рабочіе направились въ департаментъ полиціи. Директоръ департамента ст. сов. А. А. Лопухинъ выразилъ рабочимъ свое сочувствіе и готовность помочь осуществленію ихъ намѣреній».

«Вслѣдствіе этого 17 ноября въ томъ же трактирѣ «Выборгъ» состоялось офиціально уже разрѣшенное собраніе рабочихъ, а 21 ноября рабочіе имѣли честь быть принятыми г. министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. ф.-Плеве, который, выслушавъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собираться на товарищескія собесѣдованія по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода, высказалъ свое намѣреніе поощрягь ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи».

Дѣйствительно, по соглашенію, состоявшемуся между департаментомъ полиціи и спб. градоначальникомъ, дальнѣйшія собранія рабочихъ были разрѣшены и впредь «на общемъ основаніи» (!?), съ учрежденіемъ, впрочемъ, за ними «особенно бдительнаго надзора» и подъ условіемъ, «чтобы въ собраніе рабочихъ открытъ былъ свободный доступъ полиціи».

Петербургскіе рабочіе не могли удовлетвориться разрѣшенными имъ собесѣдованіями и, по сношеніи съ московскими товарищами, дѣло объединенія рабочихъ было двинуто дальше. Къ почтенному предсѣдателю общества распространенія просвѣщенія въ духѣ православной Церкви о. Орнатскому явилась депутація отъ московской организаціи фабричныхъ рабочихъ, слывшихъ во мнѣніи администраціи за вполне благонадежныхъ и благонамѣренныхъ, съ просьбою сорганизовать среди петербургскихъ рабочихъ религіозно-нравственныя чтенія, на что статсъ-секретарь Плеве уже далъ соизволеніе Затѣмъ къ В. К. ф.-Плеве явилась депутація отъ рабочихъ съ Грингмутъ и генераломъ Е. В. Богдановичемъ во главѣ, съ просьбою о созданіи въ Петербургѣ рабочихъ организацій по примѣру московскихъ. Инициаторы обратились за содѣйствіемъ и къ князю В. П. Мещерскому, который, судя по дневнику «Гражданина» отъ 4 февраля 1903 года, велъ съ рабочими даже диспуты о наилучшей формѣ организаціи взаимопомощи для рабочихъ, но вліятельный князь-публицистъ тогда уже оговаривался: «Долженъ признаться съ полною откровенностью, что продолжаю чувствовать себя совсѣмъ не дома, какъ только вхожу въ область тѣхъ мечтаній о взаимопомощи, которыя сюда прилетѣли изъ Москвы».

По началу «зубатовщина» въ Петербургѣ выступала съ нѣкоторою робостью. Чтенія для рабочихъ велись при помощи общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія; уставовъ кассъ на утвержденіе не предста-

влялось; с.-петербургскимъ градоначальникомъ немногочисленные собранія рабочихъ разрѣшались лишь на общемъ основаніи.

Позволительно догадываться, что нѣкоторая сдержка въ первыхъ шагахъ «зубатовщины» въ Петербургѣ обусловливалась отчасти желаніемъ не будить и не раздражать столичнаго общественнаго мнѣнія, а отчасти не вызывать протестовъ и враждебныхъ выступленій со стороны тогдашняго министра финансовъ С. Ю. Витте, вліятельность котораго должна была умѣрять, да и въ дѣйствительности сдерживала слишкомъ ужъ безцеремонные полицейскіе порывы Плеве. Но къ 1904 г. обстоятельства нѣсколько измѣнились: Сергѣй Юльевичъ Витте покинулъ постъ министра финансовъ, и В. К. Плеве, не сдерживаемый въ своихъ порывахъ вѣскими вмѣшательствами своего коллеги, сдѣлался непререкаемымъ господиномъ положенія.

Теперь и дѣло организаціи профессиональныхъ рабочихъ союзовъ пошло болѣе энергичнымъ темпомъ, — въ февралѣ 1904 года Министерство Внутреннихъ дѣлъ черезъ голову министра финансовъ утвердило «Уставъ собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга». Въ программу «собранія» было между прочимъ включено «возбужденіе и укрѣпленіе въ средѣ рабочихъ русскаго національнаго самосознанія», «развитіе въ рабочихъ разумныхъ взглядовъ на ихъ права» и «проявленіе членами собранія самодѣятельности, способствующей законному улучшенію условій труда и жизни рабочихъ»; всѣ эти заданія имѣли осуществляться подъ полицейскимъ покровительствомъ и смотрѣніемъ по прежнимъ рецептамъ.

Мало того, хотя сравнительно недавнее междувѣдомственное совѣщаніе, состоявшееся въ апрѣлѣ 1898 г. подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора Св. Синода статсъ-секретаря Побѣдоносцева, единогласно признало

наличное фабричное законодательство вполне яснымъ, достаточнымъ и не требующимъ ни дополненій, ни измѣненій, ни преобразованій въ области надзора за фабриками, В. К. ф.-Плеве, одновременно съ созданиемъ рабочихъ организацій, возобновилъ настойчивыя домогательства полной передачи фабричной инспекціи въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ дѣлъ.

Настоятельную необходимость въ болѣе точномъ выраженіи дѣйствующихъ постановленій закона, опредѣляющихъ отношенія чиновъ фабричной инспекціи къ губернскому начальству, а также въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ существующей организаціи фабричной инспекціи, Плеве усматривалъ по нижеслѣдующимъ соображеніямъ:

Обширное значеніе, которое фабричный трудъ получилъ за послѣднее время для населенія нѣкоторыхъ мѣстностей, и важность государственныхъ интересовъ, связанныхъ съ правильной постановкой фабричнаго надзора, вынуждаютъ съ самому внимательному отношенію ко всему осложняющему дѣло надзора. Поэтому надлежитъ немедленно же принять всѣ мѣры къ устраненію возможности недоразумѣній въ сферѣ дѣятельности фабричной инспекціи, такъ какъ этотъ именно органъ имѣетъ ближайшее соприкосновеніе съ фабрично-заводскою жизнью. Особенно важнымъ представляется устраненіе недочетовъ въ организаціи инспекціи и неясности отношеній ея къ губернскому начальству, которыя могутъ затруднить для послѣдняго объединеніе и направленіе дѣйствій мѣстныхъ чиновъ надзора въ цѣляхъ охраненія порядка и спокойствія; при этомъ, само собой разумѣется, подлежитъ устраненію все, что колеблетъ престижъ губернатора, какъ представителя высшей власти.

Отсюда явствуется, что, хотя законъ, рассматриваемый во всей своей совокупности и совмѣстно съ издан-

ными административнымъ порядкомъ разъясненіями, теоретически совершенно точно и достаточно подробно характеризуетъ сферу власти и взаимоотношенія губернаторовъ и прочихъ губернскихъ правительственныхъ органовъ и хотя въ своихъ основаніяхъ онъ не требуетъ измѣненій, однако, на практикѣ правильное примѣненіе закона часто затрудняется, потому что въ спеціальному уставу о промышленности, гдѣ изложены постановленія, касающіяся собственно фабричнаго надзора, не достаточно точно выражены общія постановленія, характеризующія объемъ власти губернскаго начальства. Недоразумѣнія со стороны чиновъ фабричной инспекціи возбуждаются еще и частными постановленіями закона и административной власти, выраженными въ такой формѣ, что съ внѣшней стороны инспекція ставится какъ бы въ обособленное отъ губернской власти положеніе.

По соображеніи результатовъ всѣхъ сужденій, имѣвшихъ мѣсто за послѣдніе годы, разрѣшеніе наболѣвшаго вопроса должно бы выразиться во включеніи въ законъ слѣдующихъ прямыхъ указаній:

1) мѣстные чины фабричной инспекціи, оставаясь, какъ и нынѣ, въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ по отдѣлу промышленности, дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора въ отношеніи примѣненія фабричнаго закона и изданныхъ надлежащимъ порядкомъ въ его развитіе и разъясненіе постановленій; 2) чины фабричной инспекціи сносятся съ губернаторомъ (градоначальникомъ, оберъ-полицеймейстеромъ) представленіями, отъ губернатора же получаютъ предложенія; 3) назначеніе на должности инспекторовъ, распредѣленіе ихъ по участкамъ и представленіе ихъ къ наградамъ производится по предварительному сношенію съ подлежащимъ губернаторомъ; 4) губернатору предоставляется: разрѣшать чинамъ фабричной инспекціи кратковременные,

до двухъ недѣль, отпуски; требовать отъ нихъ представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи; возлагать на фабричныхъ инспекторовъ исполненіе порученій, въ предѣлахъ установленнаго закономъ круга ихъ дѣятельности; въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи.

Принимая во вниманіе, что, по сложности дѣла фабричнаго надзора, всегда могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ возникать недоразумѣнія, надлежало бы предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному ихъ соглашенію, давать руководящія указанія по примѣненію общихъ правилъ объ отношеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи къ губернаторамъ (градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ) и разрѣшать возбуждаемые послѣдними частные вопросы.

Независимо отъ устраненія недостатковъ дѣйствующаго закона, представляется весьма важнымъ, въ цѣляхъ поддержанія престижа губернскаго начальства, немедленно же ослабить тѣ неудобства, которыя возникли съ учрежденіемъ должностей окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ. Полномочія ихъ въ значительной мѣрѣ касаются сферы власти губернскаго начальства и открываютъ возможность дѣйствій со стороны окружныхъ инспекторовъ, несогласованныхъ съ указаніями и распоряженіями мѣстныхъ губернаторовъ. Что касается участія окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ въ засѣданіяхъ мѣстныхъ присутствій безъ права рѣшающаго голоса, то оно, съ внѣшней стороны, представляется какъ бы выраженіемъ права названныхъ инспекторовъ контролировать присутствія и дѣйствія ихъ предсѣдателей—губернаторовъ, что недопустимо.

Наилучшимъ средствомъ къ установленію надлежащихъ соотношеній органовъ фабричнаго надзора представлялось бы упраздненіе должности окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ.

Принимая во вниманіе вышеизложенное, а особенно ту напряженность, которую за послѣднее время получилъ вопросъ объ охраненіи порядка въ средѣ фабрично-заводскаго населенія, министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ бы необходимымъ осуществить вышеуказанныя мѣры немедленно *въ порядкѣ государственнаго управленія.*

Затѣмъ послѣ почти годового опыта дѣятельности инспекціи при значительно измѣненномъ уже подчиненіи ея мѣстному губернскому начальству, ст.-секр. Плеве возобновилъ свои настоянія о необходимости коренныхъ въ семь направленіи мѣропріятій.

Двойственность подчиненія фабричной инспекціи, съ одной стороны, Министерству Финансовъ, въ вѣдѣніи котораго она состоитъ, а съ другой—губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ, въ качествѣ предсѣдателей присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ сказывается настолько ощутительно въ ущербъ дѣлу и задачамъ, возложеннымъ на инспекцію, что дальнѣйшее оставленіе ея въ такомъ положеніи представляется невозможнымъ, и, въ видахъ предотвращенія дальнѣйшаго развитія рабочаго революціоннаго движенія, необходимо и своевременно сосредоточить правительственный надзоръ за внутреннею жизнью и внѣшнимъ порядкомъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ томъ вѣдомствѣ, на которомъ, по закону, лежитъ отвѣтственность по сохраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, т. - е. въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ.

Словомъ возобновились аргументы, въ свое время отбитые Вышнеградскимъ и Витте, и наигрывалась все та же погудка на новый ладъ.

Независимо отъ сего, статсъ-секретарь ф.-Плеве признавалъ необходимымъ остановиться еще и на вопросѣ о предѣлахъ дѣйствія закона 3 іюня 1886 года.

Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ относится исключительно къ заведеніямъ фабричной и заводской промышленности и къ крупнымъ ремесленнымъ мастерскимъ.

Между тѣмъ въ настоящее время огромное число промышленныхъ заведеній нефабричнаго характера съ массою рабочаго населенія остается въ Имперіи неподчиненнымъ правительственному надзору. Подобное положеніе вещей не нормально и не можетъ отвѣчать намѣреніямъ правительства, которое, въ своихъ заботахъ объ улучшеніи быта всего рабочаго населенія Имперіи, не создаетъ привилегированнаго положенія для одной части этого населенія, при томъ же части значительно меньшей, ибо несомнѣнно, что количество рабочаго люда, коего трудъ примѣняется въ многочисленныхъ мелкихъ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, далеко превышаетъ своею численностью фабрично-заводское рабочее населеніе.

Столь ненормальное положеніе вещей не замедлило отразиться неблагоприятнымъ образомъ на общемъ ходѣ жизни въ этой области промышленнаго труда. Такъ называемое «рабочее движеніе», обусловленное экономическими условіями быта рабочихъ въ крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, стало распространяться и въ мелкихъ предпріятіяхъ, среди ремесленниковъ и служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, не подчиненныхъ правительственному надзору. Событія послѣднихъ лѣтъ подтверждаютъ это съ особенной силой.

Такъ, напримѣръ, съ 1 іюля 1902 г., въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, среди рабочихъ ремесленныхъ и промышленныхъ предпріятій, зарегистрировано 76 случаевъ возникновенія беспорядковъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигали внушительныхъ размѣровъ.

По донесеніямъ мѣстныхъ властей, эти волненія вызывались въ большинствѣ случаевъ тяжелыми условіями быта рабочаго населенія. Требования, предъявлявшіяся рабочими, сводились, главнымъ образомъ, къ увеличенію заработной платы и къ сокращенію продолжительности рабочаго дня, которая въ этихъ предпріятіяхъ, вопреки прямымъ указаніямъ закона, достигала нерѣдко 18 часовъ. Высказывались также жалобы на дурное содержаніе, на притѣсненія и даже на жестокое обращеніе со стороны нанимателей, на задержку въ уплатѣ заработныхъ денегъ, на неправильное увольненіе, на несполна производимые расчеты и вообще на тяжелыя для рабочихъ условія найма.

Выполненія предъявляемыхъ требованій рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, добивались путемъ забастовокъ. Нерѣдко забастовки сопровождались уличными беспорядками и шумными демонстраціями, требовавшими вмѣшательства полиціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже военной силы.

Ради предупрежденія подобныхъ движеній, способныхъ, какъ то показали прошлогодніе беспорядки въ Одессѣ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ центрахъ, принимать крайне тревожный характеръ, представляется неотложнымъ и въ сферѣ ремесленной и торгово - промышленной упорядочить взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ на основаніяхъ, общихъ съ установленными закономъ 3 іюня 1886 года.

Въ кругъ задачъ инспекціи промышленнаго труда, должны входить обязанности полиціи благосостоянія,

а также полиціи безопасности. Этимъ самымъ, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, опредѣляется подчиненіе инспекціи вѣдомству Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Но такое разрѣшеніе вопроса о подвѣдомственности обусловливается, кромѣ характера обязанностей, еще и тѣмъ соображеніемъ, что, при наличности большаго числа всевозможныхъ предпріятій торгово-промышленнаго характера, подлежащихъ безусловному подчиненію инспекторскаго надзора, чины послѣдняго получаютъ возможность достигнуть лучшихъ результатовъ при общности дѣйствій съ чинами полиціи.

Съ другой стороны, возложеніе обязанностей инспекціи труда всецѣло на чиновъ полиціи представляется невозможнымъ уже по одному тому, что чины полиціи и теперь отягощены, при своемъ малочисленномъ составѣ, многими и разнообразными обязанностями; при такихъ условіяхъ посвящать дѣлу надзора достаточно времени для нихъ положительно невозможно.

Поэтому - то и желательно возложить на фабричную инспекцію обязанности по надзору за отношеніями нанимателей и рабочихъ въ области ремесленнаго и промышленнаго труда, *объединивъ ея дѣятельность съ, общей полиціей черезъ подчиненіе Министерству Внутреннихъ дѣлъ.*

Придавая предлагаемымъ мѣропріятіямъ первенствующее съ точки зрѣнія государственнаго порядка значеніе, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ подвергнуть вышеизложенныя предположенія обсужденію въ особо образованной подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора, тайнаго совѣтника П. Н. Дурново, комиссіи, при участіи представителей Министерствъ: Финансовъ и Внутреннихъ дѣлъ на приведеніе какового предположенія въ исполненіе

въ 20 день мая 1904 года, воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

За безвременной смертью В. К. ф. - Плеве вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ фабричной инспекціи сразу же вступилъ въ новую фазу развитія, такъ какъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Святополкъ-Мирскій не усмотрѣлъ достаточнаго основанія къ ломкѣ существующихъ законовъ и къ передачѣ надзора за фабриками изъ Министерства Финансовъ въ его вѣдѣніе ¹⁾.

Что касается экспериментовъ à la Зубатовъ въ исправленномъ видѣ, то они распустились въ Петербургѣ въ махровый цвѣтокъ съ утвержденіемъ 15 февраля 1904 года «Устава собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ гор. С.-Петербурга».

Гласное собраніе учреждалось, согласно его уставу:

а) для трезваго и разумнаго провозженія членами собранія свободнаго отъ работъ времени съ дѣйствительною для нихъ пользою, какъ въ духовно-нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніяхъ;

б) для возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ-рабочихъ русскаго національнаго самосознанія;

в) для образованія и развитія въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и права рабочихъ;

и, наконецъ, г) для проявленія членами собранія самодѣятельности, способствующей законному улучшенію условій труда и жизни рабочихъ.

Средствами къ осуществленію намѣчаемой цѣли объявляются:

¹⁾ На заявленіе тогдашняго министра финансовъ В. Н. Коковцева о неудобствѣ отторгать фабричную инспекцію отъ Министерства Финансовъ, вѣдающаго всею торгово-промышленною политикою, князь Святополкъ-Мирскій безпрекословно отказался отъ фабрично-полицейской политики своего предмѣстника.

а) придобутіє полезныхъ изданій газетной и журнальной печати въ Россіи, основаніє библіотеки, устройство читальни, образованіє изъ среды сочленовъ духовнаго и свѣтскаго хора и музыкальныхъ кружковъ, устройство какъ въ постоянномъ помѣщеніи собранія, такъ и въ наемныхъ помѣщеніяхъ концертовъ, семейныхъ и литературно-вокальныхъ вечеровъ;

б) еженедѣльные кружковыя и общія собранія членовъ для разумно-всесторонняго обсужденія своихъ нуждъ и для своего самообразованія;

в) устройство бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера, а также чтеній съ поясненіями;

г) организація, съ надлежащаго разрѣшенія, лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ, въ особенности по родиновѣдѣнію и въ частности по рабочему вопросу, которыя бы указывали и разъясняли рабочему его правовое положеніє и законные пути выйти изъ невѣжества и грязи къ свѣту;

д) учрежденіє капитала взаимопомощи на случай болѣзни, безработицы и особой нужды своихъ членовъ;

е) учрежденіє на основаніи особо выработаннаго и утвержденнаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ устава похоронной кассы, а также открытіє, съ особаго каждый разъ разрѣшенія подлежащей власти, и другихъ учрежденій, способствующихъ усиленію заработка, обезпечивающихъ взаимопомощь при наступленіи матеріальныхъ затрудненій и вообще всякихъ тяжелыхъ обстоятельствъ;

ж) устройство въ помѣщеніи «собранія» чайной (съ закусочной), а съ развитіємъ дѣлъ общества—открытіє своей потребительской лавки.

Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ и утвержденъ настоятель тюремной церкви о. Георгій Гапонъ, съ благословенія митрополита и министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ В. К. ф.-Плеве, по особой инструкціи, Гапонъ

получилъ право, не присвоенное даже градоначальнику, а именно самостоятельно и невозбранно открывать по всему Петербургу отдѣлы собранія, число коихъ вскорѣ возросло до 11.

Торжественное открытіе собранія состоялось 11 апрѣля 1904 года.

По отчету о первомъ засѣданіи «собранія», напечатанному въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», одинъ изъ ораторовъ-рабочихъ «въ доступной формѣ выяснилъ своимъ товарищамъ идеи русскаго національнаго самосознанія и самодѣятельности, другой ораторъ подробно остановился на историческомъ обзорѣ попытокъ русскихъ рабочихъ сорганизоваться въ правильныя, закономъ разрѣшенныя сообщества, третій отмѣтилъ отличіе новаго устава ото всѣхъ прочихъ, его широкія правомочія, а главное—довѣріе правительства къ рабочимъ, только что объединившимся въ открытомъ собраніи».

Самъ Гапонъ распространился о томъ, что уставъ собранія впервые даетъ въ Россіи рабочимъ возможность дѣйствительно объединиться внѣ вмѣшательства администраціи. Все основано на глубокомъ довѣріи, а главное—на идейномъ, безкорыстномъ и трезвомъ служеніи интересамъ рабочихъ.

Первые шаги «собранія» давали основаніе вѣрить, что рабочіе оправдаютъ возложенныя на нихъ надежды. Засѣданіе сопровождалось изъявленіями всеподданѣйшихъ чувствъ рабочихъ къ престолу и отечеству, неоднократнымъ повтореніемъ «Боже, царя храни» и восторженными кликами «ура».

Только за четыре дня передъ своею смертью В. К. фонъ-Плеве поставилъ В. А. Погожеву вопросъ ребромъ: «Я убѣдился, что вы основательно изучили рабочій бытъ и хорошо освѣдомлены относительно его современныхъ условій... Скажите, каково вы мнѣнія о».

такъ называемой зубатовщинѣ? Могла ли она повліять на общій ходъ рабочаго движенія въ Россіи?»

«Надо замѣтить,—пишетъ А. В. Погожевъ,—что московская зубатовщина, какъ одна изъ формъ полицейскаго социализма, зародилась въ то время, когда я, оставивъ службу въ московскомъ земствѣ по разстроенному здоровью, четыре мѣсяца прожилъ за границею... Впрочемъ, мнѣ очень хорошо были извѣстны тѣ обстоятельства, при которыхъ дѣйствовали самъ Зубатовъ и его приспѣшники, сознательные и безсознательные. По возвращеніи въ Москву мнѣ легко было убѣдиться, что эта злополучная затѣя будетъ имѣть самыя нежелательныя послѣдствія... для мирнаго упорядоченія рабочаго вопроса путемъ законодательныхъ мѣропріятій и учрежденій социальной экономіи вообще. Между тѣмъ система «полицейскаго социализма», которая всегда и вездѣ кажется столь привлекательною и умиротворяющею для лицъ лишенныхъ возможности вникать въ психологическія настроенія рабочихъ массъ и въ историческій ходъ ихъ партійно-профессіональнаго развитія, широко примѣнялась въ то время почти всюду въ Россіи. Условія петербургской промышленной жизни всегда рѣзко отличались своими характерными особенностями: численнымъ преобладаніемъ рабочихъ по металлу, наиболѣе развитыхъ въ умственномъ отношеніи, начитанныхъ, лучше оплачиваемыхъ, наименѣе осѣдлыхъ, подвижныхъ въ поискахъ за большимъ заработкомъ; сосредоточеніемъ огромной массы прилаггс трудящагося населенія въ самой столицѣ и ея пригородахъ (191 тыс. мѣстныхъ и около 1401 т. пришлыхъ, по свѣдѣніямъ за 1902 г.), въ худшей экономической и санитарной обстановкѣ, нежели въ другихъ промышленныхъ центрахъ; упрочившимся въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ существованіемъ тайныхъ, весьма вліятельныхъ кружковъ и многимъ другимъ».

«Та ложная деморализующая и революционизирующая система, въ родѣ зубатовщины и т. п., въ неосновательности которой уже раньше пришлось убѣдиться и Бисмарку, неизбежно должна была именно въ Петербургѣ повлечь за собою непредвидѣнные авторами ея послѣдствія, включая столкновения съ полиціею и вооруженною силою».

«Въ виду этого, пользуясь... предоставленнымъ мнѣ правомъ высказывать свои соображенія съ полною откровенностью, — пишетъ А. В. Погожевъ, — я долженъ былъ дать министру слѣдующій отвѣтъ: «Зубатовщина всюду внесла страшную деморализацію. Не пройдетъ двухъ-трехъ лѣтъ, — рабочій вопросъ вырвется на улицу, и произойдетъ столкновение, послѣдствія котораго никто не въ состояніи учестъ...»

«Мое замѣчаніе, видимо, произвело впечатлѣніе на Плеве... Послѣ продолжительнаго молчанія онъ замѣтилъ:

«— Да, вы правы... я и самъ теперь вижу, что преждевременно было вызывать такое движеніе среди русскихъ рабочихъ»...

Дальнѣйшей эпопеи Гапона мы здѣсь касаться не станемъ.

Съ одной стороны, событія, разыгравшіяся на порогѣ «освободительнаго движенія», достаточно памятны, чтобы о нихъ распространяться, — въ общемъ дѣятельность петербургской рабочей организаціи, январская манифестація, какъ и обстановка с.-петербургской забастовки начала 1905 г., несомнѣнно, представляли аналогію съ одесскими событіями 1903 г., съ тою лишь вариаціею, что въ Одессѣ инициаторомъ смуты явился полицейскій ставленникъ, докторъ философіи, еврей Шаевичъ, а въ Петербургѣ въ этой некрасивой роли выступилъ полицейскій же ставленникъ, православный священникъ Гапонъ.

Съ другой же стороны, кромѣ отрывочныхъ газетныхъ извѣстій, воспоминаній его друзей и брошюры Симбирскаго-Насакина «Психологія русскаго рабочаго вопроса», являющейся перепечаткою его сенсационной «Правды о Гапонѣ»—весьма пристрастной и идеализирующей эту странную личность—и самые матеріалы для правдиваго освѣщенія событій, приведшихъ къ роковому дню 9 января 1905 года, отсутствуютъ или не доступны еще для опубликованія.

Вокругъ личности довѣреннаго руководителя рабочихъ Гапона сложились цѣлыя легенды, весьма противорѣчивыя: однѣ аттестуютъ его какъ восторженнаго и самоотверженнаго печальника и пѣстуна обездоленныхъ, преслѣдовавшаго цѣли вполне благонамѣренныя, но коварно обойденнаго эсъ-деками и эсъ-ерами, сумѣвшими незамѣтно проникнуть въ среду «собранія» и развратить его; въ глазахъ другихъ Гапонъ рисуется безконечно ловкимъ пройдохю, работавшимъ на два фронта и сумѣвшимъ съ удивительнымъ искусствомъ провести какъ Плеве, Трепова и Рачковскаго, такъ и многочисленныхъ полицейскихъ агентовъ, чинившихъ наблюденіе за «собраніемъ» и убѣдить всѣхъ въ благонамѣренности преслѣдуемыхъ имъ и «собраніемъ» цѣлей, тогда какъ втайнѣ Гапонъ объединилъ возлѣ себя цѣлое ядро хорошо вымуштрованныхъ политическихъ агитаторовъ, а тѣ, въ свою очередь, распропагандировали исподтишка массу рабочихъ и подготовили ее къ политическому выступленію.

О сознательности въ дѣйствіяхъ большой массы рабочихъ, конечно, едва ли можно говорить.

Въ этомъ отношеніи весьма цѣненъ выводъ, дѣлаемый г. Гвоздевымъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ рабочими при разныхъ условіяхъ времен и мѣста. Онъ утверждаетъ, что въ дѣйствительности на каждой фабрикѣ можно повстрѣчать не

болѣе 2—3 истинно - развитыхъ, много читавшихъ, вдумчивыхъ, прекрасно понимающихъ истинное положеніе вещей, рабочихъ, не увлекающихся несбыточными мечтами, дѣйствующихъ сдержанно и корректно; вмѣстѣ съ тѣмъ они же являются лучшими, наиболѣе цѣнными работниками, постоянно трезвыми и строго исполняющими свои обязанности. Къ этой кучкѣ примыкаетъ многочисленная группа такъ называемыхъ «сознательныхъ» рабочихъ. Это—эпошь эсъ-деки. Они прониклись духомъ классоваго самосознанія, но о реальномъ положеніи имѣютъ представленіе весьма смутное. Иные станутъ вамъ рассказывать о новозеландскомъ фабричномъ законодательствѣ, русскіе же фабричные законы перевираютъ невѣжественно; такіе субъекты мечтаютъ чрезъ годъ-другой завоевать социалистическій рай и въ то же время на каждомъ шагу поступаются правами, ограждающими ихъ интересы и принадлежащими имъ уже теперь по закону, и даже не замѣчаютъ этого. Рѣзкіе въ выраженіяхъ, щеголяющіе мало понятными имъ иностранными терминами, безразсудные въ требованіяхъ, они нерѣдко являются лодырями въ работѣ, а подчасъ злоупотребляютъ и спиртными напитками. Относиться вполнѣ отрицательно къ этой группѣ и винить ее за пороки, конечно, неправильно, — не виноваты они въ томъ, что только за годъ, за два передъ тѣмъ раскрыли глаза и взглянули дальше своихъ станковъ и каморокъ, не виноваты и въ томъ, что имъ достались развратившіе ихъ учителя ¹⁾.

Вполнѣ понятно, что подобный элементъ забрать въ руки и направить по своему произволению Гапонъ и его приспѣшники могли безъ труда. Затѣмъ для исторіи довольно безразлично, представляла ли лич-

¹⁾ Записки фабричнаго инспектора, стр. 257—258 *passim*.

ность Гапона типъ яркаго демагога или провокатора съ катилинарными замашками, — въ результатѣ за свою слѣпоту и неосвѣдомленность поплатились только рабочіе, но не ихъ вожаки и безразлично установленіе въ точности и того факта, когда собственно произошелъ переходъ собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ отъ мирной дѣятельности къ боевой.

Какъ бы ни было, правительственное сообщеніе послѣ роковой манифестаціи 9 января 1905 года признало, что истинная возлагавшаяся на «собраніе рабочихъ» задача сводилась именно къ «отвлеченію рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды», на дѣлѣ же результаты получились противоположные: собраніе «вступило само на путь пропаганды явно революціонной» (квалификація правительственнаго сообщенія), при чемъ с.-петербургское телеграфное агентство въ своемъ циркулярѣ наивно заявляло, что полиція, какъ показали событія, не была въ состояніи ни предотвратить рабочаго движенія, ни руководить имъ, ибо «рабочіе пошли по пути политическихъ требованій», а Комитетъ Министровъ, въ засѣданіи 11 января 1905 года, призналъ, что «рабочіе союзы, образованные при помощи полицейскаго усмотрѣнія, явились угрозой общественному спокойствію». Особенно при этомъ назидательнымъ оказалось заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго, что столичной администраціи, почти вплоть до развязки 9 января 1905 г., оставался совершенно неизвѣстнымъ истый характеръ рабочаго движенія, а предшествовавшее ему кажущееся спокойствіе рабочихъ приводилось подлежащими властями именно за очевидное доказательство цѣлесообразности спланивавшей ихъ организаціи.

Фактъ этотъ весьма знаменателенъ, ибо если охранное отдѣленіе проморгало агитацію эсъ-дековъ и эсъ-еровъ въ собраніяхъ рабочихъ, находившихся подъ особымъ

его смотрѣніемъ и доступныхъ его явнымъ и тайнымъ агентамъ, то нельзя и удивляться, что всѣ дальнѣйшіе революціонные сюрпризы, развернувшіеся въ 1905 г., оказались нежданною нечаянностью и для администраціи, и для общества, якобы попечительно опекаемаго ото всякихъ зловредныхъ вліяній.

Такимъ образомъ только роковыя событія 9 января 1905 года осудили зубатовскіе эксперименты и положили имъ конецъ.

Въ статьѣ о зубатовщинѣ, напечатанной въ 1905 г. въ «Образованіи», г. М. Григорьевскій замѣчаетъ: «Правительство, десятки лѣтъ опиравшееся на промышленную буржуазію и имѣвшее въ ней дѣйствительно защитника установленнаго строя, въ своихъ неудачныхъ попыткахъ полицейскаго социализма выступило противъ промышленной буржуазіи. Взамѣнъ нѣсколькихъ тысячъ захваченныхъ въ руки полицейской агентуры рабочихъ, политическая благонадежность которыхъ для бюрократіи представляла еще неизвѣстную и неиспытанную величину, правительство собственными руками отчуждало отъ себя «людей порядка», толкая капиталистовъ на путь политической оппозиціи».

Дѣйствительно, зубатовщина создала среди промышленной буржуазіи противоправительственное теченіе, — по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ записокъ, опубликованныхъ фабрикантами и обслуживавшими ихъ техниками, именно зубатовщинѣ отводилось едва ли не главное мѣсто въ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ противъ дореформенной бюрократіи.

Январскія выступленія рабочихъ, несомнѣнно, выбили изъ колеи мнительныхъ людей и привели иныхъ сановниковъ къ удивительному выводу, будто упорядоченіе промышленной жизни страны слѣдуетъ осуществить путемъ предоставленія рабочимъ самыхъ широкихъ уступокъ, такъ какъ заявляемыя рабочими

требованія якобы чрезвычайно просты и ясны, и скорое и полное удовлетвореніе ихъ возымѣетъ немедленнымъ послѣдствіемъ успокоеніе смуты.

20 января 1905 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, поручавшее сенатору Н. В. Шидловскому образовать «комиссію» для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. С.-Петербургѣ и его пригородахъ и для изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ. Комиссія эта послѣ эфемернаго существованія была упразднена за полную ея неудачею, вызвавъ въ февралѣ 1905 г. аресты выборщиковъ рабочихъ въ эту комиссію.

Иные изъ болѣе развитыхъ рабочихъ, распропагандированные еще Гапономъ по всѣмъ правиламъ революціонной тактики, несомнѣнно, составили тотъ кадръ «сознательныхъ рабочихъ», изъ котораго вербовались главари рабочихъ организацій, выборщики въ комиссію Шидловскаго, члены совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и представители отъ рабочихъ въ Государственную Думу, особенно первыхъ двухъ призывовъ...

До учрежденія еще комиссіи Шидловскаго министру финансовъ В. Н. Коковцеву, по поводу всеобщей январской забастовки въ Петербургѣ, Высочайше повелѣно было 13 января 1905 г. объявить въ успокоеніе рабочихъ, что «нужды трудящагося люда близки сердцу Государя такъ же, какъ и нужды всѣхъ его вѣрноподданныхъ, и что на Министерство Финансовъ возлагается соображеніе общихъ мѣръ къ упорядоченію быта и положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ».

Опираясь на это Высочайшее повелѣніе, статсъ-секретарь В. Н. Коковцевъ 19 января 1905 г. повергъ на Высочайшее благовозрѣніе соображенія свои о нѣкоторыхъ по части фабрично-заводскаго законодательства мѣрахъ, которыя въ интересахъ спокойнаго хода

промышленной жизни надлежало бы осуществить въ ближайшемъ будущемъ.

Всеподданнѣйшій докладъ В. Н. Коковцева тогда же, 19 января 1905 г., удостоился Высочайшаго одобренія и былъ направленъ въ Комитетъ Министровъ для ближайшаго всесторонняго разсмотрѣнія.

Дальнѣйшій ходъ событій, разыгравшихся 27 и 28 января 1905 г. на Путиловскомъ заводѣ, показалъ, что хотя заводоуправленіе, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, и удовлетворило важнѣйшія требованія рабочихъ, тѣмъ не менѣе забастовка вскорѣ разгорѣлась еще сильнѣе подъ вліяніемъ пущенныхъ въ наивную и легковѣрную рабочую массу слуховъ, будто казна заберетъ Путиловскій заводъ въ свои руки и не преминетъ оказать рабочимъ дальнѣйшія послабленія.

Примѣръ этотъ—далеко не единичный—давалъ вѣрный критерій для оцѣнки неправильности и нецѣлесообразности оптимистическихъ надеждъ, возлагавшихся на замиреніе рабочихъ путемъ поблажки ихъ претензіямъ. Примѣръ Путиловскаго завода краснорѣчиво и безхитростно на фактахъ подтвердилъ правильность отправной точки соображеній, выставленныхъ В. Н. Коковцевымъ.

Дѣйствительно, если къ претензіямъ рабочихъ и слѣдуетъ относиться безъ предубѣжденій и съ полнымъ вниманіемъ, дѣлая возможное къ справедливому ихъ удовлетворенію, то при обычно развивающейся притязательности фабричнаго люда, особенно въ пору общественныхъ потрясеній, рассчитывать на мирное разрѣшеніе рабочаго вопроса путемъ уступокъ, конечно, нельзя. Съ здравой государственной точки зрѣнія, усчитывающей не только настоящее, но и будущее, поставленіе промышленности въ такія условія, которыя бы обезпечивали ей возможно большіе количественные

и качественные успѣхи, достижимо, разумѣется, только подѣ условіемъ удовлетворенія справедливыхъ запросовъ и нуждъ труда, участвующаго въ производствѣ. Заботы о рабочихъ подсказываются не только велѣніями нравственными и интересами общаго благосостоянія, но и потребностями самой промышленности—единственно увѣренность въ прочности и обеспеченности трудовой обстановки и обосновываетъ нормальное и спокойное развитіе производительныхъ силъ страны. Но государственная широта взгляда доступна лишь сравнительно незначительному числу фабрикантовъ.

Отсюда логически вытекаетъ неизбежность воздѣйствія закона и администраціи на внутреннюю жизнь промышленности. Въ то же время государственная предусмотрительность требуетъ такіа вмѣшательства совершать съ большою вдумчивостью, безъ ломки условій производства (чего никакая промышленность не можетъ вынести даже и при самыхъ выгодныхъ конъюнктурахъ) и не развивая въ рабочихъ притязательности.

Слѣдуетъ, конечно, озаботиться ближайшимъ урегулированіемъ отношеній между фабрикантами и рабочими, въ смыслѣ отчетливаго опредѣленія обязанностей и правъ каждой изъ сторонъ, согласуя ихъ съ особенностями и потребностями русской жизни и проводя ихъ съ послѣдовательною осторожностью, но не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы фабриканты или рабочіе могли составить предметъ предпочтительнаго пѣствованія правительства въ ущербъ интересамъ другихъ общественныхъ категорій, и, разумѣется, забота о нарочитомъ благопріятствованіи той или другой стороны (фабрикантовъ или рабочихъ) не можетъ и не должна входить въ программу правительственныхъ дѣйствій.

Въ частности же дальнѣйшее слѣдованіе по пути непрестанныхъ уступокъ рабочимъ безъ согласованія ихъ со всестороннею оцѣнкою интересовъ и нуждъ промышленности могло бы послѣднюю только повлечь къ полному разстройству и гибели, обрекая ее хронически на внутреннее броженіе ¹⁾. Самое же броженіе можетъ быть прочно устранено лишь постепенно путемъ отвѣчающаго потребностямъ жизни фабрично-заводскаго законодательства и благожелательнаго и дѣятельнаго правительственнаго почина къ постепенному улучшенію быта рабочихъ въ предѣлахъ, доступныхъ современному развитію промышленности.

Во исполненіе предуказаній п. IV Именного указа Правительствующему Сенату отъ 12 декабря 1904 г. и постановленій Комитета Министровъ отъ 28 и 31 января 1905 г., санкціонировавшихъ принципиальныя соображенія, представленныя статсъ-секретаремъ В. Н. Коковцевымъ, Министерство Финансовъ, какъ вѣдавшее торгово-промышленною политикою страны, тогда же приступило къ разработкѣ мѣръ по упорядоченію положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ, въ смыслѣ осуществленія государственнаго страхованія рабочихъ; въ то же время предположено было создать: организацію больничныхъ кассъ для рабочихъ, выборныя арбитражныя палаты для обсужденія и разрѣшенія возникающихъ на почвѣ до-

¹⁾ И на самомъ дѣлѣ броженіе это, искусственно питаемое извнѣ, не укладывалось ни въ 1905 г., ни въ 1906 г.; благодаря безчисленнымъ стачкамъ и забастовкамъ, оно причинило фабрикамъ и заводамъ убытки въ сотни милліоновъ, вызвало локауты сотенъ тысячъ рабочихъ и только по ликвидаціи дѣятельности совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и репрессій, обрушившихся на подпольныя революціонныя организаціи, броженіе пошло, наконецъ, на убыль, выкинувъ на улицу многіе десятки тысячъ безработныхъ.

говора найма вопросовъ и нормировать рабочее время, досрочное расторженіе договоровъ о наймѣ и стачки, рассматривая эти послѣднія, какъ естественное ненаказуемое экономическое явленіе, разъ онѣ протекають безъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія.

Этимъ теоретически-академическимъ начертаніемъ мѣрь къ упорядоченію быта и положенія рабочихъ, изъ котораго мы опускаемъ многія любопытныя подробности, и завершилась *декларативная* дѣятельность дореформенныхъ бюрократическихъ установленій, въ области «соціального вопроса», но затѣмъ самому проведенію въ жизнь преобразованій фабричнаго законодательства особенно не посчастливилось.

Въ то время, какъ Министерство Финансовъ только приступало къ разработкѣ соответствующихъ проектовъ, согласно Высочайше утвержденнымъ 20 февраля 1905 г. журналамъ Комитета Министровъ, для внесенія ихъ «на уваженіе» Государственнаго Совѣта, состоялось учрежденіе особаго Министерства Промышленности и Торговли, въ компетенцію котораго вполнѣ естественно и былъ включенъ рабочій вопросъ во всей его совокупности. Затѣмъ неустойчивость положенія бюрократіи вообще, вызванная политическими потрясеніями 1905 года, преобразованія законодательныхъ учрежденій и переобремененіе ихъ текущими дѣлами, конечно, не могли способствовать расцвѣту крупныхъ законодательныхъ работъ, а, въ довершеніе къ остальному, новое Министерство Промышленности и Торговли, стѣсняемое весьма ограниченными кредитами и, переживъ за короткій срокъ своего существованія рядъ смѣнъ министровъ, и по сей еще часъ не вышло изъ организаціонной стадіи своего развитія и не могло широко развернуть своей дѣятельности.

Такимъ образомъ, программа по рабочему вопросу, выработанная Комитетомъ Министровъ, какъ и приве-

деніе въ дѣйствіе предубаженій Именного указа 12 декабря 1904 года являютъ не мало еще Высочайшихъ повелѣній, не проведенныхъ въ жизнь, отчасти за измѣнившимися политическими вѣяніями, отчасти же потому, что законодательный аппаратъ у насъ, особенно по вопросамъ щекотливымъ и вызывающимъ тренія, работаетъ чрезвычайно медленно.

* * *

Отступленіе на послѣднихъ страницахъ отъ основной нашей темы напрашивалось само собою, потому что программа статсъ-секретаря В. Н. Коковцева, лишь воспроизводя традиціи его предшественниковъ по Министерству Финансовъ, ясно намѣчаетъ то, что слѣдовало предпринять еще въ 90-хъ годахъ въ цѣляхъ притупленія жала социалистической агитаціи и отвращенія рабочаго элемента отъ революціонныхъ искушеній.

Весьма вѣроятно, С. Ю. Витте и его сотрудники, В. И. Ковалевскій и В. И. Тимирязевъ, въ свое время сумѣли бы осуществить въ той или иной мѣрѣ цѣлесообразное преобразование фабричнаго законодательства, если бы на такія новшества не накладывалось «табу» Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ подъ всепоглощающимъ предлогомъ обереганія интересовъ государственной безопасности.

Возвращаясь къ «зубатовщинѣ», остается подчеркнуть, что разсмотрѣнные нами довольно подробно отдѣльные ея эпизоды, взаимно пополняя другъ друга, болѣе или менѣе всесторонне освѣщаютъ и внутреннее содержаніе и внѣшніе приемы этого безумнаго предпріятія.

Извратить идею такъ называемаго государственнаго социализма, который въ той или иной формѣ завоевываетъ себѣ почву во всѣхъ почти культурныхъ стра-

нахъ, и извратить эту здравую въ существѣ идею до степени превращенія ея въ служебный придатокъ охранныхъ отдѣленій могъ только человѣкъ, который, за предѣлами полицейскихъ нуждъ и пользы, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ непреложныхъ требованіяхъ экономической политики.

Можно спорить о томъ, въ какихъ предѣлахъ государство, какъ таковое, можетъ и должно вмѣшиваться въ отправленія хозяйственной жизни и производить ломку условій производства и распредѣленія цѣнностей въ интересахъ Staats-Raison; эксперименты по этой части мы наблюдаемъ и въ Германіи, и во Франціи, и даже въ Великобританіи, но никто и нигдѣ не додумывался до абсурда—сложный, гибкій и чувствительный экономическій аппаратъ предоставить на произволъ полицейскихъ усмотрѣній. Впрочемъ, и у насъ съ исчезновеніемъ со сцены В. К. ф.-Плеве веденіе идеаловъ фабрично - полицейской политики пало само собою.

Кругъ опыта зубатовщины, длившійся свыше 7 лѣтъ, былъ логически завершонъ катастрофою 9 января 1905 года, и экспериментировать дальше въ томъ же направленіи не рѣшился бы, пожалуй, даже и Д. Θ. Треповъ.

А. Морской.

Приложеніе.

ЗАПИСКА

объ учрежденіи профессиональныхъ
союзовъ, представленная генералу
Д. Ѡ. Трепову.

1.

Профессіональная организація рабочихъ.

I.

Вопросъ о профессиональной организаціи рабочихъ въ настоящее время выдвинулся на первый планъ въ умахъ людей, озабоченныхъ улучшеніемъ участи трудовой массы народа. Его важность признана правительствами всѣхъ странъ. Эта организація признана въ одинаковой степени экономистами и социалистами и все болѣе признается самими рабочими всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Можно сказать, въ настоящее время она является послѣднимъ словомъ экономической науки и политическо-соціальной практики XIX вѣка.

Идея профессиональной организаціи рабочихъ вмѣстѣ съ тѣмъ наполняетъ надеждами всѣхъ, кто искренно желаетъ счастливой жизни рабочему народу, въ мирѣ и благоденствіи. Одни только революціонеры и социалисты относятся къ этой идеѣ съ явнымъ или скрытымъ недоброжелательствомъ и стараются подорвать ея вѣсъ среди рабочихъ. Съ такимъ же недоброжелательствомъ относятся къ ней и явные эксплуататоры народа, не желающіе видѣть границъ своему эксплуататорству.

Нѣтъ надобности останавливаться на объясненіи того, почему человекъ, не желающій знать удержа въ эксплуатаціи, ненавидитъ профессиональное рабочее движеніе, которое ему въ этомъ мѣшаетъ. Но почему въ этомъ случаѣ политическіе и соціальные революціонеры объединяются въ чувствахъ съ эксплуататорами? Вѣдь они 150 лѣтъ твердятъ міру, что имѣютъ цѣлью благо народа. Почему же они отвергаютъ это благо, разъ оно становится доступнымъ народу?

Это зависитъ отъ того, что профессиональное рабочее движеніе явилось фактическимъ опроверженіемъ химеръ политическаго и соціальнаго переворота и показываетъ ложность идей и дѣйствій революціонеровъ, смущавшихъ міръ въ теченіе XVIII — XIX вѣка. Это обстоятельство особенно требуетъ вниманія рабочаго класса, дабы онъ научился искать свои интересы на правильномъ пути, не попадаясь болѣе въ руки ни обманщикамъ, ни заблуждающимся, которые, будучи сами слѣпыми, берутся руководить слѣпымъ, по ихъ мнѣнію, народомъ.

Бросимъ же общій взглядъ на ходъ профессиональнаго движенія рабочихъ въ чужихъ странахъ и на судьбу рабочихъ, такъ или иначе къ нему относившихся.

II.

Мы сказали, что профессиональное рабочее движеніе является теперь наиболѣе передовымъ, послѣднимъ словомъ науки. Но, бросая взглядъ на исторію человечества, мы видимъ тотчасъ, что это передовое явленіе оказывается древнимъ, а послѣднее слово науки чуть ли не тѣмъ первымъ словомъ, какое было сказано людьми, когда они, по прекращеніи кочевой жизни, обратились къ трудовой.

«Новѣйшіе профессиональные союзы,—говоритъ Зомбартъ,—являются лишь послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи аналогическихъ общественныхъ образованій. Вѣдь мы знаемъ теперь, что человѣкъ, гдѣ бы онъ намъ ни встрѣтился, всегда обнаруживаетъ потребность заключать постоянные или временные союзы со своими сотрудниками, съ своими товарищами. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не согласиться со старой истиной, что «нехорошо человѣку быть одному». И въ хорошемъ, и въ дурномъ—человѣкъ стадное животное, онъ погибаетъ внѣ общенія съ другими людьми».

Слова, на которыя ссылается Зомбартъ, были завѣтомъ Господа Бога еще во время пребыванія праотца Адама въ раю. А церковный учитель св. Василій Великій еще 1700 лѣтъ назадъ сказалъ, что «человѣкъ есть животное кроткое и общественное». Вотъ съ какой глубокой древностью соединяетъ насъ послѣднее слово науки. И дѣйствительно, трудовые союзы людей, съ цѣлью взаимопомощи въ условіяхъ труда, наполняютъ всю исторію міра. У насъ, въ Россіи, всѣ изслѣдованія показываютъ существованіе общины и артелей издревле. То же самое сказывалось и у всѣхъ народовъ какъ въ сферѣ землевладѣльческаго труда, такъ и ремесленнаго,—въ формахъ, сообразныхъ обстановкѣ труда въ данной странѣ и въ данную эпоху. Такія профессиональныя организациі въ средиземной Европѣ существовали официально, имѣли свои статуты, извѣстные еще съ XIII вѣка. Въ XIV и XV вѣкахъ короли, покровительствовавшіе вообще корпораціямъ, ввели въ нихъ многія реформы удачныя и неудачныя, какъ о томъ подробно рассказываетъ профессоръ Оттъ въ своемъ «Трактатѣ социальной экономіи». Въ общей сложности, говоритъ Оттъ, эти именно корпораціи накопили знанія, навыки, капиталы, способы дѣйствія,—словомъ, всѣ тѣ способы, безъ

которыхъ невозможна свобода. Такіе же профессиональные союзы существовали въ Англіи, гдѣ «городскіе ремесленники составляли профессиональныя ассоціаціи, охранявшіяся уставами, которые опредѣляли максимальное число учениковъ и низшій предѣлъ заработной платы». (Сеньебось, «Полит. Исторія Совр. Европы», стр. 19).

Вообще профессиональные союзы—явленіе всеобщее; вездѣ они были нужны и приносили пользу. Но, переходя къ новѣйшему времени, надо сказать, что въ XVII и XVIII вѣкахъ профессиональные союзы рабочихъ захудали и перестали приносить пользу. Объясняется это состояніемъ, въ какое пришелъ европейскій міръ въ ту эпоху въ отношеніи не только экономическомъ, но и соціально-политическомъ, умственномъ и религіозномъ. Въ экономическомъ отношеніи прежнія организаціи были приспособлены къ производству мелкому. Между тѣмъ, по условіямъ коммерческимъ, Европа стала переходить къ производству крупному. Появились машины. Безземельность или малоземельность крестьянъ, которая зависѣла отъ причинъ политическихъ, погнала въ городъ множество рабочихъ и, притомъ, такихъ бѣдняковъ, что въ началѣ XIX вѣка въ Англіи число неимущихъ, получавшихъ пособія отъ приходовъ, достигло 1.340.000 (Сеньебось). Масса бѣдныхъ и нищихъ оказалась и во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Пристроить всю эту массу нуждающихся къ работѣ нельзя было на старыхъ началахъ. Профессиональные союзы подавлялись самимъ множествомъ ихъ, а на крупныхъ фабрикахъ не приложимы были формы средневѣковыхъ корпорацій.

Такимъ образомъ къ концу XVIII и началу XIX вѣка потребовалось преобразование рабочей организаціи. Но по умственному состоянію Европы въ XVIII вѣкѣ выдви-

нулась, вмѣсто реформы, идея революціи, сначала либеральной, а потомъ—соціальной.

III.

Здѣсь не мѣсто подробно говорить ни о ходѣ, ни о причинахъ нарожденія революціонной идеи. Но слѣдуетъ вспомнить самый характеръ, самую сущность ея. Человѣчество и до XVIII вѣка не оставалось безъ преобразованій. Всегда и вездѣ, когда учрежденія и способы жизни обнаруживали недостатки, ихъ перedѣлывали. Случалось нерѣдко, что когда сталкивались разные интересы, не хотѣвшіе или не умѣвшіе прійти къ мирному соглашенію, то происходили бунты, междоусобія и перевороты. Но это совсѣмъ не то, что революція, какую объявилъ XVIII вѣкъ въ политикѣ, а потомъ XIX в.—въ сферѣ общественности. Революція политическая и соціальная поставили своей задачей не то, какъ бы поудобнѣе приспособить вѣчныя основы человѣческой жизни къ условіямъ современности, а то, чтобы совершенно смести эти основы, объявленныя негодными, отжившими, и замѣнить ихъ новыми принципами, возвѣщенными апостолами революціи.

Вотъ въ чемъ особенность новой идеи. Ее рекомендовали не только рабочимъ, а всѣмъ вообще людямъ и обѣщали отъ нея множество благъ. Подъ вліяніемъ соблазнительнаго миража въ XVIII и XIX вѣкахъ были произведены перевороты почти во всѣхъ странахъ міра, и, при этомъ, повсюду междоусобія и перевороты совершались только при помощи рабочихъ массъ, которыя возстановлялись противъ правительства. Задача, при этомъ, постоянно ставилась не такъ, чтобы улучшить организацію рабочихъ въ отношеніи трудовомъ, а въ томъ, чтобы перестроить на новый ладъ все государство и управленіе имъ. Первые революціонеры,

по замысламъ Руссо, полагали задачу въ томъ, чтобы вызвать къ жизни самодержавіе народа (народовластіе). Послѣдующіе революціонеры (Бабефъ, Оуэнъ, Фурье, а потомъ Марксъ, Лассаль и т. д.) присоединили къ этому уничтоженіе частной собственности и созданіе коммунистическаго государства. Каждая новая партія критиковала предшественниковъ, объявляя, что они заблуждались, и увѣряла, что на этотъ разъ истина открыта уже безошибочно. Но обѣщанія ни одной изъ нихъ не исполнились и доднесь. Политическихъ переворотовъ произошло не мало, но народнаго самодержавія они не создали. Воспользовалась переворотами большею частью буржуазія, а власть попадала въ руки либераловъ, ихъ вожаковъ и дѣятелей, которые этимъ способомъ хорошо устраивали свою жизнь. Одни рабочіе ничего не добились. Когда это достаточно выяснилось, народились коммунисты и социалисты, которые объявили ошибочною идею демократическаго государства и выдвинули идею социалистическаго переустройства общества. Много было сдѣлано сторонниками этого движенія опытовъ социалистическихъ общинъ, предпринята была даже и революція социалистическаго характера (1848 г.). Но опыты, страшно дорого стоившіе, не удавались, и сказалась полная непригодность ихъ распространенія на дѣйствительныя массы народа. Революція же 1848 г. дала рабочимъ только горькія разочарованія въ принесенныхъ ими безчисленныхъ жертвахъ.

Тогда выдвинулась школа Маркса, основавшая социаль-демократію. Марксъ объявилъ ошибочными идеи прежнихъ социалистовъ, назвавъ ихъ «утопическими». Съ тѣхъ поръ прошло полъ-вѣка. Идеи Маркса стали наиболѣе распространенными. Сотни тысячъ рабочихъ десятки лѣтъ стояли подъ его знаменами. Множество интеллигентныхъ вожаковъ и писа-

телей, а также и депутатовъ нашли себѣ занятіе и карьеру на этомъ поприщѣ. А рабочіе все-таки ничего не получили, и искомое пролетарское государство не ближе видится, чѣмъ во времена Бабёфа. Въ довершеніе начинаютъ оказываться ошибочными и самыя, якобы, «научныя основы» ученія Маркса. Не говоря о критикахъ другихъ школъ, его собственный ученикъ, признанный самымъ выдающимся умомъ соціальной демократіи, Бернштейнъ, разбилъ всѣ положенія К. Маркса, и если не отвергаетъ самой идеи социализма, то лишь безъ всякихъ основаній, по какой-то привычкѣ, и даже не умѣетъ объяснить, въ чемъ же собственно состоитъ «социализмъ», а практически совѣтуетъ рабочимъ то, что они и безъ него уже давно снова начали совершать въ своихъ профессиональныхъ организаціяхъ, которыя предшествовали революціи и социализму, и которыя рабочіе сохранили и развили потому только, что имѣли здравый смыслъ не всегда и не вездѣ итти въ поводу у революціонеровъ и социалистовъ.

IV.

На самомъ дѣлѣ, революція либеральнаго и соціальнаго порядка была всегда противъ профессиональныхъ организацій.

«Объ великія революціи,—говоритъ Кулеманъ,— 1789 г. и 1848 г., были далеки отъ того, чтобы оказать содѣйствіе рабочему движенію, и наложили на него тѣсныя оковы... Законъ 1791 г., ст. 4, воспретилъ всѣ союзы гражданъ одного сословія или промысла». Всѣ прежнія рабочія корпораціи были уничтожены. То же повторилось въ 1789 году. Первые социалисты не придавали имъ значенія и старались устраивать не отдѣльныя профессіи, а цѣлыя общины, какъ образ-

чикъ, по которому подлежать будетъ впоследствии перестройка всего государства. Они хлопотали не объ улучшеніи быта рабочихъ, а о переворотѣ самаго государства. Отдѣльные лица, какъ Оуэнъ, иногда давали рабочимъ хорошіе совѣты, но, такъ сказать, мимоходомъ, считая это не важнымъ. Точно такъ же школа Маркса и сродныя ей фракціи новѣйшаго социализма если и допускали профессиональные союзы, то лишь какъ средство для пріобрѣтенія вліянія на рабочихъ, ради привлеченія ихъ къ общему перевороту. Такъ, въ 1878 г. французскіе социалисты-коллективисты на Ліонскомъ конгрессѣ объявили, что «смотрятъ на профессиональные союзы только какъ на средство организациі классовой борьбы: стремиться же слѣдуетъ къ устраненію существующаго общественнаго строя». На конгресѣ въ Гаврѣ (1880) Гедъ и Лафаргъ (зять Маркса и марксистъ), при содѣйствіи самихъ Маркса и Энгельса, выработали программу, которая заявляетъ, что «профессиональные союзы и стачки—только вспомогательныя средства для организациі и агитациі». Цѣлью же организациі и агитациі для нихъ всегда оставалась социальная революція. Въ Германіи первый двигатель социализма Лассаль высказался противъ профессиональныхъ организацій и завѣщаль своимъ сторонникамъ отрицательное къ нимъ отношеніе, и въ Германіи профессиональные союзы были привиты рабочимъ не социалистами, а ихъ противниками, тѣми самыми Шульце-Деличемъ и Гиршемъ, съ которыми боролись социалисты Лассаль и Швейцеръ. Практическая социальная демократія, только скрѣпя сердце, согласилась на это движеніе рабочихъ, имѣя въ виду, что профессиональные союзы окажутся школой, въ которой рабочіе приготавливаются къ политической борьбѣ, въ цѣляхъ переворота.

V.

Такимъ образомъ, профессиональное рабочее движение возникло вопреки революціонной идеѣ и лишь поскольку революціонная идея не въ силахъ была отвратить рабочихъ отъ профессиональнаго движенія, а между тѣмъ въ теченіе XIX столѣтія пользу рабочимъ принесло не революціонное движеніе, постоянно ихъ обманывавшее и мѣнявшее каждыя 10—15 лѣтъ свои цѣли, а тѣ способы и улучшенія, какіе дало движеніе профессиональное. Поэтому въ XX вѣкѣ въ странахъ западныхъ лучше всѣхъ оказалось положеніе рабочихъ тамъ, гдѣ менѣе всего увлекались революціоннымъ движеніемъ и, руководясь своимъ умомъ, развивали шире движеніе профессиональное. Такою страной была Англія; всего же болѣе поддалась революціи Франція. Среднее мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи Америка и Германія. Въ концѣ-концовъ и оказалось, что наибольшей пользы рабочіе достигли въ Англіи, а наименьшей—во Франціи.

Въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX англійскій рабочій былъ, несомнѣнно, въ наихудшемъ положеніи во всей Европѣ. Нигдѣ не было такой страшной нищеты. Неимущихъ и жившихъ пособіями, какъ сказано, въ 1811 году насчитывалось 1.340.000 человѣкъ, въ 1820 — 2.500.000. Безправіе неимущихъ нигдѣ не было такъ страшно, какъ въ Англіи. (Объ этомъ много говоритъ Сеньбосъ.) Поэтому не мудрено, что сначала и англійскіе рабочіе увлеклись революціей. Имъ, какъ и въ другихъ странахъ, революціонеры твердили, будто соціалъ-демократическій строй все перевернетъ, потому что теперешній не допускаетъ улучшеній. Оуэнъ говорилъ, писалъ и на практикѣ показывалъ, какъ создать новый соціалистическій міръ. Револю-

ціонное движеніе чартистовъ указывало, что рабочіе должны добиться особой «хартіи» (изъ 20 пунктовъ), которая дастъ имъ возможность устроить государство по новому и тогда все пойдетъ хорошо. Болѣе трезвые умы, однакоже, сознавали, что рабочимъ впору понимать и устраивать только свои кровныя дѣла, доступныя дѣйствительно ихъ разумѣнію. А что касается устройства и переустройства государства, то если бы дѣло дошло до ломки, то государство непременно опять очутилось бы въ рукахъ не рабочихъ, но тѣхъ, кто стоитъ ближе къ дѣламъ управленія, т.-е. адвокатовъ, чиновниковъ, журналистовъ и т. д.

Народъ, стоя вдалькѣ за своей работой, не можетъ услѣдить надолго даже за своими депутатами. Все это и извѣдали на горькомъ опытѣ французы. Не устраивая своихъ рабочихъ дѣлъ, а думая переустроить государство, они низвергли монархію Людовика XVI, хотя король готовъ былъ предоставить народу всѣ нужныя реформы. Точно такъ же рабочіе низвергли Карла X, а потомъ Луи-Филиппа, хотя недовольство буржуазіи этими королями и жалобы либеральной интеллигенціи на нихъ вовсе не затрогивали интересовъ рабочихъ. Въ результатѣ рабочіе доставили много выгодъ буржуазіи и либеральной интеллигенціи и очень мало самимъ себѣ. Соціалистическія идеи, ничего не давъ рабочимъ, подвигли ихъ на кровавыя революціи 1848—9 гг. и Коммуну 1871 года, гдѣ сгибло много силъ совершенно безплодно. Когда же наступила республика, рабочіе увидѣли, что она не даетъ имъ ровно ничего такого, чего бы имъ не дало монархическое правительство, и даже гораздо менѣе обращаетъ на ихъ нужды вниманія, нежели монархическія правительства иныхъ странъ. Въ концѣ-концовъ, и у французскихъ рабочихъ народилось профессиональное движеніе, т.-е. мысль о

томъ, что лучше оставить перевороты и политику, а подумать самимъ о своихъ ближайшихъ дѣлахъ.

Англичане оказались гораздо практичнѣе. Хотя у нихъ было тоже громадное движеніе чартистовъ, когда противъ 300.000 рабочихъ правительству пришлось выдвинуть цѣлую армію подъ командой герцога Веллингтона, но это былъ единственный случай. Рабочіе Англіи, по англійской практикѣ и по правилу, «помогай самъ себѣ», съ самаго начала XIX вѣка уже начали подумывать объ улучшеніи и преобразованіи своихъ профессиональныхъ учрежденій для взаимопомощи, защиты своихъ правъ, увеличенія заработка, приведенія къ нормѣ рабочаго времени, повышенія образованія среди рабочихъ и т. д. Это движеніе у нихъ развивалось все болѣе, въ видѣ трэдъ-юніоновъ, а политическія движенія, въ смыслѣ всеобщаго переворота или въ смыслѣ захвата власти въ государствѣ— все болѣе падали. Оказалось, что англичане гораздо умнѣе; англійскіе рабочіе лучше остальныхъ устроили свое положеніе, и ихъ «отсталость» оказалась на самомъ дѣлѣ передовою.

Что касается численныхъ успѣховъ организациі рабочихъ, отъ которой зависитъ сила взаимопомощи, то получилась такая картина:

Количество организованныхъ рабочихъ:

	Всѣхъ рабочихъ.	Организо- ванныхъ.	
Англія (Кулеманъ)	8.000.000	1.647.000 (Зомбартъ)	25 ⁰ / ₀
Америка.	9.400.000	1.000.000	10 ⁰ / ₀
Германія.	8.300.000	700.000 (Зомбартъ)	8 ⁰ / ₀
Франція.	9.500.000	419.761 (Зомбартъ)	4 ⁰ / ₀

Другими словами, значитъ, кто больше всего поддавался революціоннымъ соблазнамъ, тотъ остался на послѣднемъ мѣстѣ, а кто сознательнѣе всего отбро-

силъ ихъ, тотъ сталъ на первомъ. Нужно еще прибавить, что англійскія организаци, самыя могущественныя, самыя богатая наилучше и помогаютъ рабочимъ, а французскія — самыя въ этомъ отношеніи слабыя и плохія.

Это указанное англійской практикой правильное пониманіе рабочими истинныхъ своихъ нуждъ входитъ все болѣе въ общее сознаніе. Революціонное движеніе уже со всѣхъ сторонъ покидается во имя професіональнаго. Такъ, одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ англійскихъ рабочихъ Бёрнсъ, примкнувшій, было, къ социализму, на опытѣ убѣдился въ неосуществимости социалистическихъ плановъ путемъ социально-демократической федераціи.

Въ Америкѣ рядъ главнѣйшихъ дѣятелей професіональнаго движенія прошелъ чрезъ ту же эволюцію. Такъ, Самуиль Гомперсъ былъ сначала социалистомъ, но практика показала ему опасность преній о коренномъ переустройствѣ общества и несостоятельность революціонныхъ приемовъ борьбы. Такъ же точно М. Гайръ былъ сначала социалистомъ, а потомъ сталъ професіоналомъ — трэдъ-юніонистомъ. Равнымъ образомъ, социаль-демократы Германіи, можетъ-быть и неискренно, стали подражать трэдъ-юніонамъ, а главная умственная сила партіи — Бернштейнъ по всѣмъ пунктамъ доказываетъ теперь справедливость практики англійскихъ рабочихъ.

Длинный рядъ ученыхъ изслѣдователей посвящаетъ свои труды наблюденію и разработкѣ професіональнаго движенія, созданнаго, главнымъ образомъ, самостоятельною рабочею мыслью. Таковы переведенные на русскій языкъ труды супруговъ Веббъ, Поля де-Рузье, Вигуру, Кулемана, Зомбарта и др. Правительства, сначала относившіяся къ этому движенію недо-вѣрчиво изъ опасенія революціонныхъ переворотовъ,

разграничиваютъ оба движенія и оцѣниваютъ пользу профессиональныхъ союзовъ, полезныхъ для рабочихъ столько же, какъ и для него самого.

На такую стадію развитія движеніе вступило и въ Россіи.

Огромная важность современнаго движенія заставляетъ отнести къ нему съ серьезнымъ вниманіемъ. Но прежде, чѣмъ обрисовывать выгоды, полученныя отъ него европейскими рабочими, слѣдуетъ выяснитъ себѣ изъ опыта Европы и по доводамъ разсудка, какъ организацію рабочихъ поставить у насъ, чего стараться достигнуть и чего беречься.

2.

Выгоды профессиональных¹⁾ союзовъ.

1.

Какъ объяснено въ предыдущей главѣ, все XIX столѣтіе прошло въ борьбѣ между идеями революціонной и промыслово-союзной. Въ результатѣ идея революціонная доказала свою бесполезность и даже зловредность для массы рабочаго народа, а идея промыслово-союзная столь же ясно подтвердила свою пользу для трудящихся и для всего государства и общества.

Эта польза нынѣ всесторонне разсматривается специалистами, изучающими общественные и политическіе вопросы, при чемъ обнаруживается, что развитіе промысловыхъ рабочихъ союзовъ благодѣтельно вліяетъ на всѣ отрасли жизни.

Оказывается, что оно выгодно:

- 1) Для развитія промышленности.
- 2) Для самихъ предпринимателей, фабрикантовъ и заводчиковъ, разъ они научаются приспособлять свои выгоды къ выгодамъ рабочихъ.
- 3) Для всего хода государственныхъ дѣлъ.
- 4) Для народнаго образованія и нравственности.
- 5) Для повышенія благосостоянія рабочаго класса

¹⁾ Т.-е. „промысловыхъ союзовъ“.

Каждый изъ этихъ пунктовъ имѣеть уже многочисленныя подтвержденія; знаніе этого необходимо для всѣхъ, кто, преслѣдуя цѣли общаго блага, понимаетъ необходимость способствовать общепользному движенію промысловыхъ рабочихъ союзовъ.

Дѣйствіе, какое союзы оказываютъ на поднятіе благосостоянія народной массы можно было бы предвидѣть по простому здравому разсужденію. Если разнаго рода революціонеры, политическіе и соціальные, этого не предвидѣли и даже цѣлое столѣтіе упорно отрицали, то лишь потому, что не желали пользоваться здравымъ смысломъ и всецѣло находились подъ обаяніемъ ложныхъ теорій.

Но если взглянуть на дѣло безъ предубѣжденія, то выгоды профессиональнаго движенія легко предвидѣть.

Въ сущности, что собою представляетъ движеніе, получившее въ Европѣ названіе профессиональнаго? Это— не что иное, какъ объединеніе трудящихся въ промысловые союзы, т.-е. союзы рабочихъ cadaго промысла.

Для чего заключаются эти союзы? Для взаимопомощи и поддержки рабочихъ во всемъ, что касается ихъ пользы и труда.

Легко понять, что нужды и затрудненія, встрѣчаемыя при занятіяхъ любымъ промысломъ, одинаковы для всѣхъ имъ занимающихся. Точно такъ же одинаковы и выгоды, получаемыя ими отъ промысла.

Эти выгоды и нужды cadaго промысла яснѣе всего видны тѣмъ, кто въ нихъ работаетъ. Слѣдовательно, рабочимъ cadaго промысла разумнѣе всего объединяться въ союзъ взаимопомощи. А союзъ — великое дѣло. Каждый человекъ въ отдѣльности слабъ и подвергнутъ случайностямъ и несчастіямъ, тогда какъ совокупность людей имѣеть болѣе прочности, силы и обезпеченности. Взаимная поддержка каждому сказывается выгодно. Все это ясно даже безъ доказа-

тельствъ. Но человекъ, ослѣпленный ложной идеей, есть самый безнадежный изъ всѣхъ слѣпыхъ, а потому европейскіе рабочіе цѣлое столѣтіе отвлекались отъ полезнѣйшаго движенія революціонною интеллигенціею, которая упорно твердила, что изъ него ничего не можетъ выйти.

II.

Къ концу XIX вѣка промышленные рабочіе союзы появились уже во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ Америкѣ, въ Австраліи. Въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ они возникали и при какихъ имъ приходилось дѣйствовать, эти союзы не вездѣ одинаково обставили область своего почина. Очень видное мѣсто въ большей части странъ занимала дѣятельность союзовъ по стачкамъ. Но въ наиболѣе развитыхъ союзахъ все болѣе приходятъ къ убѣжденію въ невыгодности стачекъ, которыя поглощаютъ слишкомъ много средствъ. Гораздо выгоднѣе и практичнѣе соглашеніе съ предпринимателями, если оно сколько-нибудь возможно. Какъ бы то ни было, дѣятельность союзовъ, даже во времена ихъ малой оцѣтности, далеко этимъ не исчерпывалась, но охватывала все болѣе разнообразныя стороны рабочей жизни.

Разсматривая дѣятельность рабочихъ союзовъ разныхъ странъ, мы видимъ, что она имѣла слѣдующія проявленія:

- 1) Пособія при безработицѣ.
- 2) Пособія при похоронахъ.
- 3) Лѣченіе рабочихъ.
- 4) Пособія при несчастныхъ случаяхъ.
- 5) Пособія при старости.
- 6) Пособія сиротамъ умершихъ членовъ.

- 7) Пособія при неспособности къ труду.
- 8) Юридическая помощь.
- 9) Пособія на переѣзды и переселеніе.
- 10) Устройство потребительныхъ обществъ.
- 11) Устройство кассъ взаимопомощи.
- 12) Устройство рабочихъ клубовъ, бібліотекъ и лекцій для рабочихъ.

Сверхъ того, союзы своимъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ, хлопотами и ходатайствами достигаютъ въ разныхъ мѣстахъ:

- 1) Повышенія заработной платы.
- 2) Уменьшенія чрезмѣрнаго рабочаго времени.
- 3) Предупрежденія и разрѣшенія промышленныхъ столкновений.
- 4) Заключенія артельныхъ (коллективныхъ) договоровъ на фабрикахъ.
- 5) Третейскаго суда по столкновеніямъ рабочихъ съ предпринимателями, если недоразумѣнія не разрѣшима домашними средствами.
- 6) Устройства здоровыхъ рабочихъ жилищъ и соблюденія санитарныхъ условій.
- 7) Устройства предохранительныхъ мѣръ на фабрикахъ, рудникахъ и т. д.
- 8) Заведенія печатныхъ органовъ рабочихъ союзовъ.

Наконецъ среди самихъ предпринимателей развивается пониманіе нуждъ рабочихъ и складывается мысль, что для обѣихъ сторонъ лучше жить по общему согласію, въ мирѣ, соблюдая взаимные интересы. Среди рабочихъ воцаряется спокойствіе и уничтожается вражда къ хозяевамъ.

Наконецъ вся эта дѣятельность привлекаетъ попечительное вниманіе правительства, и появляются законодательныя мѣры, которыя окончательно устанавливаютъ лучшія условія работы и взаимоотношеній

какъ между рабочими, такъ и между рабочими и хозяевами.

Итакъ промысловые рабочіе союзы повсюду, гдѣ возникали, достигаютъ неотвратимо важныхъ для рабочихъ результатовъ, а именно:

- 1) Обеспеченія правъ рабочаго.
- 2) Повышенія результатовъ его матеріальнаго благосостоянія.
- 3) Улучшенія его быта и повышенія его развитія.

Все это уже доказано фактами. Болѣе 4 милліоновъ рабочихъ, объединившихся въ союзы по разнымъ странамъ, признали это не изъ теоріи, а по опыту. Эти милліоны рабочихъ не стали бы дѣлать значительныхъ ежегодныхъ взносовъ на свою организацію и не стали бы терять на нее времени, если бы не убѣждались воочію, какъ эти траты времени и денегъ съ огромной прибылью окупаются всесторонней пользой, приносимой союзами.

III.

Чтобы дать наглядное понятіе о размѣрахъ улучшенія, которое внесено профессиональнымъ движеніемъ въ жизнь рабочихъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ, въ сочиненіи Вебба «Теорія и практика трэдъ-юніонизма» (т. 2, стр. 720) заработная плата англійскихъ рабочихъ за 50 лѣтъ (съ 1846 по 1896 г.) измѣнилась слѣдующимъ образомъ:

- 1) Наборщикъ съ 33 шиллинговъ (въ недѣлю) дошелъ до 38 шиллинговъ.
- 2) Каменотесъ съ 20 шиллинговъ (въ недѣлю)—до 38 шиллинговъ.
- 3) Присмотрщикъ за машиной съ 14 шиллинговъ (въ недѣлю)—до 38 шиллинговъ.

Профессоръ Зомбартъ («Во что бы то ни стало», стр. 71) приводитъ слѣдующія данныя объ улучшеніи положенія членовъ рабочихъ союзовъ въ Гамбургѣ, за время 25 лѣтъ.

25 лѣтъ тому назадъ рабочимъ въ Гамбургѣ приходилось работать съ 5 часовъ утра до 8 вечера, т.-е. около 13—14 часовъ въ день. За эту работу они получали отъ 9 до 12 марокъ въ недѣлю. Съ тѣхъ же поръ, какъ явились промышленные союзы, время работы стало сокращаться, а заработная плата повышаться, а теперь установилась: работа отъ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, съ двухчасовымъ перерывомъ, т.-е. 10 часовъ въ день. Недѣльная плата теперь дошла отъ 18 до 24 марокъ, т.-е. ровно вдвое больше. При этомъ воскресныя работы, которыя прежде существовали, теперь совершенно уничтожены.

Примѣры эти, кажется, достаточно убѣдительны.

Революціонеры утверждаютъ, будто рабочіе не могутъ получить никакой выгоды отъ промысловаго движенія. На дѣлѣ, однако, для рабочаго большая выгода, если онъ работаетъ на 3—4 часа въ день меньше и получаетъ при этомъ вдвое больше. Это уже не пустыя обѣщанія журавля въ небѣ, а порядочная синица въ рукахъ.

Точно такъ же и въ другихъ своихъ нуждахъ рабочіе нашли въ союзахъ огромную поддержку.

Въ Англіи безработные получали пособія по разнымъ союзамъ, отъ 3 мѣсяцевъ до года, и иногда даже въ полномъ размѣрѣ бывшей заработной платы. Пособіе на погребеніе членовъ доходитъ до 200 марокъ.

На лѣченіе союзы выдаютъ около 10 марокъ въ недѣлю, при чемъ плата этого расхода въ разныхъ случаяхъ производится больному въ размѣрѣ отъ 13 до 35 марокъ въ недѣлю.

Пособія при несчастныхъ случаяхъ иногда составляютъ огромную сумму въ 1.000 и 2.000 марокъ. Члены,

пробывшіе въ союзахъ по 30—40 лѣтъ, получили пенсіи на старость, а чаще всего единовременныя пособія.

Какъ огромна помощь, получаемая, такимъ образомъ, отъ поддержки рабочихъ, видно изъ такого примѣра. Сто главнѣйшихъ союзовъ Англіи, теперь имѣющіе въ совокупности 1.059.000 членовъ, за 6 лѣтъ (съ 1892 по 1897 г.) издержали на взаимопомощь всѣхъ видовъ 9.220.120 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. около 90 милл. руб., въ томъ числѣ собственно пособія составляли около 50 милл. руб. (Кулеманъ, стр. 64—65). При этомъ капиталъ означенныхъ обществъ все-таки возросъ на 14 милл. руб.

Огромную помощь своимъ членамъ оказываютъ австралійскіе горнорабочіе союзы.

За 18 лѣтъ они выдали:

700.000 руб. въ пособіе при несчастныхъ случаяхъ.

130.000 руб. похороннаго пособія.

150.000 руб. другихъ пособій.

60.000 руб. затраты на стачки.

Нѣмецкіе рабочіе, задержанные въ развитіи профессиональной самопомощи, далеко не могутъ сравниться съ англійскими. Однако и ихъ операціи взаимопомощи значительны. Ихъ капиталъ доходитъ до 2 милліоновъ рублей, при ежегодномъ расходѣ въ 2 милліона рублей (Зомбартъ, стр. 44). Въ числѣ расходовъ имѣется такая безспорно полезная помощь рабочихъ, какъ свыше 100.000 руб. въ годъ на безработныхъ, почти 300.000 руб. выдается больнымъ, болѣе 38.000 руб.—неспособнымъ къ труду. Значительны затраты нѣмецкихъ союзовъ также на юридическую помощь рабочимъ, на посредничество при наймѣ пособія, на передвиженіе рабочихъ и т. п. Огромныя деньги нѣмецкіе союзы тратятъ на свои органы печати, доходя едва ли не до чрезмѣрной щедрости (250.000 руб. въ годъ).

Въ Австріи у нѣмецкихъ и чешскихъ рабочихъ это дѣло менѣе развито, 730 союзовъ, имѣющихся здѣсь, все же выдаютъ ежегодно пособій около 70.000 руб. и скопили капиталовъ около 300.000 руб. (Кулеманъ, стр. III).

IV.

Мы имѣемъ въ виду не подвести итоги той прямой помощи, которую даютъ рабочимъ промышленные союзы повсюду, гдѣ возникаютъ, а лишь дать наглядные образчики ея. Эта помощь настолько осязательна, что всѣ толки о невозможности будто бы улучшенія быта народа путемъ закономѣрной мирной дѣятельности должны были повсюду постепенно смолкнуть.

Промысловые союзы завоевали себѣ величайшее довѣріе у рабочаго класса и признаніе со стороны ученыхъ экономистовъ.

Ученые наблюдатели современной жизни народовъ начинаютъ примѣчать и другія достоинства промышленныхъ союзовъ, ихъ пользу для самого государства и для болѣе широкаго развитія промышленности (Кулеманъ, Зомбартъ, Веббы).

Прежде, чѣмъ коснуться этихъ болѣе широкихъ видовъ, необходимо предварительно остановить вниманіе на тѣсной связи, какую профессиональные союзы должны имѣть съ мѣстными отечественными условіями. Отъ этого совершенно зависитъ ихъ успѣхъ и польза, какую они могутъ принести.

3.

Значеніе мѣстныхъ условій для промысловыхъ союзовъ.

1.

Промысловые союзы и въ Россіи не менѣе развиты. Не говоря о земледѣльческихъ общинахъ, наши артели издавна наполняли всю промысловую сторону русскаго труда, представляя иногда важную и развитую форму (какъ, на примѣръ, на рыболовныхъ промыслахъ); у нашихъ артелей извѣстны многія формы взаимопомощи, нынѣ только вырабатываемыя въ Европѣ. Такъ, у насъ издавна въ ходу рядитсяя артелью, что составляетъ именно «коллективный договоръ», до котораго съ такимъ трудомъ додумались европейскіе профессиональные союзы. Но всѣ проявленія нашихъ промысловыхъ союзовъ доселѣ относились къ области труда элементарнаго, не представляющаго сложныхъ взаимоотношеній съ капиталомъ.

Крупная промышленность, со всѣми усложненіями капитала и труда, у насъ явилась на сто лѣтъ позднѣе, нежели въ Европѣ; поэтому намъ теперь, для приспособленія идеи рабочихъ промысловыхъ союзовъ къ новымъ сложнымъ условіямъ, необходимо исполь-

зовать примѣры столѣтняго опыта европейскихъ рабочихъ. Это обстоятельство очень выгодно для развитія нашихъ промысловыхъ союзовъ, которые, такимъ образомъ, могутъ избѣжать многихъ ошибокъ, оказывавшихся неизбежными въ Европѣ.

Разсматривая практику европейскаго рабочаго движенія, мы видимъ, какъ общее правило, что развитіе промысловыхъ союзовъ и польза, доставляемая ими рабочимъ, всецѣло зависитъ отъ того, насколько союзы и ихъ цѣли сообразуются со всей широтой мѣстныхъ условій. Такъ, напримѣръ, въ Англіи рабочіе нерѣдко находили наиболѣе выгоднымъ вступать въ союзъ съ консервативной партіей и, дѣйствительно, болѣе всего уступокъ добились отъ министровъ торійскихъ. Въ Германіи же связи рабочихъ съ социаль-демократами были причиною того, что профессиональные союзы возбуждали противъ себя подозрѣніе правительства и долгое время не получали законодательной санкціи и, конечно, этимъ крайне задерживались въ своемъ развитіи. У наиболѣе практичныхъ англійскихъ рабочихъ настолько развито вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ, что порою они, напримѣръ, даже не находятъ выгоднымъ хлопотать о сокращеніи рабочаго времени. Вообще успѣшное и полезное дѣйствіе промысловыхъ союзовъ повсюду тѣсно связано съ тѣмъ, насколько они дѣйствуютъ, сообразуясь съ мѣстными условіями какъ въ широкомъ національномъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ наличныхъ условій труда.

Это же обстоятельство надо имѣть въ виду и въ Россіи, задаваясь цѣлью поставить и развить промысловые союзы соотвѣтственно народившимся формамъ крупной и сложной промышленности.

Въ этомъ отношеніи у насъ для правильной и полезной постановки дѣла слѣдуетъ помнить чрезвычайную своеобразность нашего отечества въ его поли-

тически-соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ, и прежде всего не упускать изъ виду:

- 1) Особенность нашихъ правительственныхъ условій.
- 2) Особенность нашихъ соціальныхъ народныхъ условій.
- 3) Особенность нашихъ образовательно-просвѣтительныхъ условій.

II.

Профессіональная организація рабочихъ Европы началась заново въ XIX вѣкѣ, т.-е. когда во всѣхъ странахъ Европы монархическая власть была совершенно уничтожена или подорвана до полного безсилія. Европейскимъ рабочимъ приходилось добиваться объединенія, когда правительственная власть перешла въ руки различныхъ классовъ или партій, а потому, волей-неволей, приходилось съ этими партіями сообразовываться.

Россія же дожила до временъ новой усложненной промышленности, не утративъ единой верховной власти самодержавнаго Государя, который, не принадлежа ни къ какому сословію, ни къ какому классу и ни къ какой партіи, обнимаетъ своимъ любвеобильнымъ отеческимъ попеченіемъ весь народъ и преслѣдуетъ единственную цѣль видѣть повсюду благоденствіе, обеспеченность и благосостояніе правъ всѣхъ и cadaго изъ вѣрноподданныхъ.

Это—великое благо для русскаго народа и на немъ слѣдуетъ основать и надежды рабочихъ въ ихъ современномъ положеніи.

Несомнѣнно, и въ Россіи есть интересы сословные и классовые и просто своекорыстные. Безъ сомнѣнія, и у насъ поэтому возникаютъ партіи, вліяніе которыхъ можетъ доходить до самого правительства, Монар-

хомъ учреждаемаго. Но правительство и Монархъ не одно и то же. Правительство, состоя изъ людей разныхъ сословій или даже партій, измѣняется по мановенію руки Монарха, который одинъ остается вѣчнымъ и незыблемымъ. Бывали и у насъ въ исторіи примѣры того, что лица, призванныя въ правительство, преслѣдовали интересы классовые и партійные, пока правда общаго блага не доходила до Монарха, или пока Царское око не усматривало благопріятныхъ и удобныхъ обстоятельствъ для осуществленія блага, но мысль Монарха всегда направляется къ общенародному благу. Какъ гласятъ наши вѣковыя народныя пословицы: «Народъ тѣло, а Царь голова», связь народа съ Царемъ—прочна, какъ сама Россія. «Народъ думаетъ, а Царь вѣдаетъ», говоритъ пословица. «Какъ народъ вздохнетъ—до Царя дойдетъ». «Царево око—видитъ далеко». «Гдѣ Царь, тамъ и правда».

Такъ думалъ и вѣрилъ русскій народъ во время еще крѣпостного права, и эта вѣра оказалась истинной. Царское око ни на минуту не покидало народа безъ призора и когда, наконецъ, оказалось возможнымъ, незабвенный Царь-Освободитель осуществилъ намѣренія своихъ предшественниковъ, и русское крестьянство получило не только свободу, но утраченное землевладѣніе и самоуправленіе.

Когда императоръ Александръ II совершалъ великое историческое дѣло 19 февраля 1861 г., наше фабрично-заводское населеніе существовало, можно сказать, въ зародышѣ, и его положеніе далеко еще не опредѣлилось и не выяснилось. Съ тѣхъ поръ отчасти подъ вліяніемъ появленія свободнаго труда, созданнаго 19 февраля 1861 года, у насъ развилась фабрично-заводская промышленность, явился и рабочій классъ, нынѣ достигающій численности 2.000.000. д. Явились у него и нужды. Въ заботахъ о своихъ

нуждахъ и стараясь ихъ удовлетворить, наше рабочее сословіе должно, по примѣру отцовъ своихъ, твердо памятовать, что теперь, какъ и прежде, у насъ «Народъ тѣло, а Царь голова», что «Какъ народъ вздохнетъ—до Царя дойдетъ», потому что «богатъ Богъ милостью, а Царь жалостью» и «Гдѣ Царь, тамъ и правда».

Вотъ эти-то надежды и должны быть твердою опорою для современныхъ рабочихъ въ домогательствахъ къ удовлетворенію своихъ нуждъ. Но только для этого въ своихъ дѣйствіяхъ рабочіе точно такъ же должны, съ своей стороны, помнить правду и справедливость, чтобы не огорчить правдолюбиваго сердца Монарха, но они своими поступками обязаны доказывать ему постоянно, что они достойны Его заботъ и милости. Когда Царь съ народомъ, то и Самъ Богъ съ народомъ, и все благое для народа осуществится, какія бы ни являлись тому помѣхи со стороны своекорыстныхъ собственниковъ.

III.

Другую важную социальную особенность въ положеніи нашего рабочаго составляетъ его тѣсная связь съ крестьянствомъ деревенскимъ.

Въ Западной Европѣ эта связь фабрично-заводскаго населенія съ земледѣльческимъ совсѣмъ уничтожена или безнадежно подорвана. У насъ же до сихъ поръ значительная часть городскихъ рабочихъ принадлежитъ скорѣе деревнѣ, нежели городу, а фабрично-заводская работа является только подспорьемъ—отхожимъ промысломъ. Часть коренныхъ заводско-фабричныхъ рабочихъ, правда, лично вполне специализировалась на промыслѣ, но сохраняетъ право на землю и въ деревнѣ

на участіе въ общинныхъ дѣлахъ, а равно имѣеть тамъ отцовъ, братьевъ и родню. Лишь немногіе рабочіе находятся на положеніи западнаго пролетарія.

Это—важная особенность, которую нельзя упускать изъ виду при обсужденіи мѣръ обезпеченія и улучшенія быта промысловыхъ рабочихъ черезъ дѣятельность союзовъ.

Условія собственно трудовыя на фабрикахъ и заводахъ опредѣляются общими законами крупнаго производства такъ, что мѣры нормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, охраненія заработной платы и многія задачи промысловыхъ союзовъ будутъ разрѣшаться, вѣроятно, у насъ сходственно съ Западной Европой. Но мѣры обезпеченія фабрично-городскаго рабочаго при болѣзни, неспособности къ труду, въ престарѣломъ возрастѣ, а также во многихъ его семейныхъ запросахъ (какъ, на примѣръ, по воспитанію дѣтей), повидимому, могутъ у насъ практичнѣе сложиться иначе, чѣмъ въ Западной Европѣ, и съ гораздо лучшими послѣдствіями.

Если наши промысловыя организаціи будутъ имѣть въ виду существующую тѣсную связь своихъ членовъ съ деревнею, то легко могутъ входить въ соглашенія съ крестьянскими обществами для совмѣстнаго устройства въ деревнѣ хорошихъ пріютовъ для нуждающихся въ воздухѣ, отдыхѣ и поправкѣ. Таково же можетъ быть пристройство вдовъ и сиротъ городскихъ рабочихъ. Наконецъ сами они, достаточно на своемъ вѣку поработавъ, могли бы спокойно и недорого доживать вѣкъ въ деревнѣ.

Устройство всего этого можетъ всего лучше обнаружиться на практикѣ.

Вообще нельзя не согласиться, что жизнь въ фабрично-заводскихъ центрахъ хороша только для за-

работка, пока человекъ вполне крѣпокъ и здоровъ, а какъ только силы начинаютъ измѣняться, трудъ быстро убиваетъ человека, и устроить нормально его жизнь въ городской тѣснотѣ и зараженности возможно только при крупныхъ затратахъ. Въ деревнѣ, наоборотъ, это легко и дешево. Въ Западной Европѣ это сдѣлалось невозможнымъ по безземелью народа, у насъ же крестьянское сословіе имѣетъ огромныя пространства земли; эти пространства постоянно увеличиваются дешевыми покупками, и если бы наши городскіе рабочіе не отрывались отъ деревни, а имѣли ее въ виду, какъ надежное прибѣжище, то крестьянское землевладѣніе получило бы еще новые способы къ дальнѣйшему возрастанію. Поэтому промысловымъ союзамъ выгодно подумать о томъ, чтобы средства, подлежащія затратѣ на больныхъ, усталыхъ, престарѣлыхъ, вдовъ и сиротъ, направлялись въ деревню для ея обогащенія.

Такая связь городскихъ рабочихъ съ деревенскими братьями усилить независимость городскихъ рабочихъ и поможетъ имъ сохранить лучшую нравственность. Въ свою очередь, присутствіе въ деревнѣ городского рабочаго, болѣе образованнаго и развитога, окажется полезнымъ для улучшенія деревенскаго быта.

Вообще въ интересахъ рабочаго класса не нарушать, а поддерживать связь между городскимъ трудящимся слоемъ и деревенскимъ, какъ то наблюдалось въ прежнія времена у дворянскаго сословія, которое отчасти служило въ городѣ, но крѣпко держалось за помѣстья, и пока держалось такой политики, являлось самымъ процвѣтающимъ сословіемъ въ Россіи.

Для рабочаго сословія—фабрика и заводъ такая же «служба», которая выгоднѣе всего тогда, когда есть какая-нибудь опора внѣ ея—на родной деревенской почвѣ.

IV.

Указанныя особенности Россіи благопріятны для успѣшнаго развитія промысловыхъ союзовъ. Но въ отношеніи образовательно-просвѣтительномъ мы считаемся съ особенностями неблагопріятными.

Понятно, такое сложное дѣло, какъ разумная и практичная постановка промысловыхъ союзовъ рабочихъ, потребуетъ не только здраваго смысла отъ рабочей массы, но и руководителей съ большими знаніями науки и жизни.

Такихъ руководителей и въ Западной Европѣ оказывалось немного; большая часть лицъ интеллигентнаго слоя только мѣшало и вредило дѣлу, вовлекая рабочихъ въ политическія движенія не только бесполезныя, но прямо вредныя. У насъ же въ этомъ отношеніи интеллигентный слой несравненно хуже, нежели въ европейскихъ странахъ, и заставляетъ относиться съ еще большею осторожностью къ пользованію его услугами.

Нашъ русскій образованный слой въ теченіе двухсотъ лѣтъ привыкъ учиться у европейцевъ, мало самостоятеленъ въ разработкѣ науки и очень склоненъ подражать всему, идущему изъ Европы. Между тѣмъ профессиональное рабочее движеніе — дѣло практическое, въ которомъ важнѣе всего думать своей головой, принимать во вниманіе свои условія и обстоятельства.

Поэтому у насъ очень трудно рассчитывать на хорошихъ и полезныхъ руководителей изъ интеллигенціи. А въ то же время предвидится не мало опасности получить изъ среды интеллигентной руководителей — вредныхъ, т.-е. такихъ людей, которые думаютъ о либеральныхъ новшествахъ и революціонныхъ переворотахъ, и когда сходятся съ народомъ, то лишь ради исполъ-

зованія его силъ для этихъ цѣлей. Такіе друзья, конечно, хуже открытыхъ враговъ, а они-то всего охотнѣе втираются въ рабочую среду и легко вводятъ ее въ заблужденіе своими фразами о любви къ народу и желаніи ему блага.

Это обстоятельство заставляетъ при самомъ началѣ устройства промысловыхъ союзовъ поставить непременно условіемъ возможно большую умственную самостоятельность рабочихъ и выборъ ими руководителей изъ собственной среды.

Конечно, это не легко, потому что образованіе въ народной массѣ до сихъ поръ у насъ сдѣлало мало успѣховъ, и очень рѣдко встрѣчаются среди рабочихъ люди, достаточно образованные для того, чтобы не попадать въ руки фальшивыхъ друзей народа.

Однако, какъ ни трудно это, а все-таки необходимо для успѣха промысловыхъ союзовъ. Изъ двухъ золъ лучше хоть малообразованный, да свой братъ, человѣкъ рабочей среды, съ которой связанъ и происхожденіемъ, и трудомъ, и интересами. Такой человѣкъ, по крайней мѣрѣ, нарочно не подведетъ собратьевъ. А между тѣмъ, постепенно, при самомъ веденіи дѣла люди рабочей среды приобрѣтутъ и опытность, и разумѣніе жизни, а образовательное чтеніе увеличитъ кругъ познаній рабочихъ.

Но и поставляя себѣ за правило всемѣрно искать и находить руководителей изъ собственной среды, рабочіе должны памятовать, что безъ образованія не обойдешься и что образованія въ народной средѣ слишкомъ недостаточно. Поэтому одной изъ главныхъ задачъ промысловыхъ союзовъ должно явиться попеченіе о повышеніи образованія рабочей среды. Конечно, для этого уже многое дѣлается правительствомъ — оно учреждаетъ школы и заботится о благонамѣренной здоровой народной литературѣ. Но по отсталости на-

рода въ отношеніи образованія профессиональные союзы рабочихъ должны и сами способствовать этому дѣлу. Европейскіе рабочіе также, на ряду съ заботой о трудовыхъ условіяхъ, стараются не мало и о поднятіи своего образованія. Въ Россіи объ этомъ приходится думать еще серьезнѣе.

Чѣмъ шире въ рабочей массѣ разольется хотя бы первоначальное образованіе, тѣмъ легче наиболѣе способные изъ рабочихъ могутъ пойти дальше въ своемъ образованіи, такъ чтобы постепенно возникла настоящая народная интеллигенція, т.-е. люди, которые, не уступая въ образованіи высшимъ классамъ, связуются съ рабочей средой всѣми понятіями, привязанностями и бытомъ. Когда такихъ людей окажется достаточно, тогда и руководители явятся свои и народная масса не будетъ, какъ въ Европѣ, попадать въ чужія лапы, работая на дѣло, полезное не ей, но другимъ общественнымъ слоямъ.

Вотъ эти-то три главныхъ особенности, среди которыхъ вращается нарождающееся у насъ дѣло промышленныхъ союзовъ, съ перваго же шага потребуетъ отъ русскихъ рабочихъ способовъ дѣйствій, отличныхъ отъ тѣхъ, какіе профессиональное движеніе проявило въ XIX в. въ Западной Европѣ.

А. Тихомировъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	3
Зубатовщина	5
Приложеніе: Записка объ учрежденіи профессиональ- ныхъ союзовъ	181
1. Профессиональная организація рабочихъ . .	183
2. Выгоды профессиональныхъ союзовъ . . .	196
3. Значеніе мѣстныхъ условій для промысловыхъ союзовъ	204
